

Всемирный клуб одесситов

Влас Дорошевич

Одесса, одесситы
и одесситки

Фельетоны

Воспоминания о В.М. Дорошевиче

ПЛАСКЕ

Одесса 2013

УДК 821.161.1'06-4(081)

ББК 84(4Рос=Рус)61-49я44

2013

Д

Дорошевич Влас Михайлович
Одесса, одесситы и одесситки. Фельетоны. Воспоминания
о В.М. Дорошевиче.
Составители: Галина Закипная, Евгений Голубовский
Редакторы: Татьяна Липтуга, Алена Яворская.
Одесса, ПЛАСКЕ, 2013 – 352 с., илл.

ISBN 978-966-8692-49-9

Книга представляет собой первое с 1895 года переиздание сборника фельетонов В. Дорошевича, посвященных жителям Одессы, их уникальному быту, языку и привычкам. Издание дополнено фельетонами В. Дорошевича из газеты «Одесский листок» и воспоминаниями его современников. Публикуются впервые также литературные материалы В. Дорошевича из фондов Одесского литературного музея. При оформлении книги использованы реклама и фотоматериалы из газет «Одесский листок», хранящиеся в фондах Одесского литературного музея.

На обложке – открытка «Привет из Одессы». Нач. XX века.
Иллюстрации из фондов Одесского литературного музея, собраний Е.М. Голубовского, А.А. Дроздовского, С.В. Калмыкова, Т.И. Максимюка.

© Одесский литературный музей, 2013
© Голубовский Е.М., составление, предисловие, 2013
© Закипная Г.В., составление, статья, подбор иллюстраций, 2013
© Божко А.И., статья, 2013

V. Doroshovich

Благодарим за помощь Татьяну Щурову, Гария Гехтлера, Анатолия Дроздовского, Сергея Калмыкова, Тараса Максимюка, Эмму Насонову, Елену Черненко, Евгению Шабельскую, а также Вадима Перельмутера за предоставление неопубликованного очерка Георгия Шенгели о В. Дорошевиче.

Евгений Голубовский

Король умер? Да здравствует король!

Задумывались ли вы, почему Исаак Бабель величает Беню Крика – Королем?..

Задумывались ли вы, почему Вера Холодная в Одессе считалась Королевой экрана?

У меня в отделе культуры в газете «Вечерняя Одесса» долго висела афиша «Короли чечетки! Глед и Глед» за 1922 год. Кто мог подумать, что вездесущий фотокорреспондент Михаил Глед, подаривший мне эту афишу, был когда-то чечеточником, а его брат Эмиль Глед чуть ли не до конца 80-х годов XX века преподавал мальчишкам модный степ. Короли чечетки оставались королями.

В нашем, самом демократическом городе Российской империи, о чем свидетельствовал еще маркиз де Кюстин, была своя иерархия ценностей. И высшее признание – Король.

Именно в Одессе Королем фельетона стал Влас Михайлович Дорошевич, фигура легендарная и живописная.

Если бы собрать все воспоминания о Владе Дорошевиче, все статьи, написанные о нем при его жизни, а жизнь, как подумаешь, была у него не такой уж длинной – всего 57 лет, то соберется увесистый том, много больший того, что вы держите в руках.

Им восхищались. Его ругали. Выгоняли из Одессы. Приглашали вновь. Отправляли в командировку на Сахалин. Подавали на него в суд. И издавали, издавали, издавали. Фельетоны в газетах. Очерки в журналах. Отдельные издания. Прижизненное девяти томное собрание сочинений. Как оказалось, настолько неполное, что современным исследователям еще предстоит издавать и переиздавать Дорошевича.

Вот и мы в «Одесской библиотеке» задумали вернуть читателю книгу Власа Дорошевича «Одесса, одесситы и одесситки», выпущенную в 1895 году в издательстве Ю. Сандомирского в Одессе и ставшую еще при жизни автора библиографической редкостью, а сегодня – буквально раритетом. Из всех одесских книжных собраний, как оказалось, «незачитанной» она сохранилась лишь в Одесском литературном музее, сотрудники которого и предложили дать книге новую жизнь. И именно в «Одесской библиотеке».

Влас Дорошевич, по классификации Велимира Хлебникова, делившего мир на приобретателей и изобретателей, конечно же, изобретатель.

Изобрел «короткую строку», ставшую его фирменным знаком.

Изобрел понятие «одесский язык» и назвал так свой лирический фельетон.

Правда, и до него, еще в 1855 году, филолог Константин Зеленецкий выпустил работу «Русский язык в Новороссийском крае». И другие исследователи толковали о южнорусском говоре. Но только Дорошевич написал, как отрезал: «одесский язык», вводя это понятие в современные энциклопедии.

Влас Михайлович почувствовал своеобразие одесситов (и одесситок!) и нередко именовал самого себя «странствующим одесситом».

Многим запомнилось, что Лев Троцкий написал однажды, что Одесса – это маленький Париж. Троцкий – литературный ученик Дорошевича, о чем мы еще расскажем. Но задолго до Льва Давидовича Влас Михайлович Дорошевич сравнил в фельетоне «Большая Одесса» наш город с Марселем.

Забавно, что уже в 20-е годы XX века Исаак Бабель, побывав в Марселе, по сути, повторил мысль Дорошевича – вот какой могла бы стать Одесса, если бы ей не мешали. Но это были уже другие времена, когда тот же Бабель в отчаянии писал своему другу: «Одесса мертвее, чем мертвый Ленин. Тут ужасно...».

А во второй половине XIX века Одесса бурно развивалась. Прагматичный Дорошевич мог позволить себе сравнивать Одессу не только с Марселем, но и с Римом, хоть, естественно, знал, что на роль «третьего Рима» претендовала Москва, как и помнил чеканную формулу старца Филофея из монастыря под Псковом: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии».

Так быть или не быть? – задумывался Дорошевич...

Быть ли Одессе? – так вопрос не стоял.

Быть ли в ней литературе, достойной третьего города империи?

А впрочем, самое время хоть вкратце рассказать современному читателю о жизни человека, который по праву может считаться то ли предшественником, то ли учителем одесской литературной школы.

Сложившаяся традиция справедливо соотносит все лучшее, что было в нашей словесности, с творчеством А.С. Пушкина. В размышлениях об одесской литературной школе – это более чем разумно. Олег Губарь не раз писал, что все описания Одессы после Пушкина так или иначе использовали как безукоризненный источник Одесскую главу «Евгения Онегина». И «Зеленая лампа» одесситов в начале XX века воскрешала в памяти «Зеленую лампу» и «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» начала XIX века, связанных с участием Пушкина.

Но за 70 лет после высылки А.С. Пушкина из Одессы большого общероссийского писателя, здесь работающего, здесь печатающегося, в городе не было. Пока в 1893 году в Одессу не переехал на работу в «Одесском листке» Влас Дорошевич.

Влас Михайлович Дорошевич. Удивительно непростая судьба сложилась у этого писателя, всегда настаивавшего на том, что он газетчик, а это означало и репортер, и рецензент, и интервьюер, но прежде всего – фельетонист. В том старом русском значении этого понятия, которое включало в себя и эссеистику, и памфлет, и очерки нравов...

Всеми этими средствами и жанрами журналистской, нет – писательской, профессии Влас Дорошевич владел превосходно.

И все же пора обозначить вехи его биографии.

Влас Сергеевич Соколов родился 5 января 1865 года в Москве.

При чем же здесь Дорошевич? – спросит нетерпеливый читатель.

Его мать Александра Урвановна Денисьева, выпускница Смольного института, дворянка, ставшая впоследствии писательницей, порвала со своей семьей, выйдя замуж за сына метранпажа московской типографии Сергея Соколова, человека богемного, пьющего... Более того, вышла замуж уже после того, как родился у нее незаконнорожденный сын. Я пересказываю не фабулу какого-нибудь неизвестного романа Дюма-отца, а трагическую реальную историю «из жизни». Денисьева (тогда еще не Соколова), едва родив ребенка, вынуждена была «по политическим мотивам», как утверждала в мемуарах дочь Власа Дорошевича, бе-

жать за границу, оставив полугодовалого младенца в гостинице. Причем написала записку, естественно, на французском языке о том, что ребенок еще не крещен, «прошу дать ему имя Влас в честь Блеза Паскаля».

И действительно, дали. Полицейских, прибывших арестовывать Соколову, сопровождал понятой – коллежский секретарь Михаил Иванович Дорошевич, хоть и женатый, но бездетный. Он усыновил младенца, дал ему имя Влас, свое отчество – Михайлович, свою фамилию – Дорошевич.

Так в том же 1865 году, летом, обрел второе рождение наш герой – Влас Михайлович Дорошевич.

У этой истории есть еще одно, нелепое продолжение. Через 10 лет А. Соколова, вернувшись в Москву, через суд возвратила себе сына.

История, которую я изложил, – одна из версий. Причем не самая ужасная. Ее придерживается известный исследователь творчества Власа Дорошевича Семен Букчин. Она восходит к мемуарам дочери Власа Михайловича Натальи Власьевны. Но есть и другая версия, опубликованная на основании архивных документов Н. Прозоровой. Александра Денисьева не бежала за границу, оставив в гостинице ребенка. Она предварительно сговорила с Дорошевичами, заключила с ними договор, как бы уступила им навсегда своего незаконнорожденного ребенка. А впоследствии, став на ноги, через суды отобрала мальчика, лишив его любимой семьи.

Так Влас Дорошевич, «приемыш», а потом и «ребенок двух семей», провел детство и отрочество.

Учился он во многих гимназиях, ни одну не окончил, много позже сдал экзамены экстерном, читал, думал и, пользуясь определением Максима Горького, пошел «в люди». Это означало, что перепробовал множество работ – был грузчиком, был землекопом, был корректором, актером, домашним учителем...

И в эти же юношеские годы начал писать, печататься в «Московском листке», «Стрекозе», в журнале «Волна». Гонорары были копеечные, но при огромной трудоспособности постепенно на эти гонорары нештатного автора он и начал творческую жизнь.

Как только стал совершеннолетним, ушел от матери. Но за ее творчеством следил с интересом, многому у нее учился, во всяком случае, ранние его юморески показывают, что он читал и ее фельетоны, и ее роман «Синее домино». Кстати, название этого романа затем стало псев-

донимом Александры Урвановны (чаще она себя величала Александрой Ивановной) Соколовой.

Сам же Влас Дорошевич своим настоящим учителем считал Салтыкова-Щедрина. Так и написал в 1907 году в «Русском слове» о Щедринах как о «великом и недостижимом учителе русского журналиста».

В годы журналистского ученичества Влас Дорошевич в московских газетах и журналах познакомился с Антошей Чехонте, чтобы на всю жизнь сохранить дружбу с Антоном Павловичем Чеховым, который восхищался умом и талантом Дорошевича.

На этого уже ставшего заметным, но еще не полностью раскрывшего свой талант перспективного юношу и обратил внимание издатель «Одесского листка» Василий Навроцкий, который стремился сделать свою газету самой читаемой и самой влиятельной на Юге России.

Желания и стремления совпали. Дорошевич искал свободу и славу, Навроцкий поддерживал амбиции своих сотрудников. И вот 28-летний журналист в 1893 году принял предложение стать фельетонистом «Одесского листка», газеты, как тогда говорили, «либерального направления».

Дальше я расскажу, как начался, чем мог закончиться «одесский период» Власа Дорошевича, о скандале, вызванном первой же его публикацией. Но пока – в вехах жизни – главное сказать, что в Одессе он действительно расцвел, он стал всероссийским журналистом, писателем. Навроцкий щедро платил и дал возможность Дорошевичу объездить весь мир – командировки из Одессы! Так появились «Путевые и непутевые заметки» (западноевропейские впечатления), «Америка». Но главное, что запомнила вся читающая Россия, – книги очерков про поездку на Сахалин. Кстати, отправлялся он в командировку из Одессы на пароходе, который вез в ссылку каторжников.

Дорошевич вникал в быт, условия содержания, нравы каторги.

Он не был сентиментален, но был человечен. И это высоко оценил Лев Толстой. Книга Дорошевича «Каторга», вышедшая в 1903 году, была изъята из публичных библиотек и запрещена для продажи.

Одесса стала местом третьего рождения Дорошевича – уже как Короля фельетонистов, как журналиста, побывавшего и в Китае, и в Индии, и в Японии, и на Ближнем Востоке, а значит, открывшего своему читателю весь многообразный мир.

Новый этап, по сути, самый длительный и хорошо изученный биографами мастера, начался в жизни Дорошевича с 1902 года. Крупней-

ший русский издатель Иван Сытин пригласил Власа Дорошевича стать во главе московской газеты «Русское слово». Усилиями и талантами Дорошевича это издание становится одной из самых популярных газет, уже не только на Юге России, а по всей стране, вновь-таки рупором либеральных идей и настроений.

Вся Россия читает его сатирические повести «Вихрь», «Премьер. Завтрашняя быль (Фантазия)», «Гений». Да, Влас Дорошевич видел, что «верхи уже не могут», но выйти из этой ситуации он призывал всегда эволюционным, а не революционным путем, так как предвидел, во что на Руси превращается «Стенька-Разинщина».

Даже «сатириконцы», создавшие новую школу русского юмора, почтительно, с «сыновьей» любовью относились к Власу Дорошевичу. Он не был для них конкурентом, скорее, как и Щедрин, был учителем. И в 1912 году в знак признательности «Сатирикон» издает сборник рассказов В. Дорошевича «На смех».

Последний этап жизни Власа Дорошевича – трагический. Приветствуя Февральскую революцию, он не принял Октябрьский переворот.

Цикл фельетонов Дорошевича «При особом мнении» был резок, точен в прогнозах, нередко откровенно груб.

«Стенька-Разинщина» – это фельетон о Владимире Ленине, в котором автор видел не «германского шпиона», о чем кричала буржуазная печать, а человека, настолько оторванного от реалий народной жизни, что он отов ввергнуть (и ввергнул!) Россию в братоубийственную войну, в сокрушительный хаос.

Предсказание сбылось. Устав от хаоса, Дорошевич уезжает на юг, в Севастополь. Болеет. Живет лекциями о Французской революции, а был он книголюбом и собирал книги о французской буржуазной революции на всех европейских языках. Писать и в деникинскую, и в большевистскую печать отказался. Тяжело больным вернулся в 1920 году в Петроград, жил в пансионате, где и умер в одиночестве 22 февраля 1922 года.

Некрологов, по сути, не было. В эмиграции, узнав о смерти В.М. Дорошевича, с воспоминаниями о нем выступили Александр Амфитеатров и Надежда Тэффи, в советской печати – Михаил Кольцов, Владимир Нарбут. Кстати, статья В. Нарбута, побывавшего у Дорошевича в Севастополе, а привел его поэт Г. Шенгели, была опубликована в одесском журнале «Театр» за 1922 год. Шенгели и сам написал о Дорошевиче. Его незавершенный, но замечательный очерк впервые мы печатаем в этой книге.

Таковы в самом кратком изложении вехи жизненного пути Власа Михайловича Дорошевича.

Но, представляя читателю эту книгу в серии «Одесская библиотека», естественно, хочется больше рассказать об одесском периоде, ставшем поистине звездным в творчестве писателя.

Интересно, что очень рано, в 19 лет, на страницах газеты «Волна» (что за волна рокотала в Москве?!) Влас Дорошевич сформулировал свой главный принцип – «оставаться верным здравому смыслу».

И придерживался этого принципа всю жизнь:

«Заявлять о своих убеждениях я не буду, потому что у меня их нет.

Я объявляю себя стоящим вне всяких партий, не принадлежащим ни к одной литературной корпорации и потому с большей свободой, основываясь только на здравом смысле, присущем всякому русскому человеку, буду судить о всех событиях общественной жизни, с калейдоскопической быстротой проходящих перед нами».

Его тянули к себе «левые», его поддержки просили «правые», а Дорошевич оставался верным своему, только своему здравому смыслу. И это была позиция честного, порядочного, умного человека.

И вот такой «внепартийный» незаангажированный Влас Дорошевич был приглашен в 1893 году Василием Навроцким в «Одесский листок».

Дорошевичу хотелось сразу заявить о себе, поэтому начинать нужно было остро, ярко, вызвать интерес одесской публики, чтобы первое же выступление и имя нового автора «Одесского листка» запомнилось надолго.

И повод не заставил себя ждать. Одесса праздновала 15-летний юбилей службы на должности городского головы Григория Маразли. В Одессе мецената, благотворителя, филантропа Григория Маразли воспринимали как... солнце. Добавлю, что и сегодня память о Маразли, личности легендарной, жива в сердцах одесситов. Но Дорошевич был убежден, что и на солнце есть пятна. И высмеял болтливость городской Думы при Маразли, ее беспринципность, любовь самого Маразли к почестям.

Скандал разразился невероятный!.. «На ковер» вызывали и Василия Васильевича Навроцкого, и Власа Михайловича Дорошевича. Задействованы были все – цензор, пропустивший фельетон, градоначальник П. Зеленый... И Дорошевич, только начавший работать в Одессе, решил, хлопнув дверью, с шумом покинуть Одессу. Правда, ненадолго. Вернув-

шись в столицу, работая в «Петербургской газете», он пишет фельетоны и для «Одесского листка», уже как столичный корреспондент этой газеты. А затем, по настойчивым приглашениям и предложениям Навроцкого, от которых трудно было отказаться, возвращается в Одессу.

Если подвести итог этим событиям, то можно сказать, что фельетон о Маразли остался в истории одесской журналистики, а сам Григорий Григорьевич Маразли навсегда остался в истории Южной Пальмиры.

Как же отнеслась читающая одесская публика к приезду Власа Дорошевича?

Я, как и обещал, возвращаюсь еще раз к свидетельству Льва Троцкого в его книге «Моя жизнь», изданной впервые в Берлине в 1930 году и переизданной в Москве в 2001 году.

«В те дни высоко поднялась звезда фельетониста Дорошевича. Он стал в короткое время властителем дум, хотя писал о мелочах и нередко о пустяках. Но он был несомненный талант и дерзкой формой безобидных по существу фельетонов как бы приоткрывал отдушину из придавленной Зеленым Вторым Одессы. Я нетерпеливо набрасывался на утреннюю газету, ища подписи Дорошевича.

В увлечении его статьями сходились тогда и умеренные либеральные отцы, и еще не успевшие стать неумеренными дети. Любовь к слову сопровождала меня с ранних лет, то ослабевая, то нарастая, а вообще, несомненно, укрепляясь. Писатели, журналисты, артисты оставались для меня самым привлекательным миром, в который доступ открыт только самым избранным».

А вот как вспоминал свои первые впечатления, связанные с Дорошевичем, Корней Иванович Чуковский в письме от 12 апреля 1961 года литературоведу М.В. Теплинскому.

«Но неизгладимее первые впечатления о нем. Я был болен скарлатиной, мне было лет 12. Вдруг в «Одесском листке» объявление, что из столицы приезжает знаменитейший писатель Вл. Дорошевич, который будет печатать фельетон «За день». Это было колоссальной литературной сенсацией. Каждый день мне доставали «Одесский листок» – и я с тем восторгом, с каким читают величайшие произведения искусства, читал эти фельетоны – необыкновенно талантливые. До сих пор помню его поэму «Кому в Одессе жить хорошо»...

Я был бы, мягко говоря, неправ, если бы «забыл», что не всегда таким было отношение К. Чуковского к В. Дорошевичу.

В 1906 году Чуковский выступил со статьей «О Власе Дорошевиче» с подзаголовком – «Эпитафия», где Корней Иванович гневается, что Дорошевича «рассердили красные знамена», дескать, от них «кровавые тени ложатся на земле».

Опыт нашей жизни показал, что «здравый смысл» Власа Дорошевича был вернее революционного восторга Корнея Ивановича Чуковского. Как тут не вспомнить, что уже 1 января 1905 года, за неделю до «кровавого воскресенья», Дорошевич предупреждал:

«Привет тебе, великий исторический год!

Десятки, и сотни уходят в вечность серые, бесцветные, как мы...

Тебе суждена иная судьба.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать это.

Ты останешься.

Тебя не забудут.

Никогда.

Великий, страшный год».

Революционность Корнея Ивановича спустя два-три года погасла. И уже не от Дорошевича, а от В.И. Ленина получил пощечину К. Чуковский, и этот урок запомнил на всю жизнь. В статье 1911 года «Наши упразднители» В. Ульянов-Ленин писал: «Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда».

Насколько справедливо это было по отношению к Корнею Чуковскому, обсуждать не в этой статье. Но вот Влас Дорошевич действительно «лягал» марксизм всегда. И в 1905, и в 1917 году.

Но вновь вернемся в Одессу 1894 года, когда Влас Дорошевич начал вести ежедневный фельетон «За день». Он глубоко вникает в жизнь горожан, его раздражают нувориши, он возвращается и возвращается к вечным проблемам Одессы: – состояние дорог, водопровода, мусорных свалок, его раздражает «потребительский» стиль жизни, огорчает «галантерейная» Одесса...

Вот отрывок из фельетона, написанного вслед за решением Думы отключать целые дома за неуплату денег домовладельцам за воду:

«Мы рекомендуем основать общество «спасения погибающих от жажды»...

Шутки, однако, в сторону. В серьезных вещах не шутят.

Речь идет о том, как заставить домовладельцев платить за воду.

Комиссия и Дума полагают, что для этого самое лучшее – не давать пить жильцам.

Мы знаем средство еще лучше.

Не только не давать пить жильцам, но еще и кормить их при этом за городской счет селедками.

Небось – заплатят!

Вносим наш проект на рассмотрение Одесской городской думы...».

Это писал Влас Дорошевич 16 (28) октября 1897 года в «Одесском листке», сто пятнадцать лет назад, а похоже, что Думе еще предстоит рассмотреть это предложение сатирика.

И еще. Спасение погибающих. Не напоминает ли это вам, что спасение утопающих дело рук самих утопающих...

А впрочем, не буду же я пересказывать книгу, состоящую из одесских фельетонов, которые вы сами в этой книге прочтете. Более того, вы сможете убедиться, что даже в своих антиутопиях, где Дорошевич представляет себе наш город через сотню лет, читай, в 1995 году, он не многим согрешил против истины.

Да, будут продавать Ланжерон! Да, будут похоронные конторы охотиться за еще живыми людьми, да, будут архитекторы... А что и как будут проектировать архитекторы на пляжах, не хватило фантазии даже у Власа Михайловича Дорошевича.

Нужно ли объяснять, что почти сорок лет книги буржуазного В. Дорошевича не переиздавались. И лишь после хрущевской оттепели...

Познакомился я с его творчеством в шестидесятые годы благодаря письмам в редакцию «Комсомольской искры» москвича Владимира Покровского, предлагавшего еженедельно присылать в газету забытые фельетоны Дорошевича, чьим «духовным наследником» он представился. Гонорар за публикации просил для молодежной газеты по тем временам непомерный.

Раз или два опубликовали мы фельетоны из архива В. Покровского. Я показал эти письма Никите Брыгину, мечтавшему создать в Одессе литературный музей. Сам же отправился в Горьковку читать «Одесский листок» за 90-е годы XIX века, чтобы погрузиться в неведомого мне Дорошевича. Как ни удивительно, тогда в библиотеке имени Горького была и книга об Одессе и одесситах. Фельетон «Одесский язык» переписал в блокнот, и с тех пор он ходил по Одессе в «самиздате», пока в 1988 году я его не опубликовал в «Вечерней Одессе», а через два года в книге «Есть город у моря».

Рад, что впоследствии архив В. Покровского попал по указанию Н.А. Брыгина в Одесский литературный музей. А подлинным рыцарем Власа Дорошевича, открывшим его и для меня, и для многих читателей, стал на долгие годы исследователь из Минска Семен Владимирович Букчин, инициатор издания книг В. Дорошевича, автор монографии «Влас Дорошевич. Судьба фельетониста». Забавно, что С.В. Букчин переписывался и бывал у того же В. Покровского, о котором речь шла чуть выше. И сразу же хочу сказать слова благодарности и В. Покровскому, и С. Букчину (его книга была моим путеводителем по Дорошевичу). И завотделом искусств «публички» Татьяне Щуровой, нашедшей в одесской периодике статью В. Нарбута, и писателю Вадиму Перельмутеру, предоставившему нам еще не опубликованный им очерк Г. Шенгели. И конечно, сотрудницам Литмузея Галине Закипной и Анне Стреминской, набравших в современной орфографии одесскую книгу Власа Дорошевича и написавших статьи о коллекции музея, связанной с Дорошевичем, и о журналистике Одессы той поры.

Составляя эту книгу, мы решили не ограничиваться только перепечаткой раритета – книги «Одесса, одесситы и одесситки».

Есть в приложении ряд текстов – мемуарных, репортажных, очерковых, принадлежащих перу Власа Дорошевича. Они расширяют наше представление о писателе, помогают яснее увидеть его вклад в развитие газетного, да и вообще литературного процесса. И воспоминания о Дорошевиче помогают ощутить его живительную силу, притягивавшую к нему многих – от А. Чехова и Л. Толстого до А. Аверченко и В. Маяковского.

И естественно, вся эта книга в целом и должна ответить на вопрос, который составители задавали сами себе: что же привнес в русскую литературу Влас Дорошевич, что и сегодня, спустя 120 лет со времени его появления в одесской прессе, его можно считать учителем одесской литературной школы?

Власа Дорошевича можно считать изобретателем «короткой строки», а точнее – фразы без тяжелых придаточных предложений, без свивающихся в словесный канат причастных и деепричастных оборотов. Этот прием подхватит Петр Пильский (читайте его фельетон «Одесса»), потом Юрий Олеша, Илья Ильф.

Виртуозом короткой строки стал прозаик Михаил Жванецкий...

Влас Дорошевич на годы сформулировал принцип, какой должна быть хорошая газета. Сформулировал не как скучный наставник, а как

легкий остроумный фельетонист: Я бы и сегодня редакторам газет и телесайтов советовал довериться его опыту.

«Утром вы садитесь за чай. И к вам входит ваш добрый знакомый. Он занимательный, он интересный человек. Он должен быть приличен, воспитан, приятно, если к тому же и остроумен.

Он рассказывает вам, что нового на свете.

Рассказывает интересно, рассказывает увлекательно.

Он ни на минуту не дает вам скучать.

Вы с интересом слушаете о самых сухих, но важных предметах.

Высказывает вам свои взгляды на вещи.

Вовсе нет надобности, чтобы вы с ним во всем соглашались.

Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско.

Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманием, интересом, как умного и приятного противника.

Он заставляет вас несколько раз улыбнуться меткому слову.

И уходит, оставляя впечатление с удовольствием проведенного получаса. Вот что такое газета. Газета...

Вы сидите у себя дома.

К вам приходит человек, для которого не существует расстояний.

Он говорит вам:

– Бросьте на минутку заниматься своей жизнью. Займемся чужой. Жизнью всего мира.

Он берет вас за руку и ведет туда, где сейчас интересно.

Война, парламент, празднества, катастрофа, уголовный процесс, театр, ученое заседание. Там-то происходит то-то.

Он ведет вас туда, показывает вам, как это происходит, делает вас очевидцем.

И вы сами присутствуете, видите, как, где и что происходит.

И полчаса поживши мировой жизнью, остаетесь полны мыслей, волнений и чувств.

Вот что такое газета».

Убежден, что и сегодня в этой миниатюре Дорошевича урок на все времена.

И все же могу представить себе такую ситуацию. Прочитав книгу «Одесса, одесситы и одесситки», кто-либо из одесситов может сказать:

– А ведь Дорошевич не был влюблен в Одессу. Любил Москву, Петербург, а Одессу критиковал и критиковал.

Да, любовный роман был не типичным. Дорошевич чувствовал себя врачом, который ставит диагноз, а потом побуждает общество лечить болезнь.

А должен ли врач любить пациента? Или должен быть отличным диагностом и решительным лекарем?

Я родился и вырос в семье врача и не раз слышал, что родственников и близких друзей не лечат, а доверяют это холодным профессионалам.

Таким, не очень холодным, пусть и не влюбленным в Одессу высоким профессионалом и оказался Влас Дорошевич. Он любил театр. Но что делать, если в одесских театрах его могли порадовать только гастролеры? А сами одесситы часто предпочитали игру в винт своему театру. Слава Богу, что у Дорошевича хватило добродушия, чтобы посмеиваться над недостатками, а не рубить с плеча и пытаться их выкорчевывать.

Тот же «одесский язык». Дорошевич заметил его особенности, весело написав об этом. А любили одесский язык Бабель и Багрицкий, Катаев и Олеша.

Гимн одесскому языку написал Владимир Жаботинский, и не в романе «Пятеро», а в фельетоне, опубликованном в 1930 году в Париже.

Я намеренно не цитировал фельетон Власа Дорошевича «Одесский язык» в надежде, что читатель прочтет сам эту книгу от корки до корки. А Жаботинского процитирую:

«Рыбаки на Ланжероне, различая разные направления и температуры ветра, называли один ветер «широкий» (итальянцы так произносят «сирокко» – через «ш»), а другой – «тармонтан», то есть трамонтана. Особый вид баранки или бублика назывался семитатью; булка – франзолью; вобла – таранью; кукуруза – пшёнкой; дельфин – «морской свиной»; креветки – ра́чками; крабы – раками, а улитка – лавриком...

...И грамматика была не совсем та. «Пальто» мы склоняли: родительный – пальта, множественное число по́льта. О том, что мы склоняли наречие «туда», знали и северяне, и очень над этим смеялись – и напрасно. Очень удобный, убористый оборот»...

Но и после того, что были прочитаны эти строки, я повторю то, что писал раньше. В. Жаботинский – тоже прилежный ученик школы Власа Дорошевича, как и Л. Троицкий, и К. Чуковский. Это фундамент, на котором выростала одесская литературная школа, со своей метафорической образностью, со своим языком, своим биением пульса, называемого «короткой строкой».

Урок Дорошевича был усвоен, развит, доведен почти до совершенства стихов в прозе. Читайте Жванецкого! Важно, что был усвоен не только стиль, но и принцип руководствоваться «здоровым смыслом».

Всегда ли это помогает жить? Увы, нет.

В 1922 году в Петрограде в нищете, в одиночестве умер Влас Михайлович Дорошевич. Здравый смысл не помог, когда пришла Стенько-Разинщина...

Король умер.

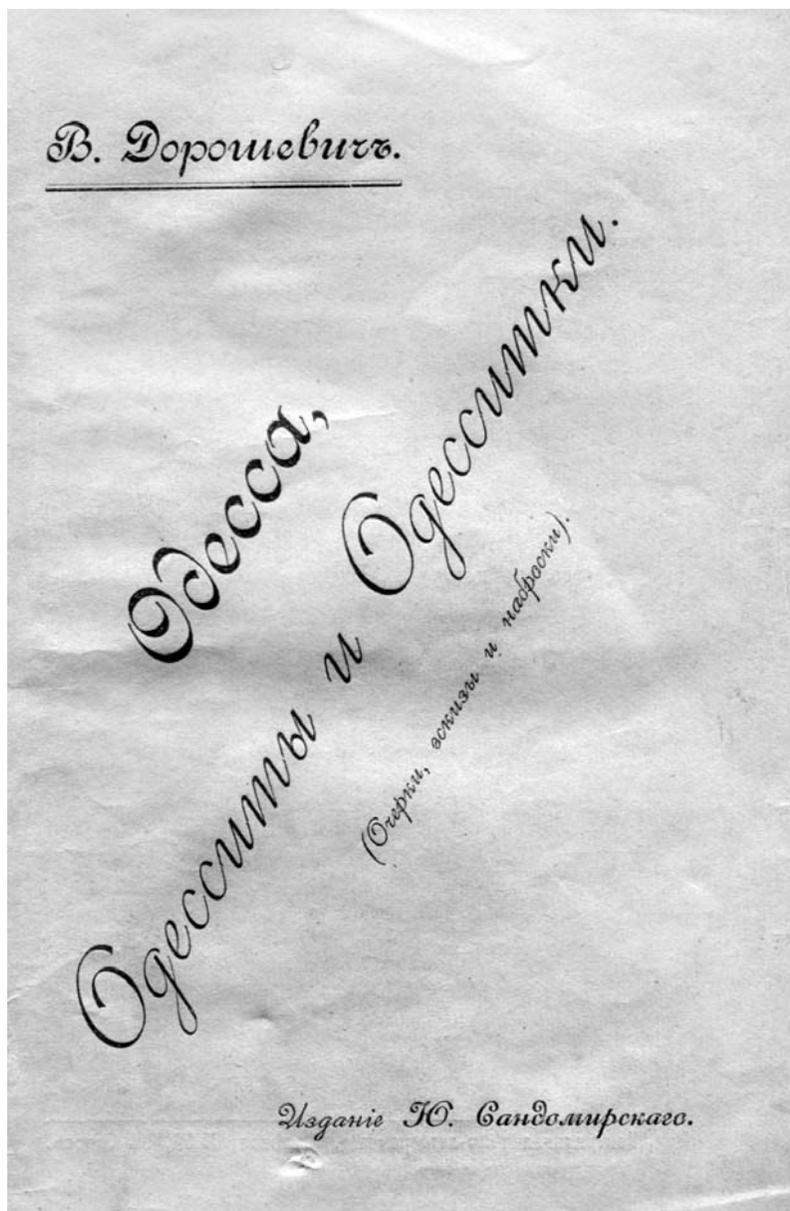
Но мы читаем его книги. И нам, как и 120 лет назад, когда в Одессу приехал Дорошевич, интересно, а порой смешно. Фельетон – жанр не самый долговечный. Но здравый смысл и в Одессе остается здоровым смыслом, юмор остается юмором.

Король умер.

Слишком рано, в 1922 году, были произнесены эти слова.

Да здравствует король! Да здравствует здравый смысл. Короткая строка. И способность предвидеть будущее. И смеяться над человеческими пороками. И верить, что смех – это жизнь.

Одесса, одесситы и одесситки

Одесситки об одесситах

Мнения, собранные при посредстве плебисцита

«О, мужчины, ничтожество вам имя!»

М-ме Шекспир

Vendetta Catalana!*

«Все мужчины, без исключения, дрянны!» – коротко решает на розовенькой бумажке «Дева», к сожалению, забывшая упомянуть, сколько ей при этом лет.

Если больше сорока, – она совершенно права.

А г-жа В. В. Д., которая «очень торопится», со своей стороны, добавляет:

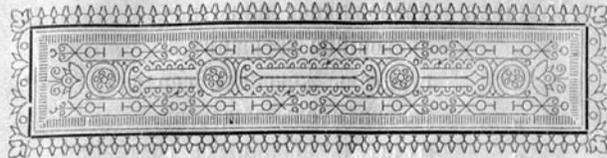
«Вы хотите знать, что такое мужчина?

Мужчина – бездушное создание,
тварь бессмысленная,
изверг рода человеческого.

Мужчина – кровожадное животное,
кровопийца женщин,
губитель женских сердец,
развратитель общества,
мучитель невинных созданий,
палач несчастных преступников,
порода гробокопателей,

короче говоря: мот, грабитель, шарлатан, кутила, вор, мошенник, картежник, дурак, зверь, вспыльчивый, раздражительный, капризный, сердитый, требовательный, мелочный, грубый,

* Мечь по-каталонски (название пьесы Антонио Реборы).

Одесситки объ одесситахъ.

(Мнѣнія, собранныя при посредствѣ плебисцита).

«О, мужчины, ничтожество вамъ им!».
М-ме Шекспиръ.

Vendetta Catalana!

— „Всѣ мужчины, безъ исключенія, дрянъ!“ — коротко рѣшаетъ на розовенькой бумажкѣ „Дѣва“, къ сожалѣнью, забывшая упомянуть, сколько ей при этомъ лѣтъ.

Если больше сорока, — она совершенно права.

А г-жа В. В. Д., которая „очень торопится“, съ своей стороны, добавляетъ:

— „Вы хотите знать, что такое мужчина?“

„Мужчина — бездушное созданье,

„ тварь бессмысленная,

„ извергъ рода человѣческаго,

эгоистичный, низкий, гадкий, пьяница, босяк, урод, обезьяна, мерзость, гадость, дрянъ... и пр., и пр.»...

В. В. Д.

«Простите, — прибавляет она в своем восхитительном postscriptum'e, — я очень тороплюсь!»

Интересно было бы знать, что написала бы эта «madame Sans-Gene», если б она еще не торопилась!

От этих буйных перейдем к тихим помешанным на ненависти к мужчине.

М-ле «Сафо» пародирует Шопенгауэра:

«Нужна сильная власть низменного инстинкта, чтобы мы могли находить красивыми эти обросшие волосами, похожие на горилл существа с грубой кожей, грубым голосом, с отвратительным запахом сигар, табаку и вина. Этот пол, лишенный красивых округленных линий, нежности тела, отвратительно сложенный. Это настоящее безумие, когда мы падаем нашими хорошенькими, гладкими, чистенькими личиками на их волосатую грудь. Какую массу мерзостей не замечаешь в опьянении страсти!»

А прелестная «Маска» так добра, что передает даже легенду о происхождении мужчины:

«Рассказывают, что кукушка похитила яйцо в чужом гнезде и уронила его на дороге. Яйцо это нашел черт и, подстрекаемый любопытством, уселся высидывать его. К вечеру того же дня вылупилось из яйца какое-то существо с бородой и усами, до того безобразное, что сам черт испугался своей затеи и плюнул. Таким образом явился на свет оплеванный от рождения мужчина».

Недурная легенда о недурном происхождении.

После всех этих лестных аттестаций нам остается одно утешение, что одесситы не мужчины.

Этим открытием мы обязаны «Одесситке».

«В Одессе, — по ее словам, — нет мужчин, есть скверные бабы, мерзко, низко, отвратительно сплетничающие. Сплетня — излюбленное занятие одесситов. Из тысячи ходящих по городу сплетен 999 принадлежат мужчинам. Я могла бы назвать несколько трагических историй, случившихся из-за мужских сплетен. Чем занимаются они в клубах? Чем заняты эти пре-

красные молодые люди, заседающие по вечерам в «Северной» гостинице, как не перемыванием косточек ближним? Там родится сплетня, в Английском клубе она культивируется, оттуда разносится по всему городу. Если прислушаться к сплетням, – в Одессе найдется не больше двух-трех порядочных женщин. Вот где Гамлет был бы совершенно прав, воскликнув: «Будь ты чиста, как только что выпавший снег, – людская клевета загрязнит тебя». Здесь не стоит заботиться о своей добродетели, потому что, как бы вы себя ни вели, про вас все равно будут рас-

сказывать гадости. Страдать – так хоть не понапрасну!»

Эту страсть одесситов к сплетням отмечает не одна «Одесситка».

На то, что одесситы «сплетничают как бабы», жалуется масса корреспондентов.

«Женщинам нечего делать в Одессе, – восклицает «Пикантная маска», – сплетничают совершенно достаточно мужчины!»

«Я не стану говорить о страсти одесситов к сплетням, – говорит «Домино», – чтоб вы не приняли этого за раздражение против конкурентов по профессии».

«Мне кажется, – заявляет какая-то таинственная незнакомка, – что главные недостатки, в которых обвиняют женщин: любовь к сплетням, к костюмам, кокетство, легкомыслие, пустота – всецело принадлежат и господам мужчинам, по крайней мере, одесским (других я мало знаю).

Сплетнями Одесса славится, и тут далеко не последнюю роль играют наши кавалеры, из которых некоторые удостоились прозвища – «ходячая газета».

А сплетни, а доносы в разных общественных учреждениях! А анонимные письма, повествующие вкривь и вкось о самых интимных деяниях друг друга!

Женщин обвиняют в пристрастии к нарядам, в слепом подчинении моде. К тайному прискорбию мужчин, они не могут выказывать в полном блеске своей красоты благодаря отсутствию в их костюме лент, кружев, цветного и т. п. Но почему это все отсутствует? – *Не мода*. Зато они строго следят за галстуками, острыми или тупыми носками ботинок, перчатками, цилиндрами и пр., и пр. Иные молодые люди мечтают о студенческом или офицерском мундире нисколько не меньше,

чем барышня о бальном платье. Один мой знакомый, наиболее откровенный, выразил сожаление по поводу простоты мужской одежды и позавидовал в этом отношении женщинам. А крашение усов и волос? А целый флакон духов, вылитый на носовой платок, – все это не доказывает франтовства, желания понравиться? Вообще, мода, подражание развиты среди мужчин не меньше, чем среди женщин; разница только та, что мы в важнейших вопросах не обезьянничаем, а имеем собственное суждение; мужчины же – нет. Например, кто из вас в свое время не отдал дани атеизму только вследствие самого наивного подражания? Кто из мужчин не курит? Девятилетний гимназист уже старается не отстать в этом отношении от старших, хотя и морщится, и проклинает папироску. Примеров можно привести много. Вообще, идти против течения у мужчин почти никогда недостает сил. В этом отношении они не только стоят не выше женщин, но, пожалуй, и ниже.

Весенние костюмы.

«Все одесситки – кокетки», по словам гг. одесситов. Я утверждаю, что и они все кокетничают, больше всего речами, но многие и огненными взорами, и мечтательными позами, и пр. Есть такие, что не могут пройти мимо какой бы то ни было женщины без желания произвести на нее впечатление. Они кокетничают всем.

У одесситов есть странное мнение о возможности понравиться женщине своими недостатками, и вот на основании этого они стремятся приобрести пороки и кокетничают ими. На эту тему я могла бы еще поговорить, но довольно.

Среди женщин преобладает легкомыслие, пустота, отсутствие серьезных интересов. Но скажите правду, кто больше занимается картами, бильярдами, скачками, велосипедами, собаками, лошадьми, сигарами, обедами, шампанским, оперетками – мужчины или женщины? Много ли мужчин, по крайней мере, одесских, занимается в часы досуга музыкой, живописью, литературой? И не больше ли таких женщин? Уже студент всевозможным удовольствиям предпочитает винт. Отличаясь такими вкусами, одесский мужчина неодобрительно смотрит на все иные развлечения; отсюда скука и тоска.

Наконец, «самые трудные добродетели для мужчин – по мнению прелестной незнакомки – это две: справедливость и благодарность».

Вообще, живя в Одессе, кажется, трудно быть хорошего мнения о мужчинах.

«Одесские мужчины не находят удовольствия с порядочными женщинами, – пишет «Эгрет», – это только доказывает, насколько они сами непорядочны, – каждый кулик свое болото хвалит».

«Их настоящее имя, имя самое распространенное, – я удивляюсь, как оно до сих пор окончательно не внесено в число мужских имен, – это «Трус», уменьшительное «Труся», «Трусик»! – пишет другая корреспондентка. – Эти «Трусы» обладают всеми чудными качествами, кроме понятия о честном, гуманном, нравственном, истинно рыцарском».

«Есть и между ними порядочные люди! – допускает мысль г-жа В., но сейчас же добавляет: – Большинство, однако, поистине дьяволы в образе человека: для всех вас обмануть женщину, втоптать в грязь ее честь, ее доброе имя, – только наслаждение; возмущая ее душевный покой, вы не задумываетесь о том, что ожидает ее впереди. Вы думаете только о себе, до других вам дела нет. А где-нибудь в обществе вы первые проповедники законов нравственности; под личиной добродетели и гуманности вы высматриваете себе жертву, на которую бросаетесь, как зверь

Весенние костюмы для дивниц-подростковъ.

КАБИНЕТЪ для ЧТЕНІЯ
 при редакціи
 „Одесскаго Листка“
 ПЕРЕМЫЩЕНЪ

на первомъ этажѣ дома редактора-издателя «Одесскаго Листка»
 В. В. Навроцкого (входъ съ Ланжероновской улицы).

во вновь отдѣланный роскошный залъ,
 по вечерамъ общаго интереса.

Въ кабинетѣ получаето до 500 названій
 русскихъ, славянскихъ, польскихъ, французскихъ, немецкихъ,
 итальянскихъ, английскихъ, испанскихъ, греческихъ и дру-
 гихъ газетъ и журналовъ, специальныхъ научныхъ изданій, а
 равно новые романы, повѣсти, рассказы, какъ русскіе, такъ
 и иностранные, а также модные дамскіе журналы.

**ВХОДЪ БЕЗПЛАТНЫЙ исключительно для ГГ. ПОД-
 ПИСЧИКОВЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“.**

Кабинетъ для чтенія открытъ ежедневно съ 9 ч.
 утра до 7½ ч. вечера.

За храненіе верхняго платья взимаются 5 коп.

на добычу! О, я знаю вас, с виду добрых, прекрасных, а в сущности кровожадных людей-зверей».

В заключение г-жа В. желает этому племени, среди которого, по ее же словам, «есть все-таки порядочные люди», – «от всей души всего самого худшего в их жизни».

Подписано:

«Ненавидящая их В.».

О силе этой затаенной ненависти к мужчинам вы можете судить по письму г-жи Н. К. С.

«Ваше отношение к женщинам – это отношение к прелестным, милым детям. Вы настолько не уважаете и не боитесь женского мнения о вас, мужчинах, что имеете храбрость даже подзадоривать в них чувство злобы, оскорбления, унижения, чувства больные, как раны, но неизбежные в женской жизни, как фатум, как мировое зло, борьбу с которым она начала сама, бессильная, попранная, исковерканная, извращенная, как вековая раба, отданная во власть неизменно сильному и презренному рабу.

Что можно сказать о большинстве мужчин, не поднимая в себе бури злобы, желчи, презрения? Где и когда он в столкновении с женщиной не выглядит зверем, в худшем смысле? Когда он не возбуждает в сознательной женщине омерзения всем

своим грубым существом, начиная с самых мелких проявлений своей совместной с нею жизни? Можно ли возбуждать в женщине желание высказать свое мнение об этом калейдоскопе разряженных ослов в пенсне, свиней в цилиндрах и шакалов на свободе, не возбуждая в ней страдания сознанного рабства, глубокого и острого желанія порвать ненавистные цепи *coute que coute*? Разве можно сказать хоть часть того, что кипит в душе? Невозможно – нужен целый том».

Женщин не может успокоить даже предложеніе отомстить мужчинам своими письмами, отзывами, мнениями.

«Вы, – пишет г-жа «Танашиф», – как видно, начинаете и над женщинами шутить, предложив им бранить, чернить, мстить мужчинам за то, что они нас так третируют.

Ну, не насмешка ли это с вашей стороны?

Это все равно, что если б мы, побив ребенка и не имея возможности потом успокоить его, подставляли ему свою спину, говоря: «на, бей меня тоже».

Их не может успокоить ничто, потому что «единственное успокоение для женщин – мужчины – в Одессе не годятся никуда».

«Вы созданы быть роконосцами! – пишет «Добрая жена», – это ваше назначение. Вот почему холостой мужчина – это аномалия, неестественное явление. Инстинктивно сознавая свое назначение носить рога, вы и отстаиваете брак!»

Но и для брака одесситы не годятся.

«Одессит, даже при долголетней супружеской жизни, не упускает случая увлечься первой встречной, недостойной его же взглядов женщиной, и у него является ненависть и апатия к тихой семейной жизни. Они оговаривают, топчут ногами, насмеваются над женщиной, которая незаметно увлекается мужчиной, подающим ей руку помощи в то время, когда ее муж, увлекшись, бросает ее нравственно страдающей. Если он замечает ее измену, о, тогда является ревность у этих башибузуков и *любовь* к оставленной жене, и он сам недоволен своим поведением, хотел бы вернуть жену назад, на прежнюю дорогу».

Они с одинаковым презрением относятся и к нашей любви, и к нашей ревности.

* Будь что будет.

«Любящий и ненавидящий, он всегда имеет один недостаток: он – мужчина. Но если он к тому же еще и одессит – бррр»...

«Это мерзость – иметь такой неисправимый недостаток!» – восклицает «Железная маска».

Да, но что же делать, прелестная, хоть и железная, маска?

Это трудно и неприятно поправимый недостаток.

Этим недостатком страдал даже Шекспир.

По мнению г-жи «Танашиф», у Шекспира был один недостаток: он зачем-то был мужчиной.

Если б Шекспир был женщиной!

«Скажите, не был бы тысячу раз прав Шекспир, если б он устами своего Гамлета воскликнул: «Безнравственность – имя тебе, мужчина!». Но, к сожалению, он тоже был мужчиной, и оттого всю свою злобу излил на беззащитных женщин».

Нельзя, однако, сказать, чтоб женщины были уж совсем беззащитны, когда пишут такие письма, как г-жа «Нездешняя».

Мужчины, по ее словам, мало на что годятся.

«Мужчины в школах уже выучивают то, что давно пора забыть и уничтожить. Мужчины надоедливы, дураками могу назвать не тех, которые молчат, а которые говорят».

Мужчины – безусловно черствые эгоисты и несправедливы, а потому свободу любят только для себя. Ученые мужчины это черти, – но глупые, которые никак не могут найти себе равных или достойных.

Мужчины, чтобы заставить себя уважать, говорят, что они отцы семейства... Вот глупости!.. Это только показывает плодовитость их жен. Самолюбие у мужчин – это Ахиллесова пятка, которая, впрочем, часто не соединена даже самым ничтожным нервом с мозгом. Вот почему их самолюбие – всегда глупое самолюбие.

Наши *серьезные* мужчины восхищаются добродетелями, но кокетство и капризы их уничтожают и окончательно покоряют, так как мужчины – это котлета, которую чем больше бьешь, тем мягче она становится. Мужчины – это те дьяволы, которые ведут нас, женщин, в ад, но через двери рая, а потому не следует их сажать за стол, чтобы они не клали своих лапчек на стол.

Самонадеянность мужчин, одесситов в особенности, границ не имеет, так что они даже часто любопытство женщины принимают за любовь; но утешьте этих *рыцарей* 19 века, что мы поклоняемся частенько только их физической силе, сознавая при этом полную моральную слабость».

О мужчинах вообще г-жа «Нездешняя» держится такого мнения:

«Можешь поручить твою лодку ветру, но никак не сердце твое мужчине, – бездна моря не так изменчива и опасна, как обещания мужчины».

А об одесситах, по словам г-жи X. Y. Z., «не стоит даже и вовсе говорить»:

«Это манекены для расправления залежавшихся фраков».

Вероятно, такого же мнения держится и «Звездочка», не захотевшая написать о мужчинах больше двух строк:

«Милостивый государь! На Ваше воззвание высказать мнение о мужчинах могу сказать одно: лучшая награда победителю – пощадить своего врага».

По мнению г-жи Sara Koni, с мужчинами неинтересно даже разговаривать... как «с детьми».

«Вы нас, женщин, называете куклами, но кто нас делает куклами, как не вы, мужчины?

Вы любите именно *женщин-кукол*.

Потому что вы сами *дети*... Хотя и бородатые».

А «Зорька» язвит их словами Дешанеля:

«Я еще слишком мало знаю мужчин, и поэтому не могу сказать ничего ни *за*, ни *против* них, а только напому им слова Эмиля Дешанеля, с которым я, безусловно, соглашаюсь: «Мы так дурно говорим о женщинах потому, что хорошо о них думаем, и мы делаем вид, будто их ненавидим потому, что не можем их не любить».

«Что за мерзость эти мужчины, выучившие лгать женщину!» – восклицает «Пепельная блондинка».

«Вы относитесь к нам свысока, потому что мы созданы из вашего ребра. Не забывайте, что вы сами созданы из грязи!» – напоминает «Ненавистница мужчин».

Но позвольте!

Ведь должно же быть что-нибудь хорошее в этом созданном из грязи племени бородатых лгунов, сплетников, обманщиков, трусов?

Конечно!

Не без положительных достоинств!

«Вы злы, желчны, мелочны, придирчивы и изворотливы, как змея. И это еще лучше, что есть в вас, мужчинах!» – говорит г-жа «Сколопендра».

Merçi.

Итак, вот вам все достоинства этого племени, неизвестно зачем созданного на свет.

Посмотрим, не годится ли оно хоть для маскарадов.

Но, прежде всего, что такое маскарад?

Прелестное «Многоточие» определяет его так:

«Маскарадный бал – это праздник женщин. Вот почему, говоря о маскарадном бале, трудно говорить о мужчинах... Женщине запрещено любить, когда и как ей хочется, она идет на бал и дает волю если не своим чувствам, то своей чувственности. Это flirt, доведенный до своего кульминационного пункта, это огонь, на котором женщина сжигает самое себя, это раздражение своих чувств без возможности их удовлетворить, это самая страшная и жестокая игра, которую можно себе представить».

А «Хорошенькая южанка», кстати, и определяет, чем должен быть «настоящий мужчина»:

«Настоящий мужчина должен быть мужествен, силен, весел и, пожалуй, красив; должен любить женщин (впрочем, кто же может не любить женщину – «этот чудный цветок рая», как говорит один из моих поклонников), вино, карты; должен прожигать жизнь, а не прозябать, как большинство наших messieurs les cavaliers; должен жгучим поцелуем заставить женщину забыть все и вся, обнять так, чтобы косточки хрустели. Настоящий мужчина должен любить так, чтобы в аду жарко стало».

«Он должен уметь говорить! Говорить! Говорить! Вы понимаете: говорить!!! – восклицает «Розовое домино»: – Вспомните, что Ричард III, отвратительный, горбатый, безобразный, одними речами увлек женщину, рыдавшую у гроба им же убитого мужа!»

Посмотрим, насколько удовлетворяют этим идеалам гг. одеситы.

Вот «альбом портретов», любезно присланный г-жой «Истиной».

«Vendetta Catalana!» – восклицает она и любезно добавляет: – Я покажу вам свой альбом:

Вот *кавалеры из студентов*... один, другой, третий, их много в моем альбоме. Ничего оригинального не представляют эти лица. Вы не встретите почти выразительного, осмысленного лица: все банальные фатоватые физиономии, которые можно разделить на две категории: 1) Пошлые франты, проводящие большую часть времени на Дерibasовской, бесцеремонно затрагивающие публику, отпускающие «словечки», одним словом – *мундирные пшюты*, задолбившие для рисовки несколько ученых слов... etc... 2) Грязновато самоуверенные субъекты, любящие хорошо закусить, выпить, повинтить, рассказывать одни и те же армянские анекдоты, и, *entre nous soit dit**, провозжая барышень домой, объясняться в любви приказчиным жаргоном...

Вот *моряки*, преимущественно «Русского общества». Этих даже на категории разделить нельзя! Посмотрите на эти упитанные (так и лоснятся!) сонные физиономии! Да и не мудро: утром встал, плотно закусил перед чаем, за завтраком проглотил гигантский ростбиф, грузно пообедал, вкусно поужинал (все сопровождается обильными возлияниями), а в антрактах «держит курс» на Дерibasовскую, в кондитерскую Либмана (любимое местопребывание моряков). Это все во время стоянки, ну, а в море... в случае опасности... *кочегары пассажиров спасают!*.. Народ, вообще, беспечный, прокучивающий жалованье в ресторанах; ленивы, как турки, и во время кейфа разбирают по косточкам и начальство, и ближних...

Вот *адвокаты*, а это – *молодые врачи*. Отличительное свойство как одних, так и других – необычайная, изумительная способность злословить и сплетничать; это главные источники сплетен про женщин; а прогос, говорят, женщины – сплетницы. Напраслина!

А вот несколько *школьников*. Вы улыбаетесь? Комично, а сии юнцы в Одессе – кавалеры, да еще какие! Фуражку «австрийского фасона» на глаза, Корнелия Непота с алгебраическими задачами под стол... и... гуляет, для большего шику и папиросу закурит, а как начальству попадет, тотчас ее в рукав... Но на бескавалерьи и они кавалеры!»

Свою портретную галерею г-жа В. В. В. делит на три категории:

* Между нами говоря.

«Категория первая: Старые, никуда не годные, вечно повторяющие одни и те же заученные когда-то в молодости фразы; бывшие львы, в 70 лет все еще продолжающие носить пунцовые галстуки и не пропускающие ни одного маскарада. Какой интерес они могут представить для молодой женщины, не нуждающейся в их деньгах, и о чем, кроме пшеницы и сальностей, умеют они говорить?»

Категория вторая: Лысая «золотая молодежь», наполняющая первые ряды кресел и литерные ложи оперетки, восторгающаяся пением каскадной дивы: «*Смолина не струсит*» и т. д. Да кого же из них можно струсить, когда лысина во всю голову, и к 28-30 годам они все уже «без задних ног». А по части остроумия вполне олицетворяют воловью голову, означенную на гербе Бессарабии, из которой пополняется значительная часть контингента сих кавалеров.

Третья категория: Разные «Пети», «Васи», «Вани». Юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, – завсегда «Гранд-отеля» и пр. заведений.

Да полно, стоит ли продолжать писать, уж тут и речи не может быть об остроумии.

Остальные кавалеры: военные и большая часть представителей адвокатуры составляют элемент пришлый и часто изменяющийся, а потому в число одесситов не включаются.

Следовательно, спроса на остроумие больше, чем предложения. Жаль только, что такая масса хорошеньких женщин не может найти себе чего-нибудь получше и поневоле обращает

Есть другая магазинахъ корсетовъ моего издѣлїя не имѣется.

свои сердца к пришельцам, к гастролирующим адвокатам и т. п. К тому ж, в нашем пшеничном греческом и итальянском обществе пройти по Дерibasовской один раз с офицером или вообще с молодым человеком другой профессии – значит навлечь на себя целую бурю упреков и почти равносильно добровольному наложению на себя позорного клейма.

P. S. Я забыла упомянуть еще о профессорах. Это люди не от мира сего. Быть может, они и очень умны, но монотонны и скучны со своим «Четвертым измерением», которого сами не понимают, – и что нам до их какого-то «римского права», когда наши симпатии на стороне права «сильного»?!

Что же касается докторов, то:

У них есть ключ ко всем дверям,
И если видеть что желают,
То все открыто их глазам.

Затем, мореплаватели «Русского общества», но степень их «интересности» достаточно выяснена во время процесса «Владимира» и «Колумбии»; да, впрочем, что же это за кавалеры!!!»

«Наблюдательная девица», читающая «Гражданин», дает такой тип одесского «кавалера»:

«Бывший гимназист 3-го класса – в щегольской николаевской шинели, в цилиндре, с сигарой в зубах, изображает льва в толпе зевак Дерibasовской улицы. Исхудалость и бледность его лица, нахально-дерзкая осанка проявляют в нем, видимо, исключительно животные инстинкты.

На костюмированном балу – изящный модный фракный костюм, с неизбежными шапокляком под мышкой, и пенсне на носу украшает молодого, с еле пробивающимися усиками человека, но уже порядочно измятого жизнью.

Спрашивается: какой такой *интересный, остроумный* разговор можно завести с подобным субъектом, которому место в классной комнате за учебником, а не в залах маскарада?

При виде таких типов поневоле грустно становится там, где должно быть веселье, – остроумие исчезает.

Воля ваша, но кн. Мещерский был бы желанным наставником для таких субъектов».

А г-жа Д. очень любезно уступает для характеристики одесских кавалеров портрет своего кузена:

«Представьте себе нечто стоеросовое: груб – как дубина. Скуп – как экономическое полено, глуп – как обыкновенное бревно. Целый лесной двор!

Мой cousin – представитель «лысой» золотой молодежи. Мужчина 32 лет, то есть мужчина «в соку» и, на мой взгляд, в жире. Фигура – засыпанный город, в котором никак нельзя ориентироваться. Чтобы быть счастливым, ему нужны три вещи: винт, винт и винт! Пророк винта. Если же ему предстоит быть на вечере, где винт едва ли состоится, у него является другое утешение: «Буду ли я скучать – это вопрос, но поужинаю я – наверное!». Как видите, на позитивной философии двух собак съел, наверное! Свободное от винта время он посвящает беседе о лошадях. Изучил до тонкости даже малейшее движение лошадиной души. О лошадях отзывается, как о людях, а о людях судит, как лошадь. Это – центавр XIX столетия. Отличается от мифического только тем, что никак нельзя найти границы, где у него оканчивается лошадь

и начинается человек. И он считается образцовым молодым человеком!!!»

«Если вы напечатаете мое письмо, – добавляет она, – непременно при cousin'e буду читать его вслух!»

С удовольствием, сударыня. Наш поклон вашему кузену.

Такова портретная галерея одесситов.

Если, по мнению «Скучающей дамы», одесские залы во время маскарадов превращаются «в пустыню, окруженную молчани-

ми сфинксами во фраках, стоящими неподвижно у колонн», – то в этом виноваты мужчины.

Бал, маскарад, по словам Josephine, – «не их сфера».

«Эта порода чувствует себя хорошо в своей сфере. Пригласите их на выпивку, винт и т. п. – там они, наверное, не будут скучать».

«Вы сами, – говорит «Белая маска», – свою безнравственностью уничтожаете и извращаете даже наши удовольствия. Балы, вечера, все эти невинные развлечения вас не интересуют. Вы бываете там по принуждению и этикету, и ваши скучные лица нагоняют и на нас уныние и тоску. Даже маскарады, которые даются с целью повеселиться от души, не стесняясь светским этикетом, вы обращаете в Одессе в царство скуки и цинизма. Вы скажете: нет интересных масок, женщины однообразны, но это потому, что вы сами теперь не остроумны и однообразны. Разве вас теперь можно удивить оригинальным костюмом или остроумным разговором? Вы не в состоянии, вам лень поддержать такой разговор».

«Одесситы, которые скучают на маскараде, – по мнению другой «Маски», – скучают потому, что они в высшей степени несдержанны, сальны, мерзки. Мало-мальски порядочная маска не рискнет подойти к одесситу, даже знакомому, потому что неизбежно услышит пошлую фразу, сальность. Одесситы тем и славятся, что каждый уверен в себе до глупости, до помешательства на самом себе; они глупы, пошлы до отвращения. Большинство, узнав знакомую под маской, приходит в телячий восторг и бежит сообщать всем, кто эта маска. Разве для этого существуют маскарады?»

Но особенно возмущает одесситок упрек в том, что все они начинают «интригу» с одной и той же фразы:

– Я тебя знаю!

«Жаль, – пишет по этому поводу «Анна», – что принятые в наших маскарадах правила лишают мужчин возможности первыми подходить к женской маске: можно было бы тогда убедиться, что разница состояла бы лишь в перемене традиционного «я тебя знаю» (на которое вы так жалуетесь) на более правдивое: «я тебя не знаю», потому что, согласитесь, должны же мы вас знать, раз половину нашей жизни изучаем вас до мельчайших подробностей, а вы – должны же нас не знать, раз другую половину мы отдаем исключительно тому, чтоб вы нас не знали

Подписка продолжается
на ежедневную большую литературную, политическую и коммерческую газету с РИСУНКАМИ
„ОДЕССКИЙ ЛИСТОК“.

В газетѣ принимаютъ участіе слѣдующіе сотрудники: А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman), П. Д. Боборыкинъ, А. С. Боричевичъ, П. И. Борисовъ, П. Е. Булгаковъ, П. Ф. Василевскій (Буква), князь М. Н. Волконскій, А. И. Вейбертъ, А. К. Гермошустъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), Я. М. Готбергъ, М. П. Гольденбергъ, П. Л. Гроссулъ-Голстой, В. М. Дорошеничъ, Дядя Власть, К. А. Денкинъ, Н. В. Желиховская П. А. Зеленый, В. И. Ивановъ, Юрій Казн-Бекъ, Ш. М. Краильшикъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій Ольга Лурье, В. И. Модестовъ, Д. Л. Мордовцевъ, Ф. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, С. И. Плаксинъ, А. С. Попандонупо, Н. М. Трегубовъ, Е. Л. Скало, М. Ф. Старраки, А. А. Санталапо-Горчакова, Д. В. Федоровъ, А. И. Черкасъ, А. Чинишбаръ, Ш. М. Хайновскій, А. А. Цѣновскій Ольга Шапиръ, князь М. Л. Шаховской, П. В. Шкловскій (Дюнео), А. А. Ярошко и др.

Подписная цѣна газеты

въ ОДЕССѢ: съ доставкой на домъ	на ГОРОДА: съ перес. по почтѣ
На годъ . . . 10 р. — к.	На годъ . . . 12 р. — к.
» полгода . . . 6 » — »	» полгода . . . 7 » — »
» 3 мѣсяца . . . 3 » 5 »	» 3 мѣс. . . 3 » 80 »
» 1 мѣс. . . 1 » 20 »	» 1 мѣс. . . 1 » 30 »

За границу изъ иностранной цѣны прилагивается по 60 за каждый мѣсяць. За перемѣну иногородняго адреса взимается 20 коп. Въ розничной продажѣ 5 к. № газеты

съ листомъ рисунковъ

Животца газеты въ ОДЕССѢ,
въ домъ редактора-издателя В. В. Навроцкаго,

№ 4

Весенняя кофточка изъ драпагово сукна для молодой дѣвушки.

и считали другими, чем на самом деле. Мужчин, хвлящихся знанием женщин, вы услышите сплошь да рядом, но вряд ли вы сами им поверите, между тем как нет ни одной женщины, не могущей похвалиться тем же знанием вашей половины (и знанием гораздо более глубоким и тонким), но хранящей (вы скажете – по необходимости!) это знание мужчин про себя. Вот отчего, вероятно, ни один из вас и не знает, как много рассказала бы каждая из нас, если бы захотела говорить, даже самая «бедная и обиженная». Но только мы гораздо откровеннее и правдивее вас в другом отношении – мы никогда не говорим, что можем обойтись без вас, мы совсем открыто (даже считаем это чем-то вроде affaire d'honneur*) обставляем нашу жизнь так, чтоб было ясно, что без вас она невозможна, между тем как вы подчеркиваете полнейшее презрение и равнодушие, а в сущности считаете нас своим важнейшим инте-

* Дело чести.

ресом. В душе вы нам поклоняетесь, в то же время делая вид, что вы иронизируете, между тем как мы в душе иронизируем, а вы убеждены, что мы вам поклоняемся! В этом-то и разница между нами – и, поверьте, праздник не на вашей улице. Вы жалуетесь на наших дам в области их неизобретательности по части костюмов, но что сказали бы мы, «бедные и обиженные», если б вздумали жаловаться на вашу изобретательность по части ухаживанья за нами, и, скажите, не должны ли вы считать нас чем-то вроде героинь за то, что у нас до сих пор не прошла охота нравиться вам?...

«Нет ничего удивительного, – прибавляет «Маска», – если к этим господам подходит не кто иная, как их собственная прислуга, которая говорит: «Я тебя знаю!» – а так как это неинтересная беседа, то он сам просит «ее» оставить его в покое и предпочитает поддерживать колонну Биржевого зала или стоять в такой же массе разочарованных пешек, как сам.

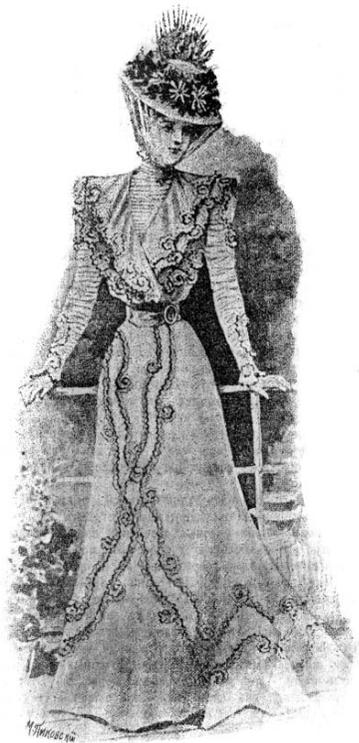
Вот почему перестали быть интересны маскарады как для дам, так и для мужчин».

А «Черная маска» очень резонно замечает:

«Вы смеетесь, что все маски говорят одно и то же и начинают избитыми словами: «Я тебя знаю!». Но разве не избито и не пошло начинать и кончать разговор одной и той же фразой: «Маска, идем поужинаем».

Eh bien, но что же сделать с этим племенем, которое не годится даже для маскарадов?

«Выходить за них замуж! – советует «Вдовушка», – это верное, старое, испытанное средство!»

«Если хочешь им нравиться, то играй с ними, как кошка с мышкой, третируй их на каждом шагу!» – советует «Незнакомка».

«Наблюдательная девица», читающая «Гражданин», как мы видели, рекомендует обходиться с ними «по методе кн. Мещерского».

А «Ева Ш.» по этому поводу пишет:

«Аллах ведает, каким чудным даром слова вы, мужчины, владеете, когда вам приходится позлословить о женщинах. А нам уже никак в этом не везет! Да и не мудрено. Вы нам задали порядочно трудную задачу – очернить то, что уже без того довольно черно.

Кроме того, у вас – вами составленный закон, который:

Двулицый Бог, к нам беспощаден он,
Не слышит нашего он стона,
И только благосклонен к вам...
Он слабым – враг, а сильным оборона!..

То ли дело, если бы закон был составлен нами! Мы открыли бы «Одесский альманах» на 80 стр... Всякого входящего и выходящего из Одессы, то бишь из женского общества, спросили бы: какого он мнения о женщинах? И если он (по привычке) ответит, как вообще мужчины привыкли говорить о женщинах, то тогда... (потру-

дитесь сами посмотреть на указанную страницу вышеозначенной книги, что мы сделали бы*), и он заказал бы уже своим сыновьям и внукам, что женщина во всех отношениях лучше мужчины»...

И наконец, «Знакомая незнакомка» пишет:

«Вы предлагаете высказать свои откровенные мнения о мужчинах. И это вы называете «Vendetta Catalana»! Ах, вы! Добродушный ребенок! Нет, милостивый государь, мы, слабые и незащищенные, – мы ведем партизанскую войну, страшную и беспощадную. Мы убиваем наших жертв поодиночке настоящими ударами настоящего ножа. Мы бьем насмерть, а вы рекомендуете нам булавочные уколы и это называете «Vendett'ой Catalan'ой»! До тех пор, пока у нас есть прекрасные глаза, которые могут отражать нежность и тихую грусть, и голос, звуки которого проникают в сердце, мы не можем нуждаться в письмах, чтобы мстить. Вот наше оружие, которым мы бьем без промаха, насмерть. Да, насмерть, потому что для нас, по крайней мере, этот влюбленный перестает существовать. Поиграть и бросить! Вы не женщина, и вам никогда не понять всей прелести этого убийства. И когда подумаешь, что это можно сделать несколькими словами, двумя-тремя взглядами! Можно! Разве не вы, мужчины, писали это:

Милый взгляд, мимолетного полный участия,
Грусть в прекрасных чертах дорогого лица,
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки и слез, и любви без конца...

И в эту-то минуту оставить его одного, с его мучениями, отчаянием и глупой робкой надеждой в сердце. Обезоружить врага и лишит его всего, что составляет его силу: ума, потому что все влюбленные глупеют, воображаемого мужчинами превосходства, потому что он валяется у ног, мужества, потому что он не смеет даже напомнить об этих коротких минутах счастья. О чем напоминать? О взглядах? «Вам показалось». О словах? «Я шутила... Пожалуй, я даже не шутила... Я вами заинтересовалась, но потом... я узнала... я не хочу вас оспаривать»... Кинуть человеку в лицо

*) Смотрел. Ничего приятного для нас на этой странице нет. (Примечания, помеченные скобкой, принадлежат В.М. Дорошевичу.)

десятки позорных обвинений и не дать даже возможности оправдаться? Да разве счастье в том, чтоб осудить виновного? В чем же тут торжество? Приговорить к смерти человека невиновного, не дав ему возможности даже сказать что-нибудь в свое оправдание. Вот месть врагу. Пусть проклинает свое прошлое, настоящее, с ужасом

смотрит в глаза будущему. Пусть плачет, когда вы беззаботно смеетесь, и мучается, когда вы шутили. Вот мщение.

У вас есть глупое стихотворение, которое кончается так:

Я выпил все из кубка моего,
Остатки пусть допьет лакей...

Это мы имеем право сказать, мы, женщины, вертящие вам голову. Вот настоящее женское мщение. Чуть-чуть поиграть и бросить. Вот это vendetta.

Если вам, милостивый государь, угодно будет напечатать мое письмо, напечатайте и этот конец, это мое воззвание к женщинам: «Кружите им головы, потому что головой-то своей они и гордятся!»
Всё.

Вот на какие мысли о мужчинах наводят дам гг. одесситы.

Вот вам, messieurs, декольтированное мнение о вас женщин.

Прыгайте со Строгановского моста!

P. S. Прочитав столько женских писем, я не мог не выучиться сам заканчивать каждое письмо post scriptum'ом.

Я уже кончил свой... виноват, я уже кончил дамский фельетон, когда мне принесли еще одно письмо.

«Мужчина – это объедок женщин, потому что он начинает жить чуть ли не с 14 лет».

Кушайте на здоровье, гг. одесситы.

Одесситки

Мнения одесситов

«Женщины – это прекрасный пол, который мы топчем ногами!» – говорит «Веселый философ».

И 167 кавалеров с величайшим усердием принимаются за это благородное и возвышенное занятие.

«Вы хотите, – пишет «Мужчина», – чтоб я перечислил недостатки женщин? Скажите, пожалуйста, сколько строк вы думаете посвятить этому фельетону? Если не менее 2000 строк, – я, пожалуй, пришлю начало перечисления женских недостатков».

«У них есть всего одно достоинство: они родят мужчин!» – добавляет «Оптимист».

«Все женщины в мире сделали только одно доброе дело: родили Шопенгауэра, который их так хорошо обругал!» – заявляет «Несчастный».

Оказывается, что это была, однако, довольно критическая минута для прекрасного пола!

Всем женщинам нужно было умереть в ту самую минуту, когда родился Шопенгауэр.

«Этот отзыв о женщинах! – восклицает «Мрачный пессимист, страдающий несварением желудка». – Сколько нужно иметь волос на голове, чтоб женская голова не разлетелась вдребезги, когда Шопенгауэр ударил по ней своей изумительной книгой!»

Вообще, Шопенгауэр – это нечто вроде банкира для гг. ненавистников женщин. Одесситы занимают у него цитаты каждый раз, как хотят обругать женщин.

«Я люблю, когда Шопенгауэр говорит о женщинах, и терпеть не могу, когда женщины говорят о Шопенгауэре!» – заявляет

„Нектаръ“ Превосходная столовая вода Кардамичевскихъ горныхъ источниковъ.
Гл. предст. Одесса, Малый пер. 10.

20 коп. открытое письмо
со своимъ портрет. Фотография
„РУССКАЯ СВЯТОПИСЬ“.
Екатерининская ул., д. №17, уг.
Дерибасовской. Входъ ряд. съ конд.
Фанкови. Можно съ карточк. 13190-1

Элегантныя
МУЖСКІЯ ПЛАТЬЯ
пріемъ заказовъ.
М. ИТКИНЪ,
Ришельевская, 58, Одесса.
Для г. пріѣзжихъ срочные заказы
выполняются въ 24 часа. 18296—1

ГОТОВЫЕ
КОСТЮМЫ
(genre tailleur)
МАНТО ДЕ ВОЯЖЪ
(manteaux de voyage)
Въ Парижскомъ салонѣ
ДАМСКИХЪ
ПЛАТЬЕВЪ и ШЛЯПЪ
М-МЕ М. А. ОЗЕРСКАЯ
diplômée.
Екатерининская 2,
прот. памятника Екатерины II.
Для пріѣзжихъ заказы исполняются въ 24 ч.

КРАСКИ для ВОЛОСЪ лучшихъ загранич. и русск. фабр.
ДУХИ английскіе, французскіе, нѣмецкіе
и русск. лучш. сортовъ и проч. Неометическій магазинъ П. БЛАННА, Ришельевск., № 25.

г. «Спарафучиле» и добавляет: – Создать женщину! Только природа способна на такие парадоксы».

А г. «Архивный чиновник» так добр, что сообщает даже легенду о происхождении женщины.

По его словам, это давнишнее дело происходило так (он должен знать, – на то он и архивный чиновник):

«Захотел Магадэва создать женщину, взял у мужчины палец и положил сушиться на солнце. Прибежала собачонка, стащила палец и удрала. Магадэва погнался за нею, но успел поймать

ее только за хвост. Собачонка рванулась с такой силой, что ее хвост остался в руках Магадэвы, – и убежала.

За неимением более благородного материала Магадэве пришлось создать женщину из хвоста. Вот почему женщины только и делают, что «брешут» на нас и постоянно «вертят хвостом».

А г. «Отец не своих детей» передает другую легенду, тоже индийского происхождения.

«Говорят, что Брама, создавая весь мир, после каждого своего творения говорил, взглянувши на него: «Хорошо», – и только создав женщину, он не произнес этого слова!»

Вообще, индийских легенд о происхождении женщины приводится много, и, рассказав две из них, г. «Одессит» замечает:

«Итак, женщина была создана в Индии. Не оттого ли женщины – настоящие «индейки»?»

Г. «Очень юный», несмотря даже на свою «очень юность», сомневается даже в том, кто создал женщину:

«Я думаю, что ее создал черт. Заметны черты наследственности».

Впрочем, это неважно, кто создал женщину.

Если бы кто-нибудь захотел повторить, по словам «Дона Алонзе», «эту грациозную ошибку природы», – то г. «Фармацевт» предлагает готовый рецепт для создания женщины:

Отсутствие правды и добра.
Без лжи ни шагу, много зла;
Добродетель лишь для славы,
Жажда к деньгам для забавы.
Постоянство лишь на время,
Верность, правда, для них бремя;
Прямодушье лишь для лести,
Без благородства, масса мести;
Откровенность лишь для цели,
Сердце встретишь еле-еле;
Неумелость, подражанье,
Мало доброго желанья.
Все толкуют на свой лад,
Клянись, вы угодите в ад.

Надо быть фармацевтом, чтоб писать такие скверные стихи, – и много выпить этой «микстуры», чтобы так обрушиваться на женщин.

Бедные женщины!

Право, судя по этой ненависти, какую питают мужчины к женщинам, я боюсь, что род человеческий, по крайней мере, в Одессе, скоро совсем прекратится.

Каких, каких сравнений они не подбирают для женщин!

«Женщина – это хорошо отполированное *плоское* зеркало, в которое ни один луч не проходит, а всякий отражается, оставляя лишь мнимое изображение!» – говорит «Студент-математик».

«Женщина – это декорация! – по мнению «Ноела». – Чем дальше от нее – тем она лучше!»

«Женщины – мировое зло!»

И это восклицает еще «Снисходительный критик дам!»

Тут же он добавляет:

«Если бы китайцы не носили женских кос и бабьих юбок, исход китайско-японской войны был бы иной».

«Женщина – царица наслаждения и отверженное дитя науки и ума!» – по мнению «Мыслителя».

«В семье не без уроды, – говорит «Журналист», – такова половица; в семье всех живущих существ женщина и есть именно нравственный урод».

«Вы укоряете нас происхождением, – саркастически улыбается «Провинциал», – «мужчина создан из грязи», но не забывайте, что вы созданы из мужчины. Вы – внуки грязи».

«Не наводит ли вас на грустные размышления то удивительное явление, что чохотка, горячка, чума, холера, лихорадка, водянка, оспа и другие бичи небесные – все женского рода?!» – спрашивает г. «Аскет».

Можно подумать, что мы попали в палату буйных больных.

Так писать против женщин!

«Чем мы обязаны женщине? – яростно вопрошает «Эмбе», – первое, что сделала женщина, – лишила нас рая. Второе – произвела на свет Каина».

«Есть одна святая женщина на свете – моя мать, но и та не могла не сделать гадости: родила меня на свет».

ПИВО ВО Вновь ИЗОБРЕТЕННЫХЪ, ГЕРМЕТИЧЕСКИ ЗАКУПОРИВАЕМЫХЪ НОВШАХЪ.

Судя по письму этого «Сына-меланхолика», со стороны его ма-тушки это было действительно лишнее.

«О, женщины, женщины!» – вслед за Шекспиром повторяют не то четырнадцать, не то семнадцать корреспондентов.

«Женщина – это неумелое издание беллетристических произведений, где на 100 листов скучной прозы попадаются 3-4 строки поэзии», – говорит «А. Б. К.».

«О, милые, грациозные, пикантные, с круглыми формами и жидким мозгом создания!» – восклицает «Мизантроп».

«Женщина – красивое здание, требующее частых ремонтнировок!» – по философскому умозаключению «И. П. В.».

А «Разочарованный провинциал», чтоб излить свою ненависть к женщинам, берет старый афоризм:

«Женщины – кушанье, которое было бы достойно богов, если б черт не приправил его!»

«Знаменитый греческий оригинал, – пишет г. «Тридцать три», – с зажженным фонарем бесплодно искал человека. Если бы Диоген искал женщину среди наших разряженных кукол! Что такое одесситка? Это запутанная комбинация расстроенных нервов, разноцветных бантиков и косметических ухищрений. Это узелок нервов, перевязанный лентой.

Это существо с чисто «гоголевской» душой (мертвой), ненормальным (по длине) языком и решительно – *безумное*, потому что оно всегда «без ума» от самомалейших пустяков. Одесситка ветренее всех ветров, вместе взятых. Что они приносят нам? Ведь только первый месяц – медовый, все остальные – бедовые... Женщина – это живой туго стягивающий корсет для мужчин.

Единственное ее достоинство: стремление к откровенности – в декольте».

«Все одесситки – материалистки, потому что ни о чем, кроме материй, они не думают!» – восклицает «Разочарованный», а «Аспа» еще подсмеивается:

«Вы знаете «дорогие» материи... но «высоких» вы не знаете и знать не хотите!»

«Вы даже назвали свои моднейшие юбки названием «Колокол»! Вы только и делаете, что без толку звоните! Вы – пусты, как звон».

Это говорит «Овод», который, по его словам, «ненавидит всех женщин, за исключением одной – вдовы Клико».

Выпейте, милостивый государь, за здоровье ваших врагов!

Сравнение женщины с колоколом – самое любимое мужское сравнение.

«Женщина – это наш похоронный колокол, – говорит г. А. – он звонит, отправляя нас то в рай, то в ад».

А г. «Декламатор», сравнивая женщин с колоколом, приводит старое стихотворение:

Я дворец воздвигну на морских волнах,
Сколько есть песчинок, я сочту в степях,
Я зубами с неба притащу луну,
Если в целом мире встречу хоть одну
Женщину, у которой страсти к деньгам нет.
Секретарь, квартальный, публицист, поэт
Могут ненавидеть деньги всей душой...
Женщина не может, в мире нет такой!
Женщина для нашей братьи – для мужчин –
Колокол, в котором звон всегда один;
И упорен этот колокольный звон:
«Денег, денег, денег», – благовестит он.

На что способна женщина?

На любовь?

«Любви больше нет», – похоронным голосом заявляет г. «Уверенный».

А дружба...

«Дружба, – по мнению г. «Бредбога», – мало трогает женщин, потому что кажется им вялой после любви».

«Мужчина, – по его мнению, – приобретает хитрость, женщина родится с нею».

«У кого дома есть несколько женщин, действующих заодно, тот уже не хозяин дома!» – сыплет он афоризмами.

И наконец:

«Женщины – главы на гулянье, ворчуньи дома и голубки на свиданиях наедине».

«Не женитесь! – советует г. «Игрек», – постарайтесь только, чтоб женились ваши друзья».

Г. «Нездешний» приводит для женщин самое лучшее сравнение, какое только можно привести в конце XIX века:

«Муж, который показывает свою жену и свой кошелек, рискует, что у него будут занимать и то, и другое».

«Какие они жены! – восклицает г. «С. Ч.», – Будучи вашей законной женой, она говорит: я буду вашей законной «подругой» – потрудитесь давать мне за это содержание».

Черт знает что такое!

И по мнению г. «Ц.»:

«Женщина – верный путь на Сахалин».

Но в таком случае да здравствует же этот «Добровольный флот», доставляющий нас на остров Сахалин!

Этот тост, вероятно, возмутит г. «Марка».

Он настроен гораздо более серьезно и желает ни больше ни меньше как... анатомировать женщин.

«Давайте их анатомировать!» – предлагает он.

Мерси за милое приглашение. Но извините, мне некогда.

«Высший вес женского мозга не достигает самого низшего мозга мужчины!»

Анатомировать женщин вообще охотников немало.

Странная манера в Одессе обращаться с дамами!

«Многое, что мы принимаем в них за проявление души, сердца, характера, бесхарактерности, – ни больше ни меньше как просто следствие особенности их организации, их особых болезней. Если бы Жанну д’Арк не сожгли на костре, а анатомировали, – быть может, оказалось бы, что это просто больная истерией. В них нет ничего, кроме особенностей их организации и их болезней!»

Таково мнение г. «Немного доктора, немного философа».

«У них есть кусочек мяса, который доктора по ошибке принимают за сердце. Величайшая медицинская ошибка в мире!» – говорит «Экспортер».

А «Веселый поэт с печальной улыбкой» в грустном недоумении останавливается перед вечно загадкой – «сердцем женщины».

Очень трудно рисовать
Сердца женского картину!..
В ней пришлось бы сочетать
С «Маргаритой» – «Мессалину».

Впрочем, выход есть и тут:
В наше время оперетки,
Надо думать – расцветут
«Маргариточки» в... кокетки!

«О, исчадия ада!» – восклицает «Читатель», которому, должно быть, очень насолили женщины.

Но ведь должны же быть какие-нибудь достоинства в этих существах?

О, конечно!

«Они добры, очень добры... к друзьям дома!» – хвалит их «Муж своей жены».

«Они щедры, когда тратят мужнины деньги».

«Они даже великодушны, когда дарят приятельнице новую, только что полученную, самую модную шляпку... которая не нравится им самим».

И вот, наконец, самый восторженный отзыв о женщинах:

«Самая последняя женщина стоит самого первого мужчины!» – восторженно восклицает «Друг женщин».

Но позвольте, милостивая государыня!

Можно все скрыть, кроме женского почерка.

Он вас выдал.

Вы переоделись в мужской костюм и явились сюда под видом мужчины, чтоб защищать ваших сестер.

Это вдвойне хорошо.

И великодушно, и пикантно.

Но вашу руку, прекрасная маска в костюме «travesti»...

Я боюсь оставить вас одну в обществе такой массы мужчин – сколь бы они ни клялись в ненависти к вашему прекрасному полу.

– Et voila tout.*

Вот к каким мнениям о женщинах можно, оказывается, прийти, живя в Одессе.

Посмотрим, насколько же виноваты в этом одесситки.

«В Одессе свирепствуют две повальные эпидемии, – говорит «Старожил», – среди мужчин – винт, среди женщин – флирт. Флиртует вся Одесса. Не верьте одесситкам».

* Вот и все.

По словам гг. кавалеров, они начинают флиртовать очень рано. «Еще в школе! – восклицает «Отец семейства», – еще в приготовительном классе она уже вполне приготовлена к флирту».

«Они кокетничают еще тогда, когда не знают разницы между лунной ночью и Варфоломеевской!» – добавляет г. «Рдр.».

«Они – воплощенное целомудрие мысли... до трехлетнего возраста!» – говорит «Моряк».

А г. «В. К.» даже в стихах рекомендует:

Не ходите вы, девицы, вдоль по улице гулять,
Не давайте гимназистам вас до дома провожать.

«Flirt неразрывно связан с Одессой! – по словам «Monsieur Sans-Gene». – Одесса – сама по себе южанка и любит увлекаться и увлекать, – как же одесситкам удержаться от увлечений? На какой ступени ни стояла бы одесситка, всегда является у нее желание вскружить голову, если не красотой, то туалетом. Дома ли, на балу, на улице, – они везде верны себе. Девиз одесситки: «Pergeat mundus – fiat voluptas»^{*)}.

«Всякая женщина состоит из тела, души и платья. У одесситки вместо сердца – книжечка для записи «приехавших» и «выехавших». Как легко попасть и в первый, и во второй разряд!» – очевидно, с грустью, вздыхает «Иногородний».

И г. «Немуж» заявляет:

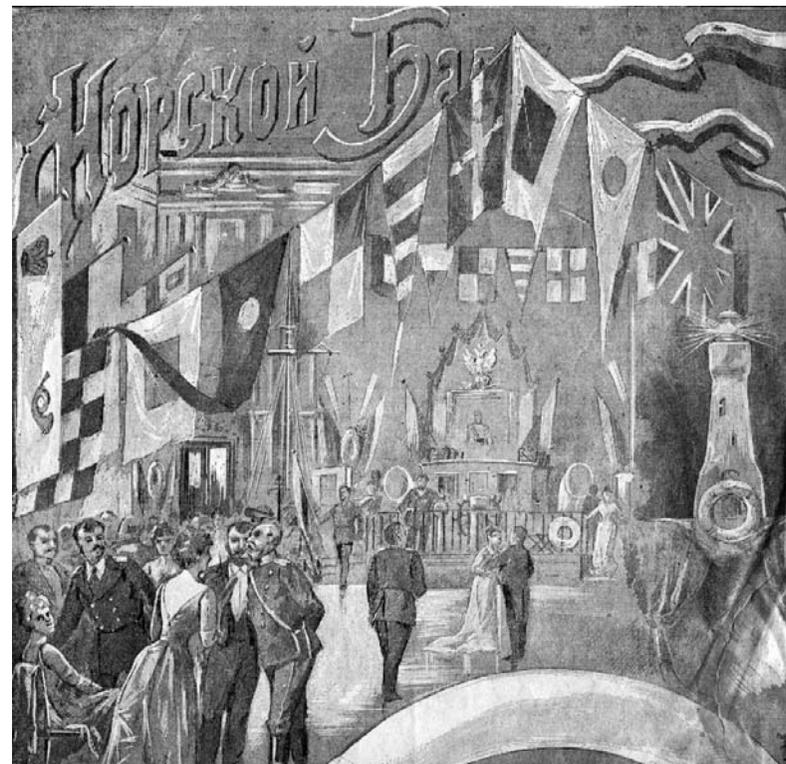
«Если замужняя женщина носит часы, она неверна» (Дюма). Многие одесситки не носят часов. Это много бы говорило в их пользу, если бы через каждые десять шагов у нас не было часовых магазинов, где можно узнать, который час».

«Практичные жены практичных мужей!» – восклицает «Влюбленный как кот».

А «К. П.» раздражается целой филиппикой против одесситок:

«Вы называете нас в своих письмах «ослами в пенсне», «свиньями в цилиндрах». А кого из двух выберет одесситка в мужа: богатого осла или бедного, но содержательного умственно и нравственно мужчину?»

^{*)} «Пусть погибнет мир, лишь бы было удовольствие» – перевод этих «страшных слов».

Конечно, богатого осла – и, приделав ему рожки, превратит его в барана».

«Ими руководит одно любопытство! – уверяет г. «Поживший». – Они и замуж-то выходят из любопытства, и изменяют только из любопытства».

«La donna è mobile»^{**} – это могло бы быть местным гимном Одессы!» – по словам «Бывшего поклонника».

«Одесситки восхитительны, – по словам «Туземца», – но они слишком любят туалеты и удовольствия».

^{**} Название арии герцога Мантуанского «Сердце красавицы» из оперы Джузеппе Верди «Риголетто».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ. ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Двадцать пять лѣтъ непрерывной работы на сложномъ, ответственномъ и очень трудномъ въ провинціи поприщѣ изданія ежедневной большой газеты служатъ намъ лучшей рекомендаціей и свидѣтельствуютъ объ установившейся тѣсной связи между нами и нашими многочисленными читателями.

Постоянный, небывалый въ провинціи, ростъ нашего изданія, въ смыслѣ широкаго распространенія его, является лучшимъ доказательствомъ всесторонней «тзывчивости» «Одесскаго Листка» какъ на всѣ вопросы общественные и политическіе, такъ и на текущія событія дня.

Въ теченіи четверти вѣка мы строго держались правила—не прибѣгать къ громкимъ и часто невыполнимымъ обѣщаніямъ, предпочитая давать больше на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ.

Преслѣдуя эту цѣль, мы, не обѣщая, дополнили въ истекающемъ году богатый литературными силами составъ нашихъ сотрудниковъ такими писателями, какъ занимающіе очень видное мѣсто въ отечественной литературѣ: П. Д. Боборыкинъ, П. Ф. Василевскій (Буква), Д. Л. Мордовцевъ, Ольга Шаниръ и профес. В. И. Модестовъ.

Такимъ образомъ «Одесскій Листокъ» имѣетъ слѣдующій составъ фактическихъ (а не фиктивныхъ) сотрудниковъ:

А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman), П. Д. Боборыкинъ, А. С. Бориневичъ, Н. И. Борисовъ, П. Е. Булгаковъ, П. Ф. Василевскій (Буква), князь М. Н. Волконскій, А. И. Вейнбергъ, А. К. Гермопіусъ (Финиъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), Я. М. Готбергъ, М. П. Гольденбергъ, П. Л. Гроссулъ-Толстой, В. М. Дороневичъ (Дядя Власъ), Б. А. Дешкинъ, Н. В. Желиховская, П. А. Зеленый, В. И. Ивановъ, Юрій Казі-Бекъ, Ф. Капелюшъ, П. М. Красильщикъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, Ольга Лурье, В. Л. Лучинскій, В. И. Модестовъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Н. Москвичъ, Ф. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, С. П. Плаксинъ, А. С. Попадопуло, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставраки, А. А. Саитагано-Горчакова, Б. П. Студенцовъ, Н. М. Трегубовъ, Д. В. Федоровъ, А. И. Черкасскъ, А. Чивонбаръ, П. М. Хайновскій, А. А. Цѣновскій, Ольга Шаниръ, князь М. Л. Шаховской, П. В. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

Въ 1898 году въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ окончены печатаніемъ очерки **В. М. Дорошевича «Сахалинъ»** (съ иллюстраціями).

Очерки эти обратили на себя вниманіе не только русской, но и иностранной печати, были перепечатываемы во многихъ русскихъ газетахъ и переводились польскими, еврейскими, нѣмецкими, французскими, англійскими и американскими газетами.

Огромный интересъ, возбужденный путешествіемъ г. **Дорошевича**, заставилъ насъ придти съ нимъ къ соглашенію о новой его поѣздкѣ въ

ПА П Е С Т И Ч И

«Они слишкомъ любятъ удовольствія. Слишкомъ. Слишкомъ. Слишкомъ», – трижды повторяетъ «Катон».

И изо всехъ удовольствій, по словамъ «Неунывающего бессарабца», они больше всего любятъ маскарады.

«Потому что маскарад – это единственное место, где можно снять маску, которую женщина носитъ всю свою жизнь».

Маски же, по его словамъ, разделяются на три категории:

- 1). Маски, приезжающіе в маскарадъ съ мужьями.
- 2). Маски, приезжающіе следить за мужьями.
- 3). Маски, приезжающіе в маскарадъ искать «мужа».

«Самая скучная категория – первая, самая распространенная – третья. Охотиться следуетъ за второй. Женщина всегда должна быть очарована. Ловите момент, когда она разочарована в муже».

Письма приходятъ къ концу.

«Говорить о женщинахъ! – восклицаетъ какой-то «Петя». – Но лучшая похвала для женщины, когда о ней не говорятъ».

И, наконецъ, последнее письмо, посвященное женщинамъ:

«Мне 64 года. Возраст, когда должно перестать думать о женщинахъ и можно о нихъ писать спокойно, какъ летописецъ. Вы получите, милостивый государь, безъ сомнѣнія, массу писемъ, направленныхъ противъ женщинъ. Дайте место и письму старика. Выше всего на свете ставьте женщину. Ей поклоняйтесь. Отдавайте ей все: ваши мысли, вашъ трудъ, а если и жизни потребуетъ она, – отдайте ей жизнь за одинъ поцелуй. Потому что нетъ на свете ничего выше, ничего дороже женщины. Мы негодуемъ на нихъ. А безъ нихъ – что было бы на этомъ свете, кроме скуки, отвращенія къ жизни? Она – царица мира, потому что весь миръ лежитъ у ее ногъ. Она – конечная цель всехъ желаній. У нее есть недостатокъ, пороки, – но только умеете любить. Вы не заметите недостатковъ, ее пороки вамъ покажутся достоинствами. Вы будете счастливы. Чего же вамъ больше? Любите. И когда старость, какъ флеромъ, подернетъ передъ вами прошлую жизнь, и выплывутъ, какъ изъ тумана, эти чарующіе образы женщинъ, которые дарили васъ минутами счастья... О, сколько благодарности проснется въ вашемъ сердцѣ за эти лучшіе в жизни минуты! Благодарности за счастье, за страданія, за все. Такъ живите же такъ, чтобы подъ старость у васъ остались воспоминанія.

Воспоминанія – это все, что остается в старости. Любите женщину. Умейте прощать ей все».

Я преклоняюсь перед вами, почтенный старик.
Вы говорите тем языком *galanterie*, которым говорили о женщинах в ваше время.
По этим письмам вы видите, как говорят о женщинах теперь.
И я не нахожу, чтобы одесситки были особенно неправы, давая нелестные отзывы об одесситах.
Судите вы, кто остроумнее: мужчины или женщины?
Я, со своей стороны, скажу одно.
Из писем женщин получился огромный двойной фельетон.
Писем мужчин было вдвое больше, – из них я насилу набрал один «ординарный».
Никогда моя корзина не была полна такими глупостями, как в то время, когда я получал письма мужчин о женщинах.
Одесситки – те хоть бранятся от себя.
А одесситы, даже чтоб выбраться, берут напрокат мысли у Шопенгауэра, приводят старые стихи и избитые афоризмы.
Открытая война кончена.
И кавалеры, и дамы, правда, много наговорили неприятного друг другу.
Но... «Милые бранятся – только тешатся», как пишет по этому поводу «Запоздалый подснежник».
Я надеюсь, что после доброй ссоры будет заключен хороший мир.
Следует прощать женщинам и не обращать внимания на то, что говорят мужчины.
Это неискренно.
Во всем мире я знаю одного человека, который имел бы право писать против женщин.
Но он никогда не поднимет руки против бога, которому молится всю жизнь.
Позвольте мне скрыть его имя.

Одесский язык

Лекция на степень доктора филологических наук

- Чашка кофе!
- С молока или без молока?
- Без никому!

Из разговоров в одесской кофейне

Милостивые государыни и милостивые государи!..
Виноват!
В Одессе нет ничего милостивого:
Ни милостивых государей, ни милостивых государынь.
Этот маленький Париж населен исключительно *monsieur*'ами и *madame*'ами.
В этом городе не говорят иначе, как *monsieur* и *madame*.
Les odessites sont plus parisiens, que les parisiens mêmes.
Или, как это следует сказать на одесском языке:
«*Messieurs les odessites sont plus messieurs les parisiens, que messieurs les parisiens mêmes.*»
– *Monsieur* – мой муж!
– *Madame* – моя жена!
– Я хочу новую шляпку, *monsieur* Икс!
– Но разве *madame* Икс не знает, что цены на пшеницу вовсе не таковы, чтоб покупать новые шляпки?
– *Madame* Икс нет никакого дела до цен на пшеницу. Если *monsieur* Икс женился, он должен покупать своей жене, *madame* Икс, новые шляпки.
– *Madame* Икс говорит глупости!
– *Monsieur* Икс – изверг! *Monsieur* Икс – тиран! *Monsieur* Икс – негодяй!

– А madame Икс просто-напросто – дура!
 Какая тонкость обращения!
 Даже пуская мужу в голову суповой миской, здесь говорят:
 – Monsieur Икс – величайшая бестия в свете.
 оборот фраз, бесспорно, заимствованный из индейского.
 Так же точно говорят дикари Южной Америки.
 – Чего хочет краснокожая жена воина Лисий Хвост?
 – Краснокожая жена его хочет продеть в нос новую рыбную кость.
 – Язык краснокожей женщины говорит глупости. Разве не знает
 краснокожая женщина, что бледнолицые собаки выловили всю
 рыбу в Великой Реке?
 – Краснокожей жене воина нет до этого ни малейшего дела.
 Зачем же тогда женился краснокожий воин и клялся хвостом ко-
 ровы перед лицом великого духа заботиться о своей красноко-
 жей жене? Краснокожая женщина несчастна! Ах, как краснокожая
 женщина несчастна!
 – Если краснокожая жена моя не перестанет своим красноко-
 жим языком говорить глупости, – я сниму с нее скальп.
 – Краснокожий воин сам глуп! Он снял с краснокожей женщи-
 ны голову и теперь грозит снять волосы!
 – Краснокожая женщина глупа, как хвост собаки.
 – Воин не умнее лошадиного копыта!
 Как видите, совсем разговоры краснокожих с добавлением
 «monsieur» и «madame».
 В Одессе вы через два месяца забудете, как вас зовут по имени
 и отчеству, и когда вас кто-нибудь спросит:
 – Как поживаете, Иван Иванович?
 Вы будете чрезвычайно удивлены:
 – Кто это Иван Иванович?!

Я не знаю, как разговаривали между собой маркизы времен
 Людовика XIV.
 Но навряд ли тоньше!
 Здесь говорят друг с другом в третьем лице, и вас спрашивают
 в гостях:
 – Не хочет ли monsieur Иванов чаю?
 Первое время вы недоумеваете, кто этот «monsieur Иванов»,
 о котором вас спрашивают, и пожимаете плечами:

– А Бог его знает!
 Только по улыбающимся ли-
 цам остальных вы догадываете-
 сь, что речь идет о вас:
 – Ах! Ведь это я monsieur
 Иванов! О, monsieur Иванов
 очень-очень хочет чаю, madame
 хозяйка дома!
 На вас смотрят с сожалением:
 – Вот бедняга, который еще
 не понимает тонкостей одес-
 ского обращения!
 Но через две недели, как уже
 сказано выше, вы сами позабу-
 дете ваше имя и отчество.
 Гарантируется!
 Вы сами начнете говорить:
 – На этом вечере были:
 моя жена madame Иванова, мой сын monsieur Иванов, мой брат
 monsieur Иванов и я сам – тоже monsieur Иванов!
 В Одессе всякая, кто носит юбку, непременно «madame».
 И даже messieurs, продающие на Греческом базаре скумбрию
 и баклажаны, кричат:
 – Madame кухарка! Madame кухарка! Пожалуйста к нам!
 Эта тонкость обращения доведена до того, что даже простона-
 родье, обвиняя друг друга в драке, говорит друг о друге не иначе,
 как «monsieur» и «madame».
 – Мосье мировой судья, вот мосье Петров оттащил меня на рын-
 ке за волосы. Спросите мосье городского.
 – Да, мусье мировой судья, но мадам Сидорова сама первая уда-
 рила меня камбалой по лицу. Спросите мусье дворника.
 – Образованные мосье так не поступают!
 – Но и образованные мадамы камбалой не дерутся!
 Этот пшеничный город вместе с тем удивительно галантерей-
 ный город.
 Словом, если вы хотите быть вполне-вполне просвещенными
 одесситами, вы должны на улице звать:

В.М. Дорошевич. Шарж М. Линского

– Monsieur извозчик!..
Итак, messieurs и mesdames!
Приступая к лекции об одесском языке, этом восьмом чуде в свете, мы прежде всего должны определить, что такое язык.
«Язык дан человеку, чтоб скрывать свои мысли», – говорят дипломаты.
«Язык дан человеку, чтоб говорить глупости», – утверждают философы.
Способность речи дана только человеку, – и это делает его невыносимейшим из всех животных.
Одесситу язык дан, чтобы сплетничать.
Перечисляя все заслуги города, сумевшего за сто лет вырасти из маленького Хаджибея в большие Тетюши, – позабыли одну из его главных заслуг.
Он сумел составить свой собственный язык.
Гейне говорит, что черт, желая создать английский язык, взял все языки, пережевал и выплюнул.
Мы не знаем, как был создан одесский язык.
Но в нем вы найдете по кусочку любого языка.
Это даже не язык, это винегрет из языка.
Северяне, приезжая в Одессу, утверждают, будто одесситы говорят на каком-то «китайском языке».
Это не совсем верно.
Одесситы говорят скорее на «китайско-японском языке».
Тут – чего хочешь, того и просишь.
И мы удивляемся, как ни один предприимчивый издатель не выпустил до сих пор в свет «самоучителя одесского языка», на пользу приедем.
Без знания одесского языка тут вас ждет масса водевильных недоразумений и чисто опереточных qui pro quo.
– Советую вам познакомиться с monsieur Игрек: он всегда готов занять денег!
– Позвольте! Но что ж тут хорошего? Человек, который занимает деньги!
– Как! Человек, который занимает деньги? Это такой милый, любезный...
– Ничего не вижу в этом ни милого, ни любезного.

– Это такой почтенный человек. Его за это любит и уважает весь город.
«Черт возьми! – думаете вы. – Как, однако, здесь легко прослыть почтенным. Начну-ка и я занимать направо и налево, – чтоб меня любил и уважал весь город!»
Но при первой же попытке «занять» – вы поймете ошибку.
Везде занимать – значит «занимать», т. е. брать займы.
И только в Одессе «занять» значит дать займы.
– Я занял ему сто рублей.
– Я занял ему двести рублей.
– Я занял ему тысячу рублей.
Впрочем, это говорится редко: здесь теперь никто не «занимает», потому что никто не отдает.
– Monsieur не скучает за театром?
– Зачем же я должен скучать непременно за театром? Я скучаю дома.
– Как monsieur не скучает за театром? А мы все ужасно скучаем за театром!
Вы удивлены, потому что за театром в Одессе находится Северная гостиница, где далеко не скучают.
Но здесь не говорят: скучать «о чем-нибудь», скучать «по чем-нибудь».
На одесском воляпюке скучают обязательно «за чем-нибудь».
Публика скучает «за театром», продавцы – «за покупателями», жены «скучают за мужьями».
Последнее, впрочем, здесь случается редко.
А чудное одесское выражение: «говорить за кого-нибудь»!
Вы будете страшно изумлены, когда услышите, что:
– Monsieur прокурор чудно говорил за этого мошенника.
«Вот добрый город, – подумаете вы, – где даже прокуроры говорят за обвиняемых».
Но в одесском языке – извините – не существует предлога «о».
Здесь не говорят «о чем-нибудь» – здесь говорят «за что-нибудь».
И если о вас скажут, что вы – растратчик, обольститель невинных созданий, убили родную мать и съели двоюродную тетку, – то это все-таки будет значить, что говорят «за» вас.

Герман КАЗАНДЖІАН
ОДЕССА-ХАРЬКОВ-КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
 Одесское Отдѣленіе: ул. КОНДРАТЕНКО, 30.
ОТКРЫТ ОПТОВЫЙ СКЛАД
мануфактурных товаров
 Ежедневно из заграницы получ. новыя партіи товаров.

КАБАРЭ „ОРТ“ „ОРТ“.
 Ланжеронская, 24. — Телефон 7-55, —
ЕЖЕДНЕВНО КОНЦЕРТЫ.
 Первокласный ресторан.
 — ОБЪЕДЫ И УЖИНЫ. —
 Концертный струнный оркестр.
 Кухня под наблюдением шефа ПИТАРОВСКАГО. Цены умеренныя.

РЕДАКЦІЯ
Одесского Листка
 приглашает гг. Офицеров и Солдат, прибывших в Одессу, посетить редакцію для информирования газеты о боевой жизни Добровольческой арміи.
 Фотографія и машинка
 здесь при курсах газеты
 по ул. Рашевской 10 и 20

От Одес. Конторы Госуд. Банка
 Настоящим объявляется, что украинскіе казначейскіе знач. достоинством в 50 карбованцев серіи А. С. 230 и 231, как равно предыдущих и послѣдующих серіи **ОБЯЗАТЕЛЬНЫ И ПРИЕМУ** между частными лицами и принимаются Одесской Конторой Государственнаго Банка безплатно в платежи и по обмѣну, за исключеніем фальшивых
 Управляющій ЖИТОВСНІЙ.

Банкирскій дом
Г. М. ШОПОВИЧЪ
 Екатерининская ул. № 9, тел. 32-86.
ОТКРЫЛ СВОИ ДѢЙСТВІЯ
 по всемъ банковскимъ операціям

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ОТДѢЛ
Одесской Городской Управы
 доводит до свѣдѣнія домовыхъ комиссаров и населения, что с 20-го по 27-е сего мѣсяца, будет производиться выдача бѣлой муки изъ городскихъ продовольственныхъ лавокъ по литерному талону 36 Рр продовольственной карточки по цѣнѣ 4 р. 80 к. за фунт.
 Размѣръ пайка для всѣхъ трехъ категорій опредѣляется в 2 фунта на душу.
 Муку могутъ получать цѣлые дома черезъ своихъ комиссаров и отдельные граждане.
 Для полученія муки населеніе должно приносить свою посуду
 Выдача муки по талону 24 Гг с сего числа прекращается.
 Завѣд. отдѣломъ продовольствія О. Г. У. А. И. СПИВАКОВ
 Управляющій дѣлами Ю. А. ШИХМАН.

— РУССКОЕ —
ДУНѢЙСКОЕ ПАРОВОДСТВО
 объявляет, что в ближайшіе дни отойдет изъ ОДЕССЫ в ХЕРСОН и далѣе по
Днѣпру до Александровска
буксирный пароходъ с баржей.
 Принимаются грузы во всѣхъ портахъ Днѣпра **без перегрузки.**
 Справки в Главной Конторѣ, Пушкинская 8 и Аг-въ Пароходства на Нов. Моллѣ Тел. 23 51, 6-47.

ВОЕННЫЙ ПОДРЯДЧИК
 Театральная пер. № 8, к. 21
 Телефон 54-68.
 Возможныя приемы покрововъ на посылку военныхъ вещей и уличнаго

РЕСТОРАН быв. Брунса
 в домѣ 6. Ватвора, Дербасовская 16.
ОТКРЫТ
 ВСЕГДА СВЯЗАНЪ

— Мерсі за такое «за». Что же здесь, в таком случае, значит говорить «против»?

— Ах, я ужасно смеялась с него!

— Как?!

— Я смеялась с него. Что же тут удивительного? Он такой смешной!

— Да, но все-таки, смеяться «с него»! Можно смеяться над кем-нибудь, но смеяться «с кого»...

— В Одессе всегда смеются с кого-нибудь.

Г-да фельетонисты здесь очень много смеются, например, «с городской управы», но с городской управы это как с гуся вода. Может быть, отсюда и взят этот предлог «с»!

— Вообразите, — говорят вам, — я вчера сам обедал!

«Черт возьми, — думаете вы, — неужели этот город так богат, что здесь даже обедают через адвоката!»

— Я сама хожу гулять.

— Да, madame, но вы уж, кажется, в таком возрасте, что пора ходить «самой»!

Впрочем, иногда, для ясности, messieurs одесситы бывают так любезны, что прибавляют:

— Сам один!

Но это только снисходительность к приезжим, не понимающим еще всех тонкостей одесского языка.

Затем вы услышите здесь не существующий ни на одном из европейских и азиатских языков глагол «ложить».

Везде детей «кладут спать» — и только в Одессе их «ложат спать». Вероятно, так одесским детям удобнее.

— Я ложила детей спать и приехала сюда, потому что скучаю за театром! — с обворожительной улыбкой говорит одесситка.

Впрочем, она может сказать и иначе:

— Потому что я соскучила за театром!

Это превосходный одесский глагол.

Я соскучил, ты соскучил, он соскучил, мы соскучили, вы соскучили, они соскучили.

Впрочем, одесский язык не признает ни спряжений, ни склонений, ни согласований — ничего!

Это язык настоящих болтунов — язык свободный как ветер.

Язык без костей.
Вы приказываете вашему человеку подать визитку. Он отвечает:
– Никак невозможно. На нем мусор стоит!
В переводе с одесского на человеческий это значит, что «на ней пыль лежит».
«Стоит» вместо «лежит», «мусор» вместо «пыль» и «на нем» – когда речь о визитке!
Что же после этого удивительного, что даже наиболее солидные одесситы часто возвращаются домой «через форточку».
На севере «через форточку» входят в дом только воры, – и это отлично предусмотрено уложением о наказаниях.
А здесь даже дамы возвращаются домой «через форточку».
Это при их-то туалетах и запорожских шароварах, которые они надевают на руки!
Вы, конечно, будете страшно удивлены, когда вам скажут в гостинице:
– Вы, monsieur, когда придете поздно, – пройдите через форточку. У нас ворота заперты.
Вам рисуется страшная картина.
Ночь. Никого. Вы подставляете лестницу. Лезете в форточку. Свистки. Городовой. Участок.
Но успокойтесь! Здесь «форточкой» зовут «калитку».
Точно так же, как «дурным» зовут «глупого».
Когда вам говорят:
– Это дурная девушка.
Не спешите отказываться от сделанного ей предложения.
Это не значит много плохого – это значит только, что она глупая.
Разве в жене это недостаток?!
Чтоб говорить по-одесски, вы должны знать, что такое «хвостит» и «телепается».
Увидав, что у дамы готова слететь шляпа, вы должны сказать:
– Madame, придержите вашу шляпу: она телепается.
На что она ответит вам с очаровательнейшей в мире улыбкой:
– Mercі. Это оттого, что на дворе сильно хвостит.
«Хвостит» значит дует, «телепается» – колышется, а «на дворе» – значит на улице.

Здесь смело говорят:
– Я еще не ходила сегодня на двор.
И это значит только, что она не была еще сегодня на улице.
«Не имела гулять».
О, добрые немцы, которые принесли в Одессу секрет великолепного приготовления колбас и глагол «иметь».
– Я имею гулять.
– Ты имеешь смеяться.
– Он имеет соскучить.
– Мы имеем кушать.
– Вы не имеете кушать.
– Они имеют говорить глупости.
В Одессе всё «имеют»... кроме денег.
Когда вас спрашивают:
– С чем monsieur хочет чай: со сливками или с лимоном?
Вы обязательно должны ответить с любезной улыбкой:
– Без ничего!
Везде чай пьют «безо всего», но в Одессе не поймут этого выражения. По-одесски пьют «без ничего».
Кроме того, вы должны говорить «туда и сюдою», чтоб не быть осмеянным, если скажете «туда и сюда».
– Monsieur куда идет? В театр или в цирк?
Обязательно надо сказать:
– И тудю, и сюдою!
Конечно, если вы не хотите, чтоб за ваше «и туда, и сюда» над вами посмеялись как над невеждой, не знающим русского языка!
Тонкая деликатность обращения не позволяет одесситу сказать даже такое, в сущности, невинное слово, как «сосиски» или «колбаса».
Всюду эти слова говорятся даже при барышнях-невестах.
А в Одессе вам предлагают в начале ужина:
– Не хочет ли monsieur немножко сосиссонов?
И в конце:
– А не хочет ли monsieur кусочек фромажа?
– Мы ужинали вчера сосиссонами и фромажом.
Даже еще лучше сказать:
– Мы супировали вчера соссиссонами и фромажом.

Это будет уже совсем, говоря по-одесски, «что-нибудь особенное». Точно так же, как деликатнее сказать «динировали», а не обедали. Ведь, пишут же здесь, что «артист бисировал свою арию». Если можно «бисировать», отчего нельзя «динировать»? Это в тысячу раз деликатнее, чем «обедать», и гораздо более идет к городу, где никто не «ест», а «кушает»! Даже рабочий на эстакаде «кушает» тухлую селедку.

Таков этот одесский язык, как колбаса, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески, но с польским соусом.

И одесситы при всем этом уверяют, будто они говорят «по-русски».

Нигде так не врут, как в Одессе!

Я мог бы еще дальше продолжать свои исследования об этом чудном языке, но боюсь, что messieurs и mesdames уже соскучились за тем, что я долго говорю за одесский язык, обязательно начнут со мной смеяться и, видя, что от моей лекции некуда деваться ни тудю, ни сюдою, удержат в форточку, а я буду иметь остаться сам, без никого!

Одесса через сто лет

Я прочел на ночь одесские газеты и заснул как убитый.
Когда я проснулся, было уже совсем светло.
Я позвонил.
Вошла какая-то молодая очень нарядно одетая дама.
Черт возьми! Я переконфузился.
– Сударыня! Ради Бога... Я в таком костюме...
Она милостиво улыбнулась.
– Ничего. Я, по обычаю всей одесской прислуги, не обращаю на своих хозяев ни малейшего внимания!
– Но, сударыня... Кого я имею удовольствие видеть?
– Вы имеете честь видеть перед собою, – поправила меня дама, особенно упирая на слова «имеете честь», – вы имеете честь видеть перед собою вашу горничную!
Я даже подскочил на месте.
– Мне, конечно, очень приятно, сударыня...
– Меня зовут Аксиной Григорьевной!
– Мне, конечно, очень приятно, Аксиныя Григорьевна...
– Но так как вы мой хозяин, а я ваша прислуга, – то вы обязаны меня звать многоуважаемой Аксиной Григорьевной.
– Тьфу! Да я готов вас звать хоть Ксюшей...
– Может быть, со временем я и позволю вам так меня называть! – она сделала мне многообещающие глазки. – Если вы этого заслужите! А пока вы обязаны мне как прислуге оказывать всевозможное почтение и звать меня многоуважаемой Аксиной...
– Извольте! Я готов. Итак, многоуважаемая Аксиныя Григорьевна, мне, конечно, очень лестно, что вы делаете мне честь, состоя у меня горничной. Но только, мне помнится, у меня была вчера другая многоуважаемая горничная.

– Не вчера, а сто лет тому назад.
– Как сто лет?!
– Сегодня 5-е июня 1995-го года. Вы спали ровно сто лет!
– Как? Благодаря одесским газетам я проспал даже свою горничную. А она была прехорошенькая.
– Она скончалась в глубокой старости в тот самый год, когда были накрыты крытые рынки.
– Это было?
– Приблизительно в 1912-м году.
– А... Ну, а теперь потрудитесь подать мне, многоуважаемая Аксинья Григорьевна, мои сапоги!
– С удовольствием. Но услуга за услугу. Вы должны завязать мне ботинок.
И горничная поставила на стул прехорошенькую ножку.
– Voila!
– Сударыня...
– Без разговоров!!!
Она прикрикнула так, что я, наконец, взбесился.
– Сорок тысяч чертей и одна ведьма! Потрудитесь, наконец, объяснить мне, многоуважаемая Аксинья Григорьевна, кто у кого служит? Я у вас или вы у меня?! Кажется, это ваша обязанность, миледи моя горничная, прислуживать мне, а не наоборот! Она расхохоталась.
– Да, так было сто лет тому назад. Но с тех пор одесская прислуга сумела уничтожить это глупый предрассудок. Хорошая прислуга на улице не валяется, милостивый государь! И человек, отыскавший себе хорошую прислугу, должен чувствовать себя таким же счастливецом, как и выигравший 200 тысяч. Он должен уважать, почитать свою прислугу, преклоняться перед ее добродетелями и извинять ее недостатки, оказывать ей уважение и преданность, преданность и уважение, быть в дружбе с ее «кумом», буде таковой имеется, и заменять, по ее желанию, место ее «кума», буде такового не имеется. Так стоит в настоящее время вопрос о прислуге.
– Превосходно, достопочтенная миледи моя горничная! Я готов оказывать вам уважение и преданность и ухаживать за вами, но потрудитесь сказать, сколько же я должен платить вам за это жалованья?

– Всего 50 рублей в месяц. Кроме того, вы обязаны заплатить мне 15 рублей убытков, которые я понесла, благодаря тому, что вы не умерли.
– Как? Разве и это входит в число моих обязанностей?
– Всеконечно. Умереть – это долг человека перед природой и своей прислужгой. Я думала, что вы заснули навеки, и получила 15 рублей задатку за «рекомендацию покойника» от одной из 555 одесских похоронных контор.
– В мое время их было только пять!
– Теперь 555, – и вся одесская прислуга состоит в числе их агентов. Как только заболевают наши хозяева, мы даем знать в контору и получаем куртаж.
– Как? Если, например, у меня всего-навсего насморк!
– Все равно. Да вот, предположим, что у вас насморк! Миледи моя горничная выглянула в окно и свистнула.
Не прошло 10 секунд, как в комнату влетел господин в шляпе факельщика и в николаевской шинели.
– В чем дело?
– Вот у моего хозяина насморк! – сказала миледи моя горничная.
– О, насморк – это очень серьезная вещь. Хороший насморк может повлечь за собой воспаление мозга, от которого, в свою очередь, можно отправиться на тот свет. В таком случае позвольте вам рекомендовать, милостивый государь, нашу контору. Исполнение заказов скорое и аккуратное. Останетесь довольны! Если хотите, я даже сейчас готов снять мерочку...
Но я поспешил спрятать ноги под одеяло и отказаться от такой предупредительности.
Господин в николаевской шинели пожал плечами и убежал.
– На нашей обязанности, – продолжала миледи моя горничная, – лежит даже «вгонять в могилу» своих господ. Мы за это получаем премии от контор. Вы видите перед собой, сударь, горничную, которая награждена уже четыремя такими премиями.
– Очень приятно! – поклонился я. – Я должен вам сказать, миледи моя горничная, что имею обыкновение по утрам читать газеты. Не будете ли любезны, если ваш кум их уже прочитал, подать мне местные газеты.

Больнымъ, выздоравливающимъ и здоровымъ

Идите Какао де-Юнгъ!

Попробуйте и Вы убедитесь!
что КАКАО де ЮНГЪ
виуеный, питательный, удобоваримый
и экономный напитокъ.

Отзывы медицинскѣхъ авторитетовъ,
а также постоянно возрастающее
число потребителей являютя прас-
норбчавыми доказательствами хоро-
шихъ свойствъ.

КАКАО ДЕ-ЮНГЪ.

¼ Кгр. достаточно на 120 чашекъ
питательнаго какао. Высшя отличя
на выставкахъ. Фабриканты Придъ.
поет. Голд. Кор. Двора Де Эрве г. де
Юнгъ, въ Вормерверъ (Голландія)
Фабрика основан. въ 1790 г.

Представительство и складъ у **Аль-
берта**, Пушкинская, 57, тел. 1267.
ШОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.

БЕЗУСЛОВНО

только англійскій порошокъ
„ФЭМОСЪ“.

Уничтожаетъ всѣхъ насѣкомыхъ.

Коробки въ 15 и 30 исп. продаются въ
лучшихъ аптекарскихъ магазинахъ.

Кремъ Эмаль Рафазль

вызывающій естественный

РУМЯНЕЦЪ

и дѣлающій кожу нѣжной и эластичной. Ва-
шнорасящя гребенки, Землянина и Жостаръ
послѣдняго сбора получаютъ въ централь-
номъ аптечномъ и парфюмерн. складѣ
провизора **Ф. Фанъ-Юнга**,

Преображ. № 50, между Почт. и Евр.

**Серебристо-бѣлая
никкелировка
САМОВАРА
2 руб.**

гарантія за прочность ея

ТРИ года.

полуда отъ 1 руб.

Въ фабричномъ магазинѣ

КОЛЧЕНКОВА - НИКОЛАЕВА.

Александр. просп., № 4,

**серебрехіе, золочехіе
и бронзировка.**

Просятъ обращать вниманіе
на фирму и точный адресъ
и не смѣшивать съ водопроводной
мастерской, находящ. рядомъ.
Р. С. До 1 янв. 1904 г. въ теченіе пос-
лѣднихъ 3-хъ лѣтъ, фабрикой никке-
лировано болѣе 15.000 самоваровъ.

- Извините, сударь, но в Одессе, кроме официального органа, не издается ни одной газеты.

- Не может быть!

- Уверяю вас. Вчера еще у нас было двое редакторов. Но из них один загрыз другого, а потом загрызся и сам. Вот что говорит об этом наш официальный орган.

В официальном органе крупными буквами было напечатано:
«Кончина последнего из одесских журналистов».

Вчера гуляющие по Дерибасовской улице были свидетелями страшной картины. На проходившего редактора Х. неожиданно наскочил из-за угла редактор Z. и вцепился ему в горло. Через минуту все было кончено. Редактора Х. больше не существовало. Редактор Z. был в отчаянии, - ему некого было больше грызть. В порыве бешенства по этому поводу он бросился к себе в редакцию, перегрыз всех сотрудников, и когда-либо в чем-либо виноватых, и ни в чем не повинных, среди которых было немало едва умеющих лепетать, еще несмышленых младенцев! Перегрызя всех, он в порыве ярости укусил сам себя за левую пятку и затем бросился с крыши своего дома на мостовую вниз головой. Мостовую починили».

Так погиб последний журналист Одессы!

- Но вы не огорчайтесь! - поспешила утешить меня миледи моя горничная. - В Одессе есть много ходячих газет. Идите на любую улицу - и на всяком перекрестке вы встретите «ходячую газету». Узнаете все новости, и притом бесплатно.

Я поблагодарил миледи мою горничную, попросил ее великодушно удалиться, оделся и отправился на улицу искать «ходячую газету».

Не успел я, однако, выйти из подъезда, как меня схватил за горло какой-то господин.

- Кошелек или жизнь!

- Кто вы такой? - еле-еле прохрипел я.

- Агент страхования жизни. Вы еще не застрахованы, но вы должны быть застрахованы. Застраховать свою жизнь - долг каждого честного, порядочного, благородного человека. Ваши родные...

- Но, милостивый государь, у меня нет родных. Я проспал сто лет, и в это время все мои родные успели умереть.

- Все равно. Вы можете оставить деньги на благотворительные учреждения. Но вы должны застраховаться! Я вас не выпущу живым из рук, и вы умрете нераскаянным незастрахованным грешником. О, ужас! Ужас! Ужас!

Я поспешил заплатить, сколько следовало, и только что успел получить полис, как меня схватил за шиворот другой господин.

– Агент страхования...

– Милсдарь, вы опоздали схватить меня за шиворот. Меня только что другой схватил за горло, и благодаря этому я уже застрахован.

– Ничего не значит! У меня вы застрахуете приданое вашей дочери.

– Но у меня нет никакой дочери...

– Нет – так будет. Вы еще достаточно молоды и, судя по вашему виду, у вас может быть дочь...

– А если у меня будет сын?

– Не рассуждать, сорок чертей и одна ведьма! Если у вас будет сын – тем хуже для вас. Молчать и застраховаться!

Я поспешил застраховать приданое дочери, которой не имеет еще и в проекте.

В ту же минуту третий господин схватил меня за полу.

– Стойте! Вы не страховались еще от огня!

– Но у меня нет никакой ни движимости, ни недвижимости!

– Ничего не значит, вы страхуете самого себя. Вы курите?

– Курю.

– Вы можете по рассеянности положить в пиджак непогашенную папиросу, – на вас вспыхнет пиджак, вы сгорите, – и обязаны застраховаться.

Не успел я уплатить, сколько с меня следовало, как меня схватил за фалды четвертый господин.

– А от градобития!

– Что-о-с?

– Вы не застрахованы от градобития! Смотрите, какая собирается туча. Пойдет град, испортит вам цилиндр.

Я заплатил, но меня схватил за ногу пятый господин.

– Стойте! Вы забыли о самом главном. Вы не застрахованы от увечья.

– Но я не собираюсь драться!

– А конка? Вам может отрезать ногу!

Господин сунул под следующий вагон свою руку.

Руки как не бывало.

– Что вы будете тогда делать?!

– Ха, ха, ха! – залился гомерическим хохотом подлетевший шестой господин. – Для привлечения клиентов он прибегает

к обману! У него искусственные руки и ноги! Застраховывайтесь у меня, в моем обществе! У нас без обмана! Видите мою голову?! Настоящая голова! Хотите, я ее сейчас подложу под конку в доказательство, что конка может отдавить и голову? Только застраховывайтесь у меня – пусть моя жена и дети получат комиссионные, которые будут следовать за вашу страховку. Хотите?

Я кинулся бежать от них.

– Страхователь бежит! – раздался крик на всю улицу, и изо всех ворот, дверей и окон вылетело по страховому агенту.

Толпа неслась за мной с гиком и свистом.

Чтоб спастись, я юркнул в первую попавшуюся лавочку.

Толпа, не заметив этого, пронеслась мимо.

Я был спасен.

– Кому я обязан жизнью? – спросил я, горячо пожимая руку хозяина лавочки.

– Вы находитесь под защитой конторы страхования...

– Опять контора страхования?!

Я почувствовал, что волосы у меня становятся дыбом.

– Успокойтесь. Вы не врач?

– Нет!

– Ну, а у нас производится специально страхование врачей от оклеветания их пациентами.

В контору вошел какой-то почтенный господин.

– Я доктор такой-то, 27 лет практикую в Одессе, состоял председателем нескольких медицинских обществ, моя деятельность прошла на виду у всех. Я очень много практикую среди бедных, но не только не беру с них за визиты, но даже даю им на лекарства. Еще недавно я поручился за умирающего, которого домохозяин хотел прогнать с квартиры. Неужели я не могу считать себя застрахованным от клеветы?

– Вы доктор?

– Да!

– Не можете!

Черт возьми! Я вылетел из конторы, как ошпаренный.

Вон из этого города, где никто ни от чего не застрахован! Где все только и делают, что друг друга страхуют и никак ни от чего застраховать не могут.

Я вскочил в вагон конки, шедший на вокзал.
– Великолепно! – воскликнул один из пассажиров. – Он только что сел, его и заставить править лошадыми.
– Как?! Клянусь, милостивые государи, что я не кучер!
– Ничего не значит. Это сто лет тому назад на конке правили кучера. Теперь правят пассажиры по очереди. Очередь ваша! Становитесь!
– А где же кучер?
– Кучер спит. Правление конки заставляет их работать 24 часа в сутки.
– В мое время их заставляли работать только по восемнадцати.
– Теперь свет шагнул вперед. Работают по 24. Пока кучер и кондуктор спят, их должности занимают пассажиры.
На передней площадке стояла раздвижная койка, на которой спал кучер.
На задней площадке на такой же койке спал кондуктор.
Я взял в руки вожжи. Другой пассажир занялся раздачей билетов, и мы поехали.
– Не зевайте по сторонам! – кричали мне пассажиры.
Но я не мог этого сделать. Все, что я видел, невольно привлекало мое внимание.
Я с изумлением глядел кругом.
Одесса так изменилась за сто лет, пока я ее не видел, что я не мог не зазеваться по сторонам.
Как вдруг раздался какой-то треск.
Момент – и мы все лежали на боку.
Пока я зевал по сторонам, лошади налетели на встречный вагон. Визг, крик, шум, гам, катастрофа.
– Протокол! – вопила публика.
Но в эту минуту кто-то схватил меня за шиворот.
– Господа, успокойтесь! – крикнул этот господин. – Ради Бога, никаких протоколов! Я директор конки. Всякий протокол ляжет пятном на правление. Того и гляди возбудят вопрос, можно ли заставлять служащих работать по двадцать четыре часа в сутки...
– Но мы требуем удовлетворения! – вопили пассажиры.
– И вы его получите! Я сейчас при вас отколочу этого кучера!

– Позвольте! – завопил и я. – Во-первых, я не кучер, ваш кучер спит!
– Я и его отколочу вместе с вами! – успокоил меня энергичный г. директор.
– А во-вторых, как вы смеете драться?! В мое время, сто лет тому назад, таких порядков не было. Не было случая, чтоб директора колотили своих служащих. Да-с, милостивый государь, они обходились с ними по всем правилам «Хорошего тона» Германа Гоппе!
Директор конки посмотрел на меня изумленными глазами и от удивления выпустил даже из рук мой шиворот.
– Как вы изволили сказать? «Сто лет тому назад»?
– Ну да, – сто лет тому назад, в 1895 году!
Директор конки отступил на несколько шагов. Все попятиться.
– Господа, вы, кажется, принимаете меня за сумасшедшего? – воскликнул я. – Но клянусь честью, что со мной случилось такое необыкновенное происшествие. Я заснул в 1895 году и проспал ровно сто лет...
Публика попятилась еще на несколько шагов.
– Господа! Уверю вас, что я здоровый человек. Хотите, я даже расскажу вам все, что происходило 100 лет тому назад?! Хотите? Я сделал шаг вперед. Публика с криком бросилась бежать.
Директор конки сделал кому-то какой-то знак – и меня моментально подхватили под руки двое служителей.
– Сумасшедший! Сумасшедший! – раздались крики, и в почтительном отдалении от нас собралась огромная толпа.
Сопrotивление было бесполезно. Мой рассказ о том, что я проспал сто лет, очевидно, убедил всех в моем сумасшествии. Оставалось терпеливо ждать, пока дело выяснится само собой, – я покорно сел в городской фургон и поехал.
Вот Пересыпь... вот Слободка-Романовка...
Но что это за грандиозное здание в шестнадцать этажей, которое тянется в длину, по крайней мере, на две версты?
– А это здание, – с улыбкой объяснил мне служитель, – где выслушаетесь еще более интересных рассказов, чем тот, который рассказываете вы!

И через несколько минут я, в желтом халате и белом колпаке, очутился среди самой разнообразной компании.

– Позвольте познакомиться! Китайский богдыхан! – приветствовал меня один.

– Далай-лама Тибетский! – отрекомендовался другой.

– Зять Ротшильда, племянник Блейхредера и родной сын Луи Дрейфуса!

– А я копченая сосиска!

Все расхохотались.

– Нечего смеяться! – крикнул господин, воображавший себя копченой сосиской. – Не обращайтесь на них внимания, милостивый государь. Если вам хочется кушать, прошу закусить! Мы сейчас прикажем слуге подать вилку и ножик. Отрежьте от меня кусочек и скушайте. Прошу без церемоний.

– Мерсі... Но у меня нет аппетита.

– Ну, хоть кусочек! Да вы, может быть, не верите, что я копченая сосиска? Но я могу вам даже рассказать историю, как меня коптили! Надо вам сказать, что я раньше не знал, что я сосиска. Вообразите, что я воображал себя одесситом и даже жил на даче на Большом Фонтане! Хорошо, что еще никто не догадался посадить меня в сумасшедший дом! Но меня заставил задуматься тот дым, которым меня обдавало утром и вечером, когда я ездил в город и возвращался. «Черт возьми! – сказал я себе, – если я одессит, зачем же меня коптят?» Мысль эта не давала мне покоя, пока я, наконец, не догадался, что я сосиска! О, тут я понял все. Но, милостивый государь, если бы вы знали, как меня коптили! Что я претерпел, когда меня коптили! Когда я возвращался домой, меня не узнавала жена, при моем виде плакали дети, лаяли собаки. Но я терпел. Сосиска должна терпеть, когда ее коптят! Но зато, когда кончилось лето, и я почувствовал, что меня прокоптили как следует, – я созвал всех моих знакомых, сел на блюдо посреди стола и сказал: «Господа, прошу меня скушать, я теперь вкусен в самый раз». После этого меня взяли со стола и прямо на блюде отвезли сюда!..

– Охота вам слушать сумасшедшего! – тихонько заметил мне другой господин с бритой головой и отвел меня в сторону. – Вообразите себе, он до того сумасшедший, что ездил на трамвае, тогда

как всякому известно, что каждый здравомыслящий человек ездит только на велосипеде! Кстати, вы знаете меня?

– Не имею чести...

Больной стал в величественную позу.

– Король всех велосипедистов, настоящих, прошедших и будущих! Впрочем, об этом вы можете судить по моему костюму!

«Король всех велосипедистов» распахнул халат, и я увидел... Вернее, я ничего не увидел: на г. велосипедисте был надет всего один фиговый листик.

– Каков костюмчик?!

– Гм... недурен...

– Я знал, что вы похвалите! Обыкновенные велосипедисты – те только носят фуфайки с сильными декольте, без рукавов, и открывают ноги выше колена. А я как король должен был выдумать себе особый костюм. Какая легкость! Один фиговый листик – и только. Просто, мило, дешево, обворожительно и легко. И, вообразите, не разрешают в этом костюме кататься по улицам!

– Да неужели?!

– Уверю вас! – он отвел меня в сторону и продолжал почти шепотом. – Вообще, меня здесь сильно притесняют! Никак не позволяют мне открыться, что я король!

– Ай-ай-ай! – сочувственно покачал я головой.

– Да вот, чего лучше? На днях до сведения моего дошло, что три неизвестных мне лошади распускают слухи, порочащие мое доброе имя.

– Лошади?!

– Да. Надо вам сказать, что лошади – это ужасная дрянь. Лошади происходят от слова «ложь», вот почему мы и хотим заменить их велосипедистами. Так вот-с. До сведения моего дошло, что три неизвестные мне лошади рассказывают, будто они могут меня обогнать. Какая дерзость! Меня, короля велосипедистов, и вдруг собираются обогнать три какие-то лошади! Разумеется, я немедленно вызвал их на дуэль.

– Всех трех?

– Всех трех. Были назначены час и место! Мы должны были бежать наперегонки – и даю вам слово, что я бы вышел победителем, потому что, скажу вам по секрету, всякому известно, что

первая лошадь на свете – это я! И вдруг – вообразите – этой дуэли не позволяют. Говорят, будто это головоломная езда! Ну, и пусть будет «головоломной». Зачем, позвольте вас спросить, велосипедисту голова? Велосипедисту нужны только ноги. Ноги! Ноги! Ноги!

И бедный велосипедист, сев на стул, заработал ногами с изумительной, действительно головоломной быстротой.

В это время к нам подошел старичок с необычайно растерянным видом. Старичок поклонился и каким-то грустным тоном спросил:

– Скажите, пожалуйста, сударь, это не вы изволили скушать все городские лавры?

– Лавры?! Какие лавры?

– Одесские городские лавры. Надо вам сказать, что заварили мы тут кашу с одним юбилеем, а лаврового листа для того, чтобы положить в кашу, и нет. Согласитесь, какая же это юбилейная каша без лаврового листа?

– Совершенно согласен. Но ваших лавров я не трогал.

Старичок посмотрел на меня подозрительно.

– Гм! А скажите, пожалуйста, не справляли вы на днях юбилея? В выражении ваших глаз есть что-то торжественное.

– Уверяю вас, никакого юбилея я не справлял!

– Гм! Странно! Здесь это принято. Каждый день чей-нибудь юбилей. И каждому юбиляру непременно лавровый лист нужен. Вот и израсходовали все городские лавры. Вот и нет лавровых листьев. Делать нечего, придется в лавочку за лавровым листом посылать. Извините, что беспокоил. Виноват!

– Ничего, ничего! Пожалуйста!

– Кто виноват? В чем виноват? В тюрьму того, кто виноват! Под суд его! Зачем прощаете? Под суд! – завопил, подлетая ко мне, новый сумасшедший. – Под суд! Вам нужен адвокат? Я адвокат! Известный всему городу уличный адвокат. Да-с! Уличный! Выйдите на улицу, свистните – я тут как тут. Жалобу написать, прошение, клязу? Готов. Идем в мою контору!

И не успел я опомниться, как он затащил меня под кровать.

– Вот моя «контора»! – гордо заявил он. – Давайте составлять клязу.

– Но благодарю вас! Я ни на кого не хочу жаловаться!

– Ах, вы ни на кого не хотите жаловаться?! Вы не хотите пользоваться моими услугами? Значит, по-вашему, я скверный адвокат? Так хорошо же! Я вам покажу, какой я адвокат! Я притяну вас за клевету, я вас засужу, засажу! Я вас еще не сажал на скамью подсудимых? Так я вас посажу. Я всю Одессу должен пересажать, переобвинять в клевете...

Больной, вообразивший себя «уличным адвокатом», кинулся было на меня, но в эту минуту кто-то вытащил меня за ногу из-под кровати.

– Вот он! – крикнул больной. – Вот он, изменник! Ага, милостивый государь! Вы хотите нас разорить, пустить по миру, лишиться куска хлеба – и прячетесь под кровать? Но нет! Я отыщу вас!

– Позвольте! Кто вы? Что вы? Что я вам сделал?

– Вы?.. Вы сбавили полкопейки на хлеб. Вы смели сбавить. Вы хотите нас разорить, – так нет же, нет-с...

Больной кинулся на меня.

– Господа! Спасите! – крикнул я.

Другие больные схватили его за руки.

– Не обращайтесь на него внимания! – поспешил успокоить меня один из моих больных защитников. – Бедняга – хлебник и, вообразите, сошел с ума на том, будто он аптекарь! Серьезно! Он начал весить хлеб граммами и продавать его по аптекарской таксе. И, представьте себе, очень долго это проделывал. Как вдруг нашелся какой-то булочник, который сбавил цену на полкопейки. Бедняга от горя помешался, и теперь все разыскивает «изменника», который сделал эту сбавку.

– Бедняга! – покачал я головой. – Но позвольте узнать, с кем я имею честь...

– Я городской насос!

– Что-о?

– Городской пожарный насос! Моя обязанность – лежать безо всякого дела в углу. И вот уже двадцать лет как я добросовестно лежу в углу. Вы, впрочем, не подумайте, что я так себе, какое-то ничтожество! Нет-с, милостивый государь! – больной принял гордую позу. – Знаете ли вы, сколько за меня заплачено?! Да вы бы в обморок упали, если бы знали, сколько за меня заплачено!

Но моя обязанность – лежать без всякого дела в углу, и я добросовестно лежу! Конечно, вы как человек новенький...

Зачем он произнес это слово!

При слове «новенький» проходивший мимо больной взвизнул и бросился в сторону.

– Новенький?! – с ужасом вскрикнул он. – Новенький – значит, каторжник! Наверное, каторжник! Я знаю его! Он убил двух теток, одного дядю, четырех зятьев, пять двоюродных сестер! Держите его! Ловите его! В каторгу его!

Но в эту минуту вошел доктор.

– Успокойтесь! – сказал он больному и обратился ко мне. – Это очень бедный пациент; он помешался на том, что вообразил себя редактором газеты. В каждом человеке он видит сотрудника своего конкурента – и потому каждого нового человека обвиняет во всевозможных преступлениях.

– Ха, ха, ха! – расхохотался больной. – Хорошенькие вещи говорит господин доктор! По его мнению, это не каторжник! Когда всякому известно, что во всей журналистике есть только один порядочный человек, да и тот я! Ку-ка-ре-ку!

Больной вскочил на кровать и захлопал руками, словно крыльями.

– Что с ним? – изумился я.

– Он воображает себя то редактором, то бойцовым петухом. Самое лучшее – ему ничего не отвечать. Пусть называет всех «каторжниками», пусть кричит «ку-ка-ре-ку». Что кому от этого? А ему это доставляет удовольствие.

– Отчего же с ним это?

– Бедняга начитался когда-то полемики одесских газет. Вы должны ему сочувствовать, вы тоже когда-то начитались одесских газет.

– И заснул от них на сто лет! Клянусь, доктор, что это со мной случилось действительно.

– Совершенно верно. Теперь это обстоятельство выяснено вполне...

– И я?..

– Вы свободны. Согласитесь, что благодаря такому необыкновенному рассказу вас легко могли принять за сумасшедшего.

Я поспешил пожать руку доктора, переоделся в свое платье и поспешил поехать в Одессу.

– Господин, к нам!

– Господин, сюда!

– Господин, не квартира, а что-нибудь особенное!

– Господин, ко мне! Квартира со всеми удобствами: электрическое освещение, ванна, отопление, когда недостает четвертого в винт – сам прихожу к жильцам играть!

– Принимаю на себя обязанность сечь детей квартирантов по субботам, нашалил ребенок – одно слово мне, и высеку. Никаких хлопот! Квартира со всеми удобствами!

Еще момент – и гг. домовладельцы разорвали бы меня на куски.

Ловить жильцов на улице, подстергать их при въезде в город – в мое время этого в Одессе не было!

К счастью, меня спас какой-то юркий господин.

– Что вам за охота нанимать квартиру? Постройте собственный дом.

Я взглянул на него с изумлением: черт возьми, не вырвался ли вслед за мной пациент психиатрического отделения?

– Уверяю вас, что гораздо удобнее построить собственный дом.

– Благодарю вас, но у меня всего двугривенный в кармане.

Субъект даже привскочил на месте.

– Как? У человека целый двугривенный в кармане, а он молчит?

Слово «двугривенный» произвело магическое действие.

Через минуту кругом меня была уж толпа таких же юрких субъектов.

– Пустите деньги в рост! – предлагал один. – Хотите, я отыщу вам, где поместить деньги под двадцатую закладную?

– Купите похоронную контору? Дешево продается! – предлагал другой. – Двугривенный наличными, остальные в рассрочку.

– Снимите Городской театр!

– Приобретите Ланжерон. Чудный вид. Морские купанья. Поучительные воспоминания. 70 тысяч долгу банку, 800 тысяч

по закладным. Пятиалтынный доплаты – у вас останется еще пятак на бутылку квасу, чтоб вспрыснуть покупку.

– Купите лучше фабрику!

– Завод!

– Гостиницу!

– Снимите купальни!

Я был оглушен, потрясен, у меня голова пошла кругом.

– На двугривенный?!?!

– Да у вас настоящий ли двугривенный-то? – усомнился один из субъектов.

Я показал двугривенный.

Субъекты кинулись исследовать.

Двугривенный бросали об тротуар, прислушивались к звону, пробовали двугривенный на зуб, смотрели и даже нюхали.

– Самый настоящий двугривенный!

Головы гг. комиссионеров почтительно обнажились:

– Капиталист!!!

Я поспешил любезно поблагодарить за приветствие.

– Благодарю вас, господа, но меня удивляет, что такие деньги, как двугривенный...

Толпа расхохоталась.

– Слышите, как он говорит! «Такие деньги, как двугривенный!» Двугривенный – не деньги! Слышите? Да знаете ли вы, что можно сделать в Одессе на такие деньги?

Меня подхватили и потащили в какой-то банк.

– У него двугривенный наличными – можете вы ему открыть кредит? – обратился один из комиссионеров к члену-распорядителю.

– Неограниченный! – воскликнул г. распорядитель. – Сколько угодно, когда угодно, под соло-векселя, под простые записочки на клочке бумаги, как вам угодно, под что вам угодно, весь банк к вашим услугам.

Я пожал руку распорядителя.

– Благодарю вас за ваше лестное предложение! И чтоб не обидеть вас отказом, готов сейчас взять у вас...

– Сколько?

– В сущности, сколько угодно. Чем больше – тем лучше. Ну, на первый раз хоть тысяч полтораста-двести.

– Извольте! Даю вам клятвенное обещание торжественно, при всех, что как только в банке будут деньги, – вы можете получить 200 тысяч под простую записку на бумаге из-под сахара.

– Гм... Ну, а теперь не могу ли я получить хоть что-нибудь в счет этой суммы?.. Ну, не все 200 тысяч, так хоть... рублей пять этак!

– Достопочтеннейший, ни гроша! – развел руками распорядитель. – Последние три рубля только что выдали господину, который назвал себя Ротшильдом.

– Да может быть, это не Ротшильд?

– А вдруг действительно Ротшильд? Ловко ли будет такую персону обидеть?! У нас, знаете ли, на этот счет просто. Это в других банках скаредничают, сквалыжничают, сидят, как Кошечки бессмертные на деньгах. А у нас нет! У нас пришел, назвался Ротшильдом – и получай. Никаких этаких проверок обидных нет. Говорит, что он Ротшильд, – значит, надо верить: ему лучше знать, кто он такой. И выдаем. Нельзя же Ротшильду в трех рублях отказать! Может быть, ему за извозчика нечем заплатить! У нас главное – вежливость и предупредительность к клиентам. Да вот самое лучшее доказательство. Иван Иванович, сколько у нас сегодня утром в кассе было?

– 400 тысяч. А теперь ни гроша.

– Кому выдано?

– Во-первых, по чеку Вандербильда двести тысяч.

– Ого! – с почтением воскликнул я. – Мистер Вандербильд держит свои деньги у вас на текущем счету?

– Нет. У него нет в нашем банке текущего счета. Но, согласитесь, неловко не выдать по чеку, подписанному таким лицом, как Вандербильд! Совершенно ясно подписано «Вандерблит» и даже, вообразите, по-русски!

– Да ведь чек, может быть, подложный!

– А нам какое дело? Ведь в чек не влезешь. Если подложный, пусть тому и будет стыдно, кто его подделывал! Далее, Иван Иванович!

– 199.907 рублей выдано по такому же чеку Блейхредера, а оставшиеся три рубля отданы зашедшему в контору господину, который, судя по его словам, оказался Ротшильдом.

– Видите, какие все имена! – почтительно произнес г. распорядитель. – Нельзя же их задерживать. Повторяю, главное – это деликатность по отношению к клиентам. У нас в этом отношении порядок образцовый.

Я, в свою очередь, похвалил образцовый порядок и вышел из «банка для проходящих с улицы, выдача ссуд под честное слово» – как значилось на вывеске.

– Какое же дело вам угодно предпринять на ваш почтенный двугривенный? – приступили ко мне комиссионеры.

Я глубоко задумался.

С одной стороны, недурно бы, черт возьми, сделаться антрепренером Городского театра. Можно было подыскать еще парочку компаньонов с такими же обеспеченными средствами. Шесть гривен*! На шесть гривен можно будет завести оперу, балет, драму, оперетку, изредка ставить трагедии, выписать на гастроли внучку Патти.

С другой стороны, любопытно и Ланжерон купить, приятно – можно на берегу моря время проводить. Недурно бы и похоронную контору завести, но соблазнительно, черт возьми, без всяких хлопот отдать двугривенный под двадцатую закладную. Сиди себе и получай проценты: тысяч пять-шесть в год. Пожалуй только, ростовщиком назовут. Нет.

– Я решил построить на эти деньги каменный дом!

Все остальные комиссионеры исчезли. Около меня остался один первый.

– Вы не будете раскаиваться, что имеете дело со мной! – воскликнул он, горячо пожимая мне руку. – Ваш слуга, комиссионер на все руки! Раньше брался исключительно за «хлебные дела», но с тех пор как «хлебных дел» на свете стало мало, берусь за всякие. Дом угодно купить – к вашим услугам. Квартиру в этом доме обмелбировать – ваш слуга. Комнатную собачку в квартире завести – скажите слово, – такую моську достану, какой свет не создавал. Влюбитесь, наконец, не решитесь по робости характера в любви объясниться – и тут ваш слуга: пойду, стану на колени, объяснюсь за вас. По рукам?

* Во времена В. Дорошевича гривенник означал монету достоинством 10 копеек.

– По рукам! Что же мы теперь будем делать?

– Для начала вы отдадите мне ваш двугривенный за комиссию. Отдал.

– Теперь идем!

– Но позвольте! Прежде всего, на чем же мы строить будем?

– О, земли сколько угодно. Видите ли, город напроецировал тысячу разных памятников, но ввиду легкой задержки в финансах ни один не поставлен. В городе осталась тысяча пустопорожних мест. Застройте любое – городская дума вам в торжественном заседании благодарность выразит. Идем к архитектору.

Через десять минут мы входили в кабинет необыкновенно солидного господина, который снисходительно нас выслушал и мой проект строить дом похвалил.

– Великолепно. Я готов провести...

– Как провести? Кого провести? Меня провести? – испуганно воскликнул я.

– О нет, вы меня не так поняли. Я готов провести постройку, и когда выведу...

– «Проведу и выведу»... Ради Бога, архитектор, не говорите таких страшных слов!

– Я хотел сказать: когда я выведу здание под крышу – вы заложите дом в Кредитном обществе и из ссуды заплатите. А пока позвольте задаток.

– Но... г. архитектор... у меня ни копейки... согласитесь, что если бы у меня были деньги, зачем бы мне было строить дом? Я без всяких хлопот жил бы на квартире.

– У вас нет денег? В таком случае вы снимите ваш пиджак. Пожалуйста, не стесняйтесь, снимайте, здесь дам нет.

Снял и отдал.

Так я начал делаться домовладельцем.

Мне оставалось только изумляться успехам, сделанным за сто лет архитектурным искусством.

Дома начали строить, как карточные домики!

В час я снял пиджак, в два были готовы четыре этажа, в три – еще четыре, в половине четвертого – еще два, и в тридцать пять минут четвертого я уже летел в Кредитное общество закладывать свой десятиэтажный дом.

– Нельзя! – остановил меня швейцар. – Присутствие кончается!

– Но мне необходимо. Ты пойми – я домовладелец. Я жить не могу без Кредитного общества.

– А чем вы докажете, что вы домовладелец? Почему я знаю, может, вы так...

Я взбесился.

– Что? Человек ходит без пиджака, и ему не верят, что он домовладелец?!

Швейцар спохватился.

– Ах, точно, точно, простите, я и не заметил, что вы без пиджака. Раз без пиджака – пожалуйста. Верю – домовладелец.

– То-то!

Я направился к одному из директоров.

– Дом, десять этажей, на такой-то улице. Желая заложить.

Директор слегка задумался.

– Десятиэтажный?! Гм... Полтора рубля выдать можно.

– Как? По пятиалтынному – этаж?!

– Больше не выдаем. Извините, мы держимся принципа: не рисковать. Бог его знает, сколько дом на самом-то деле стоит. Ну, а полтора рубля деньги небольшие, их не глядя под всякий дом выдать можно. Можете, впрочем, заложить дом под вторую, третью, десятую, пятидесятую закладную. Чем меньше ссуда – тем лучше для вас: скорее денег достанете.

Кажется, он рассуждает логично!

– Идет! Позвольте полтора рубля.

Через полторы минуты я торжественно вез г. архитектору полтора рубля.

– Вот!

– Вам остается достать под вторую закладную и уплатить мне. А в виде процентов за обождание вы потрудитесь снять с себя жилетку. Снимайте, не стесняйтесь, здесь дам нет!

Я снял и побежал искать денег.

Мое появление на улице не смутило решительно никого.

Тут только я заметил, что по всем улицам и перекресткам бегала масса людей без жилеток, тоже отыскивая денег под вторую закладную.

Отыскать денег было, впрочем, нетрудно, но благодетель, который согласился заплатить за меня г. архитектору, потребовал, чтобы я в виде процентов снял с себя такую принадлежность туалета, что я сконфузился.

– Пожалуйста, не стесняйтесь! – любезно предложил он. – Снимайте! Здесь дам нет.

– В таком случае я попрошу вас ко мне домой! – сконфуженно пролепетал я. – Согласитесь, что такой финансовой операцией удобнее заняться дома. Иначе как же я пойду по улице?

– Ничего, вы можете подождать у меня до вечера, а затем идти домой. У нас фонари не горят. Этот нелепый предрассудок уничтожен окончательно. А впрочем, как угодно, пойдете и к вам!

Я совершил дома требуемую финансовую операцию и передал доброму человеку требуемую принадлежность туалета.

– Великолепно! – сказал он. – Это будет процентом за те проценты, которых я не беру с вас сейчас же. Вы потрудитесь заложить дом под третью закладную и заплатить мне проценты.

– Но где же я достану, когда я... как вы изволите видеть... в таком костюме...

– О, не беспокойтесь. Свистните только в форточку, и благодетели явятся сами!

Я свистнул, и новый благодетель очутился тут как тут.

Этот оказался уж совсем добрым человеком.

Он с удовольствием заплатил проценты по второй закладной и в виде процентов удовольствовался тем, что всего-навсего снял с меня рубашку.

Так я стал, наконец, окончательно домовладельцем.

Я не могу передать того наслаждения, которое я испытывал.

Гулять одному в 10 этажах в таком легком необременительном костюме – и никто меня не видит.

От радости я резвился как дитя.

Я прыгал, кувыркался, пел, плясал, – как вдруг на парадном крыльце позвонили.

– Извините, я не могу принять, я в костюме домовладельца.

– Ничего не значит! Ради Бога, не беспокойтесь, я не дама, а судебный пристав. Смотреть на вас не буду, просто вас вышлю – только и всего.

– Как? Что? Выселить меня? Домовладельца? Из моего дома?
– Дом не ваш. Он уже продан с аукциона за неуплату процентов по третьей закладной и остался на торгах за владельцем третьей закладной в двух копейках.

Я беру в свидетели каждого, кто прочтет эту грустную повесть.
Что оставалось делать?

Я выскочил из дверей и побежал на Строгановский мост.

Момент – я и был уже на перилах.

Еще момент – и я летел вниз головой через перила.

Третий момент – и я... лежал в предохранительной сетке.

На мосту хохотал какой-то прохожий.

– Ха, ха, ха! Милейший! Не знал, что уж в 1912-м году на этом мосту повешена предохранительная сетка.

Это известие так поразило меня, что я подпрыгнул в сетке и... проснулся.

Все это был сон! 1995-й год, крытые рынки, пассажиры, которых заставляют на конке править за кучеров, агенты похоронных контор, которые являются к здоровым людям, – все это сон, злой, страшный сон.

Я живу в 1895-м году, в городе, где домовладельцы, слава Богу, ходят еще почти во всех принадлежностях туалета, где агенты похоронных контор заходят только к больным, а отнюдь не к здоровым людям, где на конке работают всего только по 18 часов в сутки, где иногда даже светят по ночам фонари.

Строгановский мост

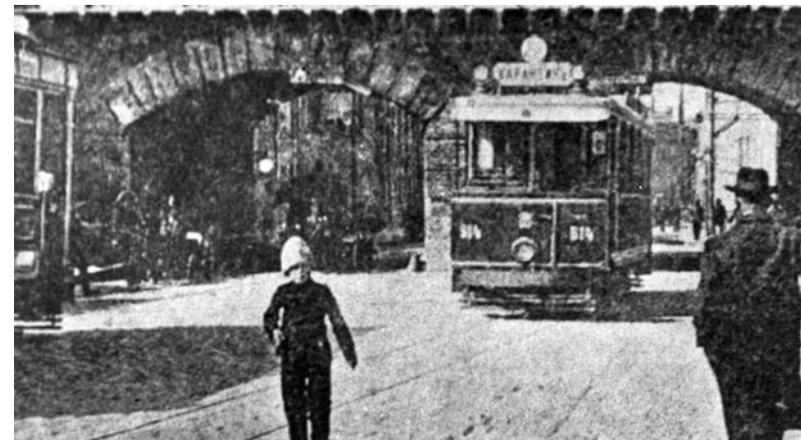
Трагедия в картинах и отвратительных белых стихах

Картина I.

*Сцена изображает Строгановский мост. Ночь. Тьма.
Два члена городской управы.*

Первый

Наряжены с тобою мост мы ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть.
Одесса спит под мраком ночи,
Заснули все, и из дому никто не выйдет.

Строгановский мост. Начало XX века

Второй

А выйдет – рад не будет жизни.
В кромешной тьме на улицах одесских
Себе на лоб поставит шишку живо
Или фонарь под глаз, синяк иль рог...

Первый

(Благоговейно поднимая руки.)

Премудрая управа городская!
Чтоб отучить от шляний полуночных,
Она во тьме держать решила город,
Сидит пусть ночью каждый дома,
По улицам, как тень, не бродит.
Пусть спит – полезней для здоровья,
И нравственность от этого цветет.

Второй

Нет ни души на улицах пустынных,
И пешеходов на мосту не видно.
Заснем, приятель, сном спокойным,
Тем крепким сном, которым
Управцы лишь умеют спать.

(Хочет лечь.)

Первый

Постой. Кажись, идет прохожий.

(На мосту показывается прохожий. Оба члена управы с испугом подбегают к нему.)

Первый

Почтеннейший, куда?

Второй

Зачем ты на мост?

(Схватывают прохожего за руки.)

Прохожий

Пустите! Караул! Насилье! Нападенье!

Первый

Нишкни! Дурашка! О тебе же
Мы попечение имеем, глупый!

Второй

Вреда тебе не сделаем нисколько,
Ты только нам скажи, куда идешь,
Зачем, откуда, с целями какими?

Прохожий

Иду домой себе спокойно,
В гостях я был на Ришельевской
И к парку ныне пробираюсь, где живу.

Первый

(Подозрительно.)

А спрыгнуть с моста не желаешь?

Прохожий

(С испугом.)

Зачем же? Что вы? Наше место свято!

Второй

(Подозрительно.)

А жизнь тебе еще не надоела?

Прохожий

ТЬфу! ТЬфу! Такие мысли
Мне в голову не приходили даже.

Первый

А ты не пьян?

Второй

А ты не сумасшедший?

Прохожий

В своем ли вы уме?
Тверезы ль вы?

Первый

(Подозрительно.)
Дохни!

Прохожий

Изволь, когда желаешь!
(Дышит ему в лицо.)

Первый

Не пахнет алкоголем. Грех сказать!

Второй

Тогда пускай идет! Иди, приятель!
(Прохожий быстро уходит по мосту. Члены управы все время с беспокойством смотрят ему вслед.)

Первый

Прошел! Ух! Отлегло от сердца!
Теперь соснуть нам можно до рассвета!
(Хочет лечь, но в эту минуту на мосту показывается молодая девушка.)

Второй

Держи ее! Лови! Хватай скорее!
(Кидаются к молодой девушке, она пугается.)

Девушка

Как смеете? Пустите! Караул!
На вас я протокол составлю! К мировому!
Как смеете к прохожим приставать?

Первый

Сударыня, не поняли вы нас!
Мы вовсе не с дурною целью.
Не ловеласы мы, которые под шляпку
Заглядывать привыкли к дамам
И приставать на улицах к прохожим!
Намеренья мы вас обидеть не имеем.
Мы только удержать хотим вас...

Девушка

(С удивлением.)
От чего?

Второй

Чтоб вы с моста не прыгнули, дитя!
Зачем? К чему? Так молоды и вдруг...
За что себя сгубить хотите?
Пред вами жизнь, полна очарований...

Первый

Пред вами свет, и радость, и любовь!

Второй

Почто ж, о, дочь несчастного, больного века,
Почто себя сгубить желаешь ныне?

Девушка

(В величайшем изумлении.)
Сгубить себя не думаю нимало.
Домой иду я от подруг. Отстаньте!

Первый

Домой идешь? А жизнью ты довольна?

Второй

В любви не испытала ты несчастий?

Первый

Быть может, горничной служила в доме,
Где взрослый есть шалун,
Сынок, любимый маменькою нежной...

Второй

Быть может, он тебя смутил?
Клялся в любви? И, нашаливши, бросил?

Первый

Быть может, маменька, узнавши
Про шалости милейшего сыночка,
Тебя из дома выгнала с позором,
Ему же замечанье сделала слегка,
«Что так-де поступать неблагоугодно!»
Я знаю, маменьки в Одессе
Народ весьма чадолюбивый.

Второй

Быть может, матерью готовишься ты стать
И в страхе пред стыдом, позором...

Девушка

(Со слезами.)

Какие глупости девице говорите?
Я глупостей таких совсем не знаю
И ими заниматься не хочу...
Как вам не стыдно, удивляюсь, говорить
Девице молодой такие вещи?

Первый

Коль так, ступай!

Второй

Дохни сначала!
(Девушка дышит ему в лицо.)

Первый

Ну что? Не пахнет алкоголем?

Второй

Малиной с молоком лишь пахнет.
Иди, дитя мое, и ешь всегда малину с молоком –
Приятная еда, полезна для желудка!...

(Девушка взвизгивает и убегает. Члены управы садятся на перила и дремлют. На мосту показывается дюк де Ришелье. Он мрачен, подходит к перилам и останавливается в глубокой задумчивости.)

Дюк

Бросаться или не бросаться?
Для дюка Ришелье что благороднее, что лучше:
Стоять на месте без ремонта
Иль прыгнуть с Строганова моста?
Стоять? Ну, кто же будет
Влачить такую жизнь, как я?

Ночую на бульваре и без вида!
Сначала мне на умыванье пожалели,
Потом ступеньки поправлять не пожелали,
Затем с меня все сняли украшенья,
И даже доску ту, на коей званье
Числилось мое, заслуги, имя.
Лишен, всего лишен!
Куда теперь без вида денусь?..
В контору Дзюбина идти, просить там места?
Одно осталось. Мой вид, положим, плох,
Но наши ведь конторы и с плохим
Рекомендуют видом...
Мне, дюку Ришелье, идти в контору?!
Идти, когда один прыжок...
Конец, я прыгаю!..

(Хочет прыгнуть, но в эту минуту проснувшиеся члены управы схватывают его сзади за руки.)

Первый

Нет, врешь! Не прыгнешь!

Второй

Скажи, какой нашелся!
Некстати слишком прыток!
Держи его покрепче!

Дюк

Кто вы? Что вам угодно?

Первый

Перед тобой управы члены!
За неимением решетки порешили
Поочередно караулить мост.
Когда еще надумаем соорудить решетку!
Вот кто мы и зачем.
А ты зачем – скажи, приятель,
Зачем ты на мосту и как тебя зовут?

Дюк

Я дюк де Ришелье, Одессы основатель,
Неблагодарностью потомства огорчен!..

Первый и второй

(Почтительно отступая.)

Почтенный дюк, примите наш привет,
Благие пожеланья и почтенье...

Дюк

(С горечью.)

Почтенье? Нечего сказать, почтенье!
Могу сказать, мое почтенье!
Как мне почтение управа выражает!
Когда почтенье было б в вас, поверьте,
Вы монумент до этого тогда б не довели,
Чтоб все растрескались ступени...
Пустите, прыгнуть я хочу. Мое почтенье!

Первый и второй

(Заступая дорогу.)

О нет, не надо прыгать!
Не вам одним живется тяжело...
Вы, дюк де Ришелье, великий муж,
Хоть вы пример благой нам покажите
Устойчивости той...

Г. Деркач

(Внезапно появляясь.)

Якой такой?
Устойчивости нет! Все неустойчивы в наш век.
И с каждого, клянусь, взять можно неустойку.
Я это сделаю и накажу наш век,
Век неустойчивый, как все его зовут.
Отвсюду я готов брать неустойки
И даже с крынки молока я норовлю
Не только снять «устой», но даже неустойку!

Я сливки со всего сниму, с чего угодно!
Таков Деркач...

Дюк

Так вы Деркач?!
Об вас я слышал много.
Артисты, возвратившись из Парижа,
Частенько на бульваре ночевали у меня.
Я разговоры слышал их,
В них вас благодарили очень!

Г. Деркач

(Махнув рукой.)

Я благодарности выслушивать привык!
Меня не удивишь!

Первый

Но мы удивлены!
Зачем, скажите, вы на мост попали?
Вам, кажется, живется без труда:
Вы сам Деркач. Когда б у Деркача служили,
Понятно было бы, что на мост вы пришли...
Артистам плохо лишь. А Деркачи...
Ведь Деркачи блаженствуют на свете!

Г. Деркач

Я просто шел пешком.
Немножко не спалось. Признаться, я лелею
Мысль дивную – в Америку поехать на гастроли.

Второй

Вернетесь ли обратно?

Г. Деркач

Вернемся все, не беспокойтесь!
На пароходе я, а прочие все вплавь.
Я труппу наберу такую,

Чтоб плавать все умели превосходно.
Артисты ведь народ привычный!
Огонь их не берет, в воде не тонут.
Вот я и шел обдумать на свободе,
Достать бы где мне компаньона,
Чтоб деньги дал, а после заплатил и неустойку!

Все

(В восторге.)

Вот молодец! Смотрите, он каков!
«Сам толст, его артисты тощи»!
Вы, вероятно, шли пешком для моциона?

Г. Деркач

Трудненько мне, признаюсь вам, ходить.
Приходится, однако же. Не возят...

Дюк

Не возят вас, должно быть, потому,
Что вы тяжелый человек...

Г. Деркач

Не столько потому, что я тяжелый,
Сколь из простой боязни:
Боятся, дети бисовы, того,
Что, на извозчике доехав, я с него же
Взыщу еще и неустойку.
Вот почему мне, наподобие моих артистов,
Пешком приходится ходить частенько!

(Все с сожалением качают головами.)

Г. Деркач

А вы зачем, скажите мне, собрались?

Первый и второй члены управы

Вот дюк хотел вдруг с моста спрыгнуть.

Г. Деркач

Что? Дюк? Сошел он с пьедестала?
Так, значит, он не устоял на месте?
Коль так – с него взыскать нам надо неустойку!

Дюк

(Испуганно.)

Как? Что? Помилуйте! Откуда?
Где денег я возьму? Ночуя на бульваре,
Последних уж лишен я украшений...
Я беден, беден страшно.

Г. Деркач

Брат! Врешь! Шалишь! Взыщу!

Дюк

Да вы на мой костюм взгляните,
Стою в одной лишь тоге и pardon...
Но даже я без панталон!

Г. Деркач

А тога? А венок? А свиток,
Что держишь ты в руке?
А пьедестал, ступени? А ядро?
Все это мы опишем, продадим...
Деркач, не беспокойся, взыщет неустойку!

Дюк

(Окончательно растерявшись.)

Карррраул!

Первый и второй члены управы

Скорей, советуем, бегите!
На место встаньте поскорее!
Скорей, не то сейчас он взыщет,
Безо всего останетесь! Скорее!..

(Дюк подбирает тогу, бежит во всю мочь, вскакивает с разбега на пьедестал и становится, как ни в чем не бывало, в прежнюю позу. На сцене остаются только г. Деркач и члены управы.)

Первый

Как вас благодарить!

Второй

И дюка вы спасли, и нас,
Как быстро вы его на место водворили!

Первый

Как бросился бежать!

Второй

А как упрямылся здесь с нами.
«Хочу и прыгну», – говорит. А тут...

Г. Деркач

(Самодовольно улыбаясь.)

Брат, от меня сбежишь,
Во мне такое что-то есть.
Что дюк? Не дюки бегали, случилось...
Да вот, когда я из Парижа возвращался –
Немножко крюку дал, поехал чрез Аbruццы.
Ущелье есть в Италии такое, хлопцы.
Там жители издавна промышляют
Разбоем на большой дороге, как известно.

Вот, хлопцы, еду ночью я.
 Такая тьма, – подумать можно,
 Что едешь ты по Молдаванке...
 Вдруг свет... Взвились кони...
 «Ни с места!» – окрик грозный раздался.
 И с потайными фонарями предо мною,
 С кинжалами, пистолями, оружием,
 В надвинутых на брови шляпах,
 Закутаны в плащи,
 С зловещим взглядом шесть абруцких уроженцев
 Передо мной дорогу преградили...
 Я стал творить молитву.
 «Твой кошелек – иль жизнь давай скорей!» –
 Сказал один. «Нам время дорого», – другой прибавил.
 «Не любим тратить слов!» – промолвил третий.
 Не знаю, что б сказал четвертый,
 Но тут его фонарь средь мрака
 Лицо мне осветил – и что же:
 «Деркач!» – испуганно вскричал четвертый.
 И бледный, как мертвец, бежать пустился.
 «Деркач!» – вскричали все и чрез минуту
 Во мраке только пятки их сверкали...
 Таков Деркач!

Первый и второй

Герой, что говорить! Когда б статую вашу
 Поставить на мосту, не надо б и решетки!

Г. Деркач

Что ж! Ставьте! Позволяю!

Первый

Да бронзы нужно много,
 У города нет денег на статую...

Г. Деркач

Как денег нет? А неустойки!

Второй

(Жадно прислушиваясь.)

С кого? За что?

Г. Деркач

Со всех! За все!
С водопровода, потому что он не дает воды.
С трамвая, конки, зачем до этих пор
Бельгийцы не построили тех линий,
Что по контракту нам обязаны построить!

Первый

Какая голова! В вас прямо виден гений!
В управу к нам мы просим на гастроли!

Второй

Вы неустойками поправите финансы!

Г. Деркач

Извольте! И на это я готов...

Первый

(Второму.)

Бери и понесем!

Второй

(Первому.)

Бери покрепче, ишь какой тяжелый!

Г. Деркач

Доселе на плечах я выезжал моих артистов,
Теперь к управе на плечи я сяду.

(Садится на плечи к членам городской управы. Живописная группа. Из-за горизонта показывается солнце, но, увидев г. Деркача, испуганно прячется.)

Вандербильд

Комедия в 2-х действиях

Действие I.

Действующие лица:

Председатель

Члены управы

Христиан Иванович – старший врач

Бобчинский

Добчинский

} репортеры двух местных газет

Сцена I.

Городская управа. Председатель и члены сидят за столом.

Председатель. Я собрал вас, господа, затем, чтобы сообщить вам чрезвычайно лестное известие: к нам едет Вандербильд.

1-й член управы. Как Вандербильд?

Председатель. Вандербильд из Нью-Йорка, известный миллионер. С целью осмотреть наш город.

2-й член управы. Да, обстоятельство необыкновенное. Прямо необыкновенное. Что-нибудь да недаром. *(Задумывается.)*

1-й член управы. Да зачем же это? Зачем ему наш город осматривать? Что он, в газетах, что ли, пишет? Да я, извините, если бы миллионером был – да я бы и смотреть на Одессу не стал.

Председатель. Ну, уж это его дело – зачем! Миллионеры – они народ богатый, мало ли у них какие фантазии! До сих пор другие города осматривал, а теперь очередь дошла и до нашего.

2-й член управы. А я думаю, господа, что здесь больше тонкие финансовые соображения.

Председатель. Эк куда хватили! А еще сами финансовым отделением заведуете. Станет миллионер по финансовым соображениям ездить! Да тут хоть три года живи, никаких финансов не увидишь...

2-й член управы. Э нет, не говорите. Они, миллионеры, имеют тонкие виды. Он хоть и далеко, а газеты читает. Вандербильд... Видите ли... того... Ему капиталы поместить некуда. Вот он и прослышал, что Одессе деньги нужны. И хочет их пристроить! Финансовый расчет, вы не говорите. По-моему, он просто нам денег займы под проценты дать хочет.

Председатель. Ну, уж хочет он там дать нам займы денег или не хочет – это его дело. А я вас предупредил. Примите меры, чтоб пред богатым путешественником наш город лицом в грязь не ударил. Вот вам, г. член управы. Вдруг проезжающий захочет богоугодные городские учреждения посмотреть, – и потому вы сделаете так, чтобы в городской больнице было все прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов...

Член управы. Ну, колпаки можно надеть и чистые. У нас колпаков и туфель приобретается каждый год, столько приобретается, что хоть предместья мости. Больных околпачить – это сколько угодно.

Председатель. Нехорошо тоже, что у вас в больнице пахнет чем-то этаким. Такой букет, что даже Склифософский, на что известный хирург, и тот в обморок упал и больничной службой заниматься закаялся.

Член управы. Ну, уж с запахом ничего не поделаешь. Это уж так само здание выстроено, чтоб пахнуть, и г. Духновский напрасно против этого в думе говорит. Это уж невозможно, чтоб больница – и вдруг не пахла! Я, впрочем, Христиану Ивановичу об этом не раз говорил.

Христиан Иванович *(на минуту отрывается от писания доклада, издает звук, отчасти похожий на «и», отчасти на «е», и снова погружается всей душой в писание доклада).*

Председатель. Нехорошо тоже – вот в газетах пишут, – что у вас в городской больнице акушерки служанок бьют и надзиратели с сиделками дерутся. Непорядок.

Член управы. На этот счет мы с Христианом Ивановичем держимся такого взгляда: народ простой, дадут друг другу по подзатыльнику и помиряются.

Председатель. Ну, уж это дело ваше. Да, я думаю, Вандербильд в больницу и не попадет. Зачем ему в больницу? Инфлюэнцей если заболит, он и на дому полечится. А вот вам, господин заведующий мостовыми, позаботиться следует: предместья не вымощены, грязь, люди тонут.

Член управы. Ну, уж это извините. Предместья вымостить невозможно. На то они и предместья, чтобы немощеными быть. Впрочем, в смете некоторые значатся. Да и к чему Вандербильду на Молдаванку вдруг ехать? По-моему, это одна только, одна придирка с вашей стороны. «Предместья не вымощены!» Даже обидно.

Председатель. Оно, конечно, зачем ему туда ехать. А все-таки бы. На строительное отделение тоже жалуются: крыши летают, и за справками по годам ходить приходится.

Член управы. Что крыши с городских зданий летают, так это от ветра. А ветер – с неба. И вольтеррианец тот, кто против этого говорит. Будет на то воля неба – крыша полетит! А без воли неба ни один листок железа не упадет. А что до справок, то это, ей-богу, неправда. Во всей управе ни на минуту справки не задерживаются. Сейчас выдаются, и притом самые лучшие справки. Вы об этом у кого хотите спросите, хоть у m-те Серебряной. Она справлялась.

Председатель. Ну, справляться-то Вандербильд, я думаю, ни о чем не пойдет. Они, англичане и американцы, всегда по «Бедекеру» справляются и в управу за справками, какие нужны, не обращаются, потому у них пословица такая есть: «Время – деньги». А вот вам, г. новый член управы, на ваше торговое отделение внимание обратить не мешало бы. В ваше отделение как ни придешь, служащие всегда чай пьют. Оно, конечно, ничего предосудительного в этом нет. Отчего и управскому служащему чайку не попить. Им, кажется, даже на чай полагается. Но ведь нельзя же до бесчувствия целый день чай пить. Публика обижается. «Постоянно, – говорит, – чай пьют, ждать отчаешься». Кроме того, и с посетителями разговаривают – ну, прямо не знаю, как бы и выразиться! Как фельетонисты какие-нибудь.

Весьма полемические выражения ваши управские служащие в отношении к публике употребляют.

Новый член управы. На этот счет мною уж меры приняты. Больше шести самоваров в день ставить не приказано, а для служащих я специально даже три экземпляра «Хорошего тона» в переплете выписал. (*Обращаясь к товарищам.*) Хотите, принесу почитать? Это все, что вы говорили, раньше было.

Председатель. Ну, да это я так, к слову упомянул о торговом отделении. А по правде сказать, вряд ли кто и заглянет туда: это уж такое завидное место, само небо ему покровительствует.

1-й член управы. Беда, я вам скажу, служить по городской управе. Столько дел, что просто не знаешь, за какое дело взяться. Так и сидишь по годам целым в недоумении: и то нужно, и это важно, и третье не терпит отлагательства. Страх, хлопотно!

Председатель. Это бы еще что! Архимиллионер проклятый из головы не идет. Поедет по городу, некрытые рынки увидит. «А почему, скажет, у вас рынки без крыши стоят? А кто у вас заведует строительным отделением? А подать сюда заведующего строительным отделением!» «А почему в больнице вонь? А как фамилия заведующего больничной частью?» – «Такой-то». – «А записать мне на бумажку эту фамилию!» Репортерам, интервьюерам разным расскажет. В газетах благовестить начнут. В Америке, в Северной, в Южной знать будут, что и больница черт знает чем пахнет, и рынки некрытые стоят! На весь земной шар ославят! Управы, думы не пощадят. Вот что обидно...

Сцена II.

Влетают Бобчинский и Добчинский, в дверях сталкиваются, дают друг другу под бок и начинают разом.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. На сотню строк известие!

Бобчинский. Позвольте, лучше я расскажу! Идем мы сегодня с Петром Ивановичем на грабеж...

Все (в ужасе). Что, что такое?

Добчинский. То есть это не мы с Петром Ивановичем грабить собираемся. Это грабеж был, так мы подробности идем узнавать. Это на репортерском языке, только для краткости так говорится.

Бобчинский (перебивая его). Так говорится. Так вот, идем мы с Петром Ивановичем на грабеж, и почувствовали в желудке трясенье. А так как день был гонорарный, то не зайти ли нам, – говорю я Петру Ивановичу, – закусить в Европейскую гостиницу?

Добчинский. Зашли!

Бобчинский. Э, не перебивайте вы меня, Петр Иванович! Вам так не рассказать. Господа, ей-богу, Петр Иванович так не расскажет. У них и газета не распространенная. А у нас и газета самая распространенная, и сотрудники самые лучшие. Позвольте уж мне рассказать.

Председатель. Да бросьте хоть тут полемику! Рассказывайте кто-нибудь.

Бобчинский. Заходим мы с Петром Ивановичем в Европейскую гостиницу и только что успели спросить полпорции скумбрии на шкаре и два соленых огурца в особенности – как видим, сидит молодой человек недурной наружности...

Добчинский. В партикулярном платье, английского покроя, бритый и высокого роста.

Бобчинский. Бритый и высокого роста. Господа, не велите Петру Ивановичу перебивать у меня известия! На лице это такое невнимание. Обед спросил из пяти блюд по карте, сладкого два раза потребовал и даже после супу рюмку мадеры выпил.

Добчинский. В 35 копеек рюмку мадеры. Я как это увидел, сразу меня словно и осенило. «Э!» – сказал я Петру Ивановичу.

Бобчинский. Нет, Петр Иванович, это я первый сказал: «э». Это уж извините, недобросовестный полемический прием, себе чужие открытия приписывать. Я «э» сказал.

Добчинский. «Э!» – сказали мы с Петром Ивановичем. Это и есть Вандербильд!

Председатель (вскакивая). Как Вандербильд? Отчего Вандербильд? Почему Вандербильд?

Бобчинский. Как же не Вандербильд, когда целый обед в ресторане сам один ест!

Добчинский. Сладкое по два раза спрашивает! Кто ж теперь в Одессе, при теперешних хлебных делах, будет по два раза сладкое спрашивать?

Бобчинский. Мадеру – по 35 копеек рюмочка! – пьет. И рюмочка-то небольшая! Да что я вам скажу! Сигары курит!!! Он!!!

Добчинский. Кому же, как не ему!

Занавес.

Действие II.

Действующие лица:

Мистер Вандербильд – приезжий миллионер.
Член 66 комиссий и другие туземцы.

Сцена I.

Коридор Европейской гостиницы.

Член 66 комиссий. Ради Бога, господа, побольше порядка. Бог с ним: в Америке живет, по всей Европе ездит. Везде про нас рассказать может. Стройтесь на военную ногу. Непременно на военную ногу.

1-й туземец. Воля ваша, а я все-таки не понимаю, зачем мы этому богатому путешественнику представляться будем.

Член 66 комиссий. Как зачем? Первый миллионер в мире – и вдруг о нашем существовании знать не будет! Должны мы его поставить в известность, что живут, мол, в сем городе такие-то. Лестно. Как только сделать – не знаю.

2-й туземец. Да, по-моему, господа, очень просто. «Будучи, мол, наслышаны о ваших богатствах»...

3-й туземец. Нет, не годится! Подумает еще, что денег взаимы просить пришли. Нет, так не хорошо.

4-й туземец. А если этак: «Имеется, дескать, в здешнем городе театр, пока еще никому не принадлежащий. Может быть, захотите снять»...

Журналист. Эк куда хватили! А еще тенором считаетесь и в опере поете. Станет Вандербильд в Одессе городской театр снимать, когда это уж всему свету из моих фельетонов известно, что театр следует сдать г. Гордееву, и никому больше. Вот, господа, если уж делать, так делать так: «Будучи, мол, от природы своей корреспондентами, сочли священным долгом уважающих себя литераторов явиться и засвидетельствовать почтение»...

Член 66 комиссий. Покажет он вам корреспондентов. Нет, господа, нужно не так. Нужно вот как. Всем вместе, и чтоб один речь держал. «Узнав, мол, о приезде столь достопримечательного лица, сочли долгом составить из себя комиссию и явиться»... Ну, и так далее. Кто только говорить будет?

Все. Да уж вы! Вы у нас в 66 комиссиях заседаете, вам уж все равно. Вы! Вы!

Член 66 комиссий. Нет, господа, я не могу. Я в думе – и то с трудом... Вот это уж пусть у нас г. журналист. Вы у нас литератор.

Журналист. Ну, помилуйте господа, какой же я литератор? Так, иной раз про Дорошевича напишешь...

Член 66 комиссий. Нет! Вы не только про Дорошевича, вы и об городском хозяйстве, вы и о столпотворении вавилонском можете!..

*(В двери номера, занимаемого г. Вандербильдом, вертится ручка.
Все стихает.)*

Член 66 комиссий *(шепотом и скороговоркой)*. Господа! Поодиночке! Пусть каждый представится знаменитому путешественнику с глазу на глаз. Не будем затмевать друг друга. Начинается!

*(Все откашливаются, одергивают на себе платье.
Член 66 комиссий, по обычаю, выступает вперед.)*

Сцена II. Явление I.

Номер г. Вандербильда.

Г. Вандербильд *(один)*. А в здешнем городе, кажется, очень уважают деньги... «Заочное», так сказать, уважение. От посетителей и писем прямо отбоя нет. *(Раздается стук в дверь.)* Войдите!

Член 66 комиссий *(появляясь на пороге, называет свою фамилию и скромно добавляет)*. Изволили, может быть, слышать?

Г. Вандербильд. Нет, в первый раз слышу.

Член 66 комиссий. Как же-с, состою членом 66 комиссий. Услыхав, что вы изволите совершать вояж с целью ознакомления, так сказать, с достопримечательностями каждого города, – счел долгом представиться.

Г. Вандербильд. Это, конечно, очень любезно с вашей стороны. Прошу садиться. Скажите, у вас в городе это всегда так делается: представляются приезжим?

Член 66 комиссий. Я, по крайней мере, считаю своим долгом. Единственно, так сказать, для облегчения приезжих: чтоб, будучи в городе, ознакомились с городскими достопримечательностями. Будучи членом 66 комиссий...

Г. Вандербильд. А скажите, это трудно быть членом 66 комиссий?

Член 66 комиссий. Для других оно конечно-с. А я привык. Меня так уже в здешнем городе всегда во все комиссии и избирают. Любого мальчика маленького на улице спросите: «кого в комиссию избрать?» – он сейчас вам скажет: «такого-то, без него никакой комиссии не бывает». Так меня и знают-с: «постоянный

городской комиссионер». Тружусь на пользу отечества, и притом вполне бескорыстно: меня только чтоб знатные приезжающие знали. Мне больше ничего не нужно-с.

Г. Вандербильд. А это хорошо, если больше ничего не нужно... А как оно... того... этого... как его...

Член 66 комиссий. Может быть, вы желаете знать, каких именно комиссий я состою членом?

Г. Вандербильд. Вот, вот именно!

Член 66 комиссий *(скороговоркой)*. Больничной, угольной, финансовой, мостовой...

Г. Вандербильд. Ага! Все это, конечно, очень смешно, что вы говорите. Но чем же все-таки могу быть вам полезен?

Член 66 комиссий. И даже весьма-с! Это, видите ли, весьма тонкое и деликатное дело! *(Придвигаясь ближе.)* Весьма деликатную имею просьбу.

Когда вы изволите вернуться в Америку, будьте так добры, скажите американцам и индейцам там разным, что живет, мол, в городе Одессе г. такой-то и состоит членом 66 комиссий. А если и президента вашего увидите, и президенту скажите, живет, мол, в городе Одессе г. такой-то.

Г. Вандербильд. Хорошо, хорошо, непременно скажу!

Член 66 комиссий. Весьма буду признателен. Не смею больше затруднять вас своим присутствием. А чтоб фамилию не забыли, – позвольте вручить вам свою фотографическую карточку. На обороте собственноручная надпись.

Г. Вандербильд. Хорошо, хорошо, признателен! *(Член 66 комиссий кланяется и уходит.)* А в Одессе, однако, есть очень честлюбивые люди. Ну-ка, что он здесь написал? «Дорогому другу мистеру Вандербильду от искренне его любящего такого-то». И названия всех 66 комиссий выписал. Очень предупредительный человек. *(Дверь отворяется и оттуда просовывается голова члена 66 комиссий.)*

Член 66 комиссий. А если меня еще в какую-нибудь комиссию выберут, так я вам тогда телеграфирую срочной телеграммой.

Г. Вандербильд. Хорошо, хорошо! Буду ждать! До свидания! *(Голова скрывается.)* Чрезвычайно обязательный господин!

**Ю дешево
ГОСТИНАЯ**
са и мебель
КАДА, КАРТИНЫ,
лампы, ПЕД
селоз, ПРОД. Ека
4, кв. № 7. 11600—

учаю:
Фабр. Шредера,
ино стоволя, кап
пан коварам, ви
урь, крытый по
ль, козырь, до
вая медоч. Грето
домъ съ магаз. Пе
11609—

ВНИМАНИЕ!
ЗЕРКАЛО
имости квартирной
выгода продается.
10. 11472

икамъ.
Выборъ ГИЛЬЗЪ
пичачьки ружей, а
розалечные и обин
элитъ Г. Керндль
съ, Рингеленская
3512

**обенный
лучай!**
Льдо за 10 р. 50 к.
ым: Прозрачны и
о стянны часы „Ро
ль“ съ термометром,
што фаномъ, съ па
ль механикачомъ, съ
льнымъ холоду и
ымъ боемъ, большо
ым и цѣлымъ часо
ль часовъ оркестро
валымъ, артистиче
шьльски. Ручателъ
и бирность. Ходъ на
ль и чудный музык
ль ящикъ „Симфоня
гравицій красные
у шаровымъ пьсьи.
льчымъ тономъ,
гелъ точно и аккурат
ельной бензатной
львакомъ по по
ль размеръ 2 рубля.
о арсдать почтовы
дрозу: 3006
ршавъ, Великая, 45.

МЪЛЬ
пной цѣнь
ю-Зеркалькомъ
азинъ
ЕВСКАГО
улица, токъ

**ОБРАЗЦОВАЯ
ШКОЛА
КРОЯ И ШИТЬЯ**
Единственная въ Россіи
„ДОСТОЙНАЯ МЕДАЛЕЙ“
СВОСТРОВСКОЙ
Одесса, Садовая 5 кв. 27
ПРИЕМЪ отъ 10 до 2.

**Учитель танцевъ
Л. ПРАУССЪ,**
Греческая ул., № 50, рядомъ съ
Русскимъ театромъ. 2833

ЗОДОР
Le Zodor
О-ва ПАСТЕРНИКЪ въ Парижѣ.
ФОРМАЛЬДЕГИДНЫЙ АНТИСЕПТИКЪ,
уничтожающій микробы (туберкулезъ, дифте
рия, холера, скарлатина, оспа, корь, тифъ).
НАИЛУЧШЕЕ для ДЕЗИНФЕКЦИИ
закрытыхъ въ фойерахъ, балконахъ, ван
нотахъ, санит., ванъ и санитализаціи, а также
защиты отъ вонючей.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЕ для санит.
столъ, зеркала, мебели, посуды и пр.
моментально
УНИЧТОЖАЕТЪ ВСЯКОЕ ЗЛОБИЕ.
Не обожаетъ, не боится, не раздражаетъ кожу,
применяемой въ больницъ.
дело
для
Россіи
А. СИУ и К^о МОСКВА
На 5 ведеръ 1 руб.
На 10 ведеръ 1 р. 80 к.

**Требуйте
РИСОВОЕ МЫЛО
ДОБЕРА**
для смыванія кожи и бѣланы лица
Продается по вѣсду. Складъ на вѣс
Россіи у А. Макутова и Д. Дорфманъ
Одесса Полтавская, 18 —7410

Средства къ существованію
Обучаю основательно лично и шь
менно выдѣлывать мыло и стиральн
ныя сабын, лампадное мыло, олеин
новое мыло, колесную мазь, органи
чному производству и многимъ другимъ
предметамъ. По окончаніи учебы по
лучаютъ повсеместное признаніе
ство. Подробный проспектъ высылаю
ва 7-ми копеечною марку. Мастеръ
старинныхъ сабынъ М. Ф. Пужурманъ,
Одесса, Гинзбургская, 9. Приемъ отъ
2—4 часовъ для 3281—

По случ. МЕБЕЛЬ
6-ти комн. очень ДЕШЕВО, 3
отенъ, офицеръ шилъ на мѣхъ.
и бѣл. 2 верст. Брѣв. БЕРДИСЛАВЪ, Д.
№ 51, кв. № 5, парадъ ходъ. 11591—

ДОМАШНИЙ ОБЪД
(КОШЕРЪ) Губермана, Барейская,
Вселеденно еванг. ОБЪДЫ лучш
пронимая, подлъ наблюдениемъ хозяй
отъ 12—4 часовъ. Доставка на до
Пріемъ абонентовъ 3906—

Опытный учитель-сабиантъ
по латинск. яз.—готовитъ во все
вл. гимн. и на специальности, при
иметь павсіонеровъ. Деггарина, 16—1.
Отъ 8 до 5 час. 10724—

И. А. Ковалевъ
предлагаетъ уроки на мажорлинахъ
Кувачева ул., № 13, кв. 7. 1188

0 подпискѣ на 1907 годъ на три журнала
РОДНИКЪ

XXVI г. изд. подъ одной редакціей. Журналъ для семьи и школы: **Од
бренъ для всѣхъ учебн. завед.** Подписчикъ въ 1907 г. о
лучше: 24 №№ журнала, 12 №№ „Выходоточн Родника“ (всего 3
кн.) и 24 отд. картинки.
Цѣна въ годъ 5 рублей съ пересылкой.

Новые подписчики на „Родникъ“ могутъ получить „Юбилейную
книжку Родника“ (по случаю 25-лѣтія) за 40 к. съ пересылкой

„ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ“
XXXI г. изданія Педагогическаго журнала. 12 №№ въ годъ. Вопросы о
мѣняго воспитанія Родительскіи кружки. Хроника дѣтской жизни.
Биографія.
Цѣна въ годъ одинъ рубль съ пересылкой.

„СОЛНЫШКО“
III годъ изданія. Журналъ для дѣтей младшаго возраста, 12 книгъ с
многими рис. Прозаики—40 картинъ съ текстомъ. Должны къ
низшимъ учителямъ, въ больш. народнымъ читальни и для бабъ, мла
шаго возраста среди учебн. заведеній.
Цѣна въ годъ одинъ рубль съ пересылкой.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 1.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ЭТИ ЖУРНАЛЫ ПОДПИСКА НА 1906-й ГОД!
Подробное объявленіе—высылается по требованію.
3810— Редакторъ-Издатель АЛЕКСѢЙ АЛЬМЕДИНГЕНЪ.

УТВЕРЖДЕННОЕ МЕДИЦИНСКИМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ
касторовое масло Сикноль
Ricinol Siccol.
Это касторовое масло въ порошокъ безъ запаха и вкуса, а потому по
ное въ употребленіи и рекомендованъ выдающимися врачами. Доза
дѣтей за 5 коп., для взрослыхъ за 10 коп. Продается во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ складахъ. Главн. ьредстав. для Россіи С. ФРИХЪ и
ЛЕКЕНБУРГЪ, ВАРШАВА, Свѣтлая 9. 3344

**УПОРНЫЙ КАШЕЛЬ, ЗАПУЩЕННЫЙ НАСМОРКЪ, БРОНХИТЪ,
КАТАРРЪ, ПОСЛѢДСТВІЯ ИНФЛУЭНЦЫ. — ЛЕЧАТСЯ**
КАПСЮЛЯМИ КОНЪЕ
(САРВЕЛЕС СОБЛЕТ)
МОГУЩЕСТВЕННОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГРУДНЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ
ПАРИЖЪ, 48, rue de Valenciennes, и во всѣхъ аптекахъ.

Товарищество Т. И. ГАГЕН
Одесса, Рашельевская, № 11.
Знаменитыя американскія

Явление II.

На пороге появляется г. Журналист, шаркает ножкой, кланяется и говорит.

- Г. Журналист.** Литератор здешнего города Журналист!
- Г. Вандербильтъ.** Ах, очень приятно. Очень приятно. Прошу садиться.
- Г. Журналист.** Благодарствуйте, я и так-с...
- Г. Вандербильтъ.** Ну, как вам удобнее. Скажите, я вас, кажется, вчера на спектакле г-жи Декроза видел?
- Г. Журналист (скромно опуская глаза).** Был-с. По делу службы. Высоко держа знамя журналиста, считаю своим долгом везде быть на страже. А потому, по обязанностям службы, бываю и в оперетке.
- Г. Вандербильтъ.** Гм... А скажите, пожалуйста, вы как будто вчера выше ростом были?
- Г. Журналист.** Весьма может быть-с.
- Г. Вандербильтъ.** Право! А сегодня как будто ниже? А?
- Г. Журналист.** Смеею ли я пред такой особой быть высокого роста?
- Г. Вандербильтъ.** Это хорошо, что вы почтительный. Это мне в вас нравится.
- Г. Журналист.** Могу сказать, единственный здесь себя уважающий журналист, могущий почтить личность. А то вот здесь есть еще журналист Дорошевич. Не изволите знать?
- Г. Вандербильтъ.** Нет, такого не знаю.
- Г. Журналист.** Весьма предосудительно пишет. Удивляюсь даже, как его до сих пор в каторжные работы не сошлют. Я уже писал, и даже неоднократно, в очень длинных и обстоятельных статьях. Прямо, не хочет слушать.
- Г. Вандербильтъ.** Скажите, какой! Что ж это он? Вы пишете, а он...
- Г. Журналист.** Преступная натура такая-с. Неисправим, и поведения притом самого предосудительного: в карты играет, по ресторанам ходит, дамское общество любит. И при том нехорошей наружности, близорук и на одну ногу хромает.

Г. Вандербильт. Скажите! А я и не знал, что Дорошевич дамское общество любит.

Г. Журналист. Как же-с! В оперетке каждый день. Да не прикажете ли, я вам все... Я на бумаге, листах на 20 изложу?

Г. Вандербильт. Хорошо, хоть на бумаге. Это, знаете, люблю этак прочитывать что-нибудь забавное.

Г. Журналист. Не смею больше обременять своим присутствием. Не будет ли каких распоряжений по литературной части?

Г. Вандербильт (с удивлением). По литературной? Нет, ничего. (*Г. Журналист еще раз кланяется и уходит.*) Очень умный господин!

Явление III.

Г. Вандербильт (*кричит человеку*). Никого больше не принимать! Довольно! (*Под дверь просовывается бумага.*) Что это еще? «Его высокоблагородному светлости господину финансову от Супруненко на бывшего товарища Гордеева прошение»... Даже и титула такого нет! Что они все ко мне? (*Под дверь одна за другой подсовываются десятки записок.*) Что это? Просьба о займе? Еще просьба о займе? Еще? Еще? (*Кричит неистовым голосом.*) Собирать вещи! В этом городе можно сделаться нищим.

Занавес.

Велосипедисты

Письмо к приятелю

Дорогой друг!

Надеюсь, вы не будете особенно пенять на то, что в течение восьми дней я пишу второе письмо.

Но у меня есть на это уважительные причины, мой дорогой друг.

Я не могу удержаться от желания похвалиться одним учреждением, которым недостаточно гордится Одесса.

А между тем именно это учреждение выделяет ее из ряда прочих русских городов, составляет предмет зависти, создает ее славу.

Я говорю о велосипедном треке.

Чем мы можем похвалиться?

Наша торговля падает, особой образованностью Одесса, по врожденной скромности, никогда похвастаться не могла,

даже наши знаменитые мостовые отличаются такой пылью, что мы можем пускать ими пыль в глаза только в прямом, а отнюдь не в переносном смысле.

Костюмъ для бициклетки.

Тогда как трек... У нас первый в России асфальтовый трек!
Вы, москвич, не чувствуете зависти при этих словах:
– Асфальтовый трек!
Не чувствуете?
У вас благородное сердце. Вам никогда не будет знакомо чувство зависти!

Мы бьем всероссийские рекорды!
Наша молодежь... о, говорите что хотите про нашу молодежь! Ставьте ей в вину, что за целый год в университет было подано всего 92 прошения о поступлении. Говорите, что она не хочет учиться. Но зато она бегаёт, как ни одна молодежь в мире!

Поразительно, головокрумно, головокружительно.
И это не пустая забава.
Если бы вы видели эти счастливые лица отцов, матерей, братьев, сестер, заседающих по воскресеньям в трибунах для публики. Если бы вы видели, какую гордостью, каким восторгом горят их глаза, когда их близкий делает «финиш», которому позавидовала бы любая лошадь.

А эти мамы! Какую тревогой полны их лица, когда дочки летят с развевающимися платьями и обгоняют друг друга, рискуя ежеминутно упасть и разбить себе личико, – этот главный шанс в жизни.

Тревога автора, произведение которого выставляется на суд публики!

О, вы не сказали бы, что это пустая забава.
Что эта молодежь, у которой от постоянного фанатического кружения по треку лица принимают, наконец, такое же высокобесмысленное выражение, как у вертящихся дервишей, – что она даром тратит свои силы.

Что она напрасно ради трека бросает учиться, читать, заниматься чем бы то ни было, возвышающим ум!

– Асфальтовый трек – это будущее человечества!
Так пророческим тоном изрек мне Иван Иванович.
Мне жаль, что вы не знакомы с этим почтенным человеком.
Мы с ним знакомы давно, но не видались лет пятнадцать.
Я встретил его в прошлое воскресенье на треке, после гонок, и сразу решил, что Иван Иванович выиграл 200 тысяч.

Он сжал меня в объятиях и сразу смочил мою жилетку слезами восторга.

Он шептал голосом женщины, задыхающейся от страсти:
– О, как я счастлив... Как я счастлив... Как хорошо!

В таких случаях хорошо класть женщинам на голову мокрую тряпку.

То же сделал и я, и только тогда Иван Иванович немного пришел в себя.

– Да что случилось? Что случилось?

– Пойми, что мой сын только что побил...

Я встревожился:
– Как – побил? Кого побил? За что побил? И чему же тут радоваться?

– Рекорд побил! Все-рос-сий-ский рекорд!!! Но этого мало! Мой средний сын признан лидером! Каково это? Иметь лидера сына! А ты видел мою дочь?

– Не видал.
– Настоящая лошадь!
– Я был поражен.
Иван Иванович расхохотался.

– А? Что? Не ожидал? Не думал, чтобы у Ивана Ивановича была дочь – настоящая лошадь? «Где ему!» – думал? Ан вот и есть! Могу сказать – есть!

Иван Иванович даже закрыл глаза от восторга.
– Как-кие статьи!!! Фу ты, Боже мой, какие у нее статьи!!!
– Иван Иванович, да ты про кого?
– Про дочь.

– Да что же ты, брат, про нее как-то этак... странно выражаешься?

– А как же мне про нее выразаться, если она беговая?! Нет, ты посмотри, как она бежит! Как-кие рекорды! Как старт принимает! Финиш, финиш какой у нее!

Иван Иванович захлебнулся от восторга.

На его глазах выступили слезы.

– Веришь ли, иной раз смотришь на нее на бегах – и даже сомнение берет. «Господи Боже мой, – думаешь, – неужели это я? Право, не будь я так уверен в своей Агафье Алексеевне...»

– Иван Иванович!!!

– Что ж, брат! От полноты чувств говорю!

– Лестно, брат, быть производителем такого потомства! Помнишь, как в истории какой-то грек, когда его дети выиграли на Олимпийских играх. Так ему другой грек сказал: «Умри, – говорит, – потому что больше, – говорит, – тебе ничего, – говорит, – не остается, – говорит». Лестно! Ты только пойми, трое единокровных в один день три приза взяли. Каково? Послушай, будь греком...

– Что-о!

– Будь другом, хотел я сказать. Пойдем ко мне на завод.

– На какой завод?

– Ну, ко мне домой, что ли! Называй, как хочешь...

– Иван Иванович, да что это ты, брат, так престранно выражаешься!

– От полноты чувств, от полноты чувств, милый, выражаюсь. У тебя беговые лошади когда-нибудь были?

– Нет.

– Ну, так тебе никогда моих родительских чувств не понять. Идем, что ли?

– Да мы лучше на извозчике.

– Никогда!

Иван Иванович даже отпрыгнул в каком-то ужасе.

– Ни-ког-да!!! Ноги развивать должен. Экий ты, брат, какой странный. Отец рысистых детей – и вдруг на извозчике! Для будущих детей должен ноги развивать. Ведь это по наследственности нужно. Какие же они будут велосипедисты?

Иван Иванович вздохнул.

– Эх, брат! Все для детей, все для потомства! Наследственности, правда, движимой или недвижимой, я им не оставлю.

Но ноги у меня здоровые. И у них по наследственности такие же должны быть.

– А много их у тебя?

– Чего? Ног-то? К сожалению, только две.

– Да не ног, а детей.

– Ах, детей! Детей семеро. Пятерых на призы пускаю. Один еще выдерживается. А один совсем маленький – двухлеток. Но подает надежды. О, брат! В детях я счастлив. Как бегают!

– А учатся как?

– Всех выгнали.

Иван Иванович сказал это даже с какою-то радостью.

– Да иначе ведь их и до призов бы не допустили. Вообрази, воспитанникам учебных заведений участие в гонках воспрещено. Нет, косность-то, косность какова?!

– Н-да... оно, конечно, косность... Но только, прости, Иван Иванович, я твоей системы никак не понимаю... Престранная, братец, система воспитания.

– Со-вре-мен-ная. Больше чем современная. Прогрессивная. Н-да, брат, пора об улучшении рода человеческого подумать. Что мы делаем? Куда мы идем? Чем детей пичкаем? Мой дедушка шестипудовой гирей крестился, а я еле-еле два пуда с половиной поднимаю!

– Может быть, и вырождение.

– Наверное тебе говорю, что вырождение. А все почему? Потому что все только о голове заботимся. Латынью ее, греческим, алгебрами, геометриями разными пичкаем. Все для головы, и ничего для ног! Я, брат, в книжке одной читал. Ты знаешь ли, что органы, которые не упражняются, постепенно исчезают. Отчего, например, мизинец такой маленький? Ты думал когда-нибудь?

– О мизинце, признаться, не думал.

– А я думал. Оттого он и маленький, что им ничего не делают. Я, брат, с тех пор, как об этом узнал, все мизинцем делаю. Пуговку электрическую нажать – мизинцем. Пищу принимаю – мизинцем. Пишу даже мизинцем. Смотри-ка, какой он у меня!

– Хорошо.

– То-то и оно-то. Вот так и о ногах думать нужно. Ведь если, брат, на ноги внимания не обращать, – ведь они тоже на манер ми-

ТРЕБУЙТЕ ПАСХАЛЬНЫЯ ВИНА Т-во Винодѣлія „Южная Россія“

во всѣхъ лучшихъ магазинахъ и ресторанахъ.

Д-ръ Финкельштейнъ
Спец. бол. желудка и кишечк.
Хорошевская № 19, уг. Торговой.
Пріемъ 1—3.

Д-ръ І. В. Ставскій
Внутрен. болѣзни взрослыхъ (спец. сердца и легкии). Болѣзни дѣтскаго возраста — УСПЕНСКАЯ уд. 78. Телеф. № 47-16. Пріемъ отъ 5 до 7 ч. в. ежедневно

Д-ръ Л. Я. ГЕРМАНЪ
Невская 72 Тел. 49-34. Пр. 8—9
ут. 3—5 в. НЕРВН. болѣзни и внутр. Спец.
Гемат.: эм., полов. бе. с. д., золотуха
астма. бол. сустав., судороги, запоры.

ЛѢЧЕБНИЦА
по спец. венерич. бол., полов. разстр., кож-
ныя болѣзни, лѣчение электричествомъ
Д-ра З. И. ГЕРМАНА
Пріемъ отъ 8—10 ч. утра и 12—3 ч. д-
Плата 40 к.
Преображенская № 92. Телеф. №

Д-ръ Л. С. ГИНЗБУРГЪ
Сифилисъ лѣчение 606 трипперъ,
мочеполовыя и кожныя.
Полов. разстр. Лѣч. электр. лучами Рент-
гена. Соборная площ. д. Вернетта № 4 Прі-
емъ 9—12 ч. и 5—8 Воскр. 9—1 Женск. 4—5

Д-ръ ПЕРКЕЛЬ
Херсонск. 28 тел. 29-60 Пріемъ: 12—2 и 4—7
Воскр. 9—1 мочеполов., сифилисъ,
ножи, лѣч. хрон. триппера ионизацией
Насѣдовъ ирени на сифилисъ
ЛѢЧЕНИЕ 606 (внутривенно.)

ЛѢЧЕБНИЦА
Д-ра И. Н. ВАЙНШТЕЙНА
Преображенская, 17. Венерическія болѣзни
Пріемъ отъ 6—8 ч. утра и отъ 6—9 ч. веч.
Частн. пріемъ отъ 1—3 час. дня. Плата 30
коп. Анализъ мочи.

Д-ръ А. И. ФУТРАНЪ
Ш.-Ариутская—117. Телеф. 52-99
Внутренній хирургич., болѣзни ко-
стей и суставовъ, ревмат. Болѣз.
почекъ, мочепоп., Пр. 8-10 и 2-7 и 12-1
плата за совѣтъ 30 к. 4474-3-1

Д-ръ ФИНГЕРГУТЪ
Насѣдовская д. № 6 Внутренній
и дѣтскія болѣзни. Пріемъ: 8—11 утра и
6—7 веч. Бѣднѣхъ утромъ бесплатно.

Д-ръ А. Фриденштейнъ
Торговая, 12 уг. Софійской
МОЧЕПОЛ. ВЕНЕР. СИФ. и КОЖН. бол.
2—6 ч. з. и 1—3, 5—8, веч. отъ 4—5 жен-
щины. Воскрес. 10—2 час. И. с. лѣч. кров.
на спец. Лѣчение 606 (ВНУТРИВЕННО)

Д-ръ Ф. ВИШНЕПОЛЬСКІЙ
Ш.-Ариутская № 66. Внутрен. нервн. бол.
грудн., (легк. и сердц.) желуд.-кишеч. ве-
растен., ревматизм, астма, малокров., Лѣч.
васкр.; отъ 10—1 и 4—6 Плат. 30 к. 12—1 дни

Д-ръ Гельфенштейнъ
Преображенск. д. Блюмберга 64 Тел. 53-81
Специал. Сифилисъ (606) венер., моче-
поч. (бол. кан. пузырь и почекъ исл. лѣч.
электр.) ножи и полов. разстр. Пр.
10—1 час. и 5—7 веч. Искл. дамъ 4—5 час

Д-ръ КИРБИСЪ
Торговая, 16, уг. Херсон., д. Перкеля.
Тел. 21-18, отъ 10—12 и 5—7. Внутр. и
нервн. бол. ЭЛЕКТРОЛѢЧ. каб. (Фіол.
свѣт., вибр. массаж.). Леч.: неврол.,
судорог., парал., атоніи кишек. недерж.
мочи, полов. слаб. Внутр. (навязч. сост.)

Д-ръ О. Рубинштейнъ
Кѣмнинская 66 (близъ Преображенск.).
А. С. Ч. П. О. Л., СИФИЛ. венер. и КОЖН. бол.
Пріемъ: 8—9 ут. 12—2 и 5—7, понед. 4—5
воскр. 10—2. ЛѢЧЕН. 606 внутривен. влив.

Д-ръ К. Л. Шикъ
Мочепол. венер. триппер. сифилисъ кожи.
пол. разстр. и лѣч. „606“ (внутривенно).
Ришельевская, 25, уг. Скобелевск. (бывш.
Еврейск.) Пріемъ отъ 7—9 утр., 12—2 дня
6—9 час. веч. женщинъ 5—6. 3830—10—1

АКУШЕРКА - МАССАЖИСТКА
ОКОМАНЪ 4943—2-2
Совѣтъ и помощь. Пріемъ отъ 10 до 4 ч.
Кеглярная 3, кв. 20, уг. Успенской.

АКУШЕРКА ХАНИНЪ
Совѣтъ и помощь. Иногородн. письменно
Канатная, 54, тел. 53-11 1621—15—

Н У Ж Н Ы
ПРОДАВЩИЦА и БУФЕТЧИЦА
въ ресторанъ Пассажа 5146—3—1

КУРИТЕ ПАПИРОСЫ
ЯНТАРЬ
20 ш. 5 к. ТѢБѢ ШАНШАЛЬ
С ПЕТЕРБУРГА

зинца, вырождаются. Что, я тебя спрашиваю, будет с человечеством, если у него ног не будет? Что, я желал бы знать, станет человек делать со своей алгеброй, если у него вместо ног будут два мизинца расти? С голоду перемерут! Алгебру знает — за хлебом в лавочку съходить не может. На двух мизинцах-то далеко не уйдешь!

Иван Иванович сделал наставительное лицо.

— Вот и обязанность наша, родителей, заботиться о том, чтобы дать человечеству здоровые экземпляры. Странное дело, об улучшении лошадиной, овечьей, свиной даже породы заботятся, а о человечьей не думают. Mens, брат, sana in corpore sano*. Это римляне еще раньше нас смекнули! Я, брат, для улучшения породы хлопоту. Вот увидишь. Какие дети! Рысаки, а не дети. Родителем быть лестно! «Чи дети берут?» Ивана Ивановича. И после смерти в газетах напишут: «Скончался известный производитель».

— Иван Иванович, да что ты, брат?

— Ничего не брат, а просто лестно!

Иван Иванович смахнул слезу:

— Восьмого, между нами говоря, жду. Стараюсь на пользу отечества. А вот и завод.

Агафья Алексеевна встретила нас в передней. У нее был счастливый вид издателя, издания которого имеют успех. Ее внешний вид ясно говорил, что и дальнейшие ожидания Ивана Ивановича не напрасны.

— Какова? — подмигнул мне Иван Иванович, представив своей супруге, и, не ожидая ответа, обратился к ней с деловым видом:

— Сеньке корм задавали?

— Сейчас кормится! — так же деловито отвечала Агафья Алексеевна.

— А чем?

— Мясо рубленое сырое, яйца сырые.

— Без хлеба?

— Ну, разумеется.

— То-то. Хлеб, — обратился ко мне Иван Иванович, — я упразднил.

От него только жира прибавляется, а настоящей сухости в мускуле нет. Сенька — это у меня тринадцатилеток. Тренируется. На тот год пускать буду. Большие надежды подает, шельмец! Третьего дня на

* Пойми, брат, в здоровом теле здоровый дух.

базаре торговку одну ни за что ни про что кулаком стукнул. Так бежать припустился – любо-дорого было посмотреть. Большой молодец, одним словом! Ну, теперь пойдем в гостиную.

В гостиной шел оживленный разговор: слышалось даже нечто вроде лошадиного ржания. Молодежь раньше нас приехала домой на велосипедах и теперь вела болтовню о гонках, рекордах, победах и финишах.

Кроме детей Ивана Ивановича тут же сидел весьма достопримечательного вида молодой человек. Гладко выстриженный, в одной фуфайке и панталонах, как рисуются на картинках у неаполитанских рыболовов. На совершенно голых руках и ногах красовались очень почтенные синяки, ссадины и кровоподтеки. Он говорил голосом, в котором было нечто лошадиное, и сидел, положив одну ногу на стол. Когда мы вошли, он говорил дочери Ивана Ивановича:

– А я вас побью! Непременно побью! Хотите, завтра попробуем?

– Жених! – шепнул мне восхищенно Иван Иванович. – Каков? Чэмпиион!

Я не успел похвалить, как «чэмпиион» с такой силой хватил свободной ногой вертевшуюся около собачонку хозяйки, что та с визгом раз шесть перевернулась в воздухе, а Агафья Алексеевна от испуга вскрикнула, побледнела и упала на пол.

«Чэмпиион» расхохотался:

– Как-ково?!

Иван Иванович даже захлебнулся от восхищенья:

– Сила-то, сила какова в ногах! А? Шесть раз собаку перекувырнуть? Позволь познакомить: жених моей дочери из хорошего велосипедного семейства. От Петра Петровича и Луизы Адольфовны. Мать бежала.

Я поспешил выразить соболезнование молодому человеку, от которого бежала мать.

Но Иван Иванович расхохотался:

– Не так понял! Мать на гонках бегала. Выигрывала. Хорошие аттестаты имеет. Петр Петрович на ней за границей женился. Там это уже давно принято.

– Ну, как здоровье вашей матушки?

– Без восемнадцати приходит!

Иван Иванович даже всплеснул руками:

– Каково? Такого сына имеет, а еще без восемнадцати приходит! Ноги-то, ноги-то каковы! Впрочем, оно и неудивительно. Ее отец, а его дедушка, где-то там в Германии почтальоном был. Вообще богатая наследственность! Ты, братец, только подумай, какова порода пойдет от такого-то чэмпииона и моей дочери.

Дочка Ивана Ивановича заржала от удовольствия и вскачь убежала из комнаты.

Иван Иванович посмотрел ей вслед любящим взором:

– Совсем лошадь! А, что ты скажешь!

– Совсем.

– И даже когда смеется, у нее есть что-то лошадиное?

– Есть!

– Ну, слава Богу. А я все думал, что мне только так кажется. Родительскому сердцу верить, брат, трудно. А это вот мой сын.

Молодой человек точно в таком же костюме, как и чэмпиион-жених, крепко потряс мою руку:

– Бегаете?

– Ни от кого не бегаю.

– А насчет паука как?

– Пауков боюсь.

– И на двухколесном ничего не делаете?

– И на двухколесном ничего не делаю.

– Ну хоть, по крайней мере, на безопасном ездите?

Бегемоть для улицы и для катания на коньках.

– И на безопасном не ежжу.
 Молодой человек с удивлением на меня посмотрел.
 – Что же вы в таком случае делаете?
 – Я? Пишу.
 – А! Вы, стало быть, руками работаете, – ну, а я ногами!
 – Нет, ты посмотри, жетонов-то, жетонов у него сколько! Идет, так на ходу бренчит! Каково это слушать родительскому сердцу! Ну-ка, походи, походи, Миша! А? Каково? Музыка-то, музыка какая! Лестно. Горжусь. Ну, а теперь пойдём, брат, я тебе покажу мою главную гордость. Каков?
 В детской, в кровати, лежал здоровый карапуз и дрыгал ножками.
 – Каков? Какова шельма?! Ногами-то, ногами как дрыгает?
 – Ногами дрыгает хорошо.
 – «Хорошо»! Многообещающе, а не хорошо. Если Бог даст, его, как и братьев, рано из гимназии выгонят, – с двадцати лет семейство прославит. Большие надежды я на него возлагаю.
 И Иван Иванович посмотрел на меня так радостно, так счастливо, что я почувствовал умиление в душе... и прослезился.
 Дорогой друг, я должен извиниться перед вами.
 Я рассказал вам сон.
 Таких отцов-спортсменов, как Иван Иванович, к счастью или к несчастью, – но в Одессе пока еще не существует. Я рассказал вам только сон, который навеяли на меня велосипедные гонки.
 Мне приснился идеальный велосипедный отец.
 Но, мой друг, в моем сне нет ничего невозможного. Он когда-нибудь сбудется.
 В этом меня убеждает все более и более развивающаяся среди молодежи страсть к велосипедничеству и та гордость, которая написана на лицах отцов и матерей при виде велосипедных успехов своих детей.
 Право, когда я получал пять изо всех предметов, – моя мать гордилась меньше!
 – Сын чемпион!
 Этим многие родители так гордятся, что я изо всех благ в мире желаю вам наибольшего:
 иметь сына велосипедиста.

Призовая горячка

Иван Иванович – милейший человек в мире.
 Но он пускает на призы свояченицу.
 Ввиду этого с ним нет возможности разговаривать.
 О таком странном для каждого человека занятии я узнал неделю тому назад.
 Мы сели ужинать.
 Иван Иванович был задумчив.
 Я заказал телячью котлетку.
 – И мне телячью котлетку! – задумчиво произнес Иван Иванович.
 – С чем прикажете?
 – Гм... с чем?..
 Иван Иванович пристально, хоть и рассеянно, посмотрел на человека:
 – С чем?.. Гм... А что если припустить слегка отделочку из аграмантика...
 – Как-с?
 – Из аграмантика. Не слышишь? Нет, стой. Лучше из горностайчика. Горностай нынче в большой моде! Отделаешь, братец, горностаем, и чтоб с хвостиками. Непременно с хвостиками!
 У лакея лицо начало принимать испуганное выражение.
 – Хвостики, понимаешь ты, должны идти так, чтоб...
 – Иван Иванович!
 – Так должны идти...
 – Иван Иванович! Милый! Что ты? Что с тобой? Какая котлета с хвостиками?
 Иван Иванович в недоумении посмотрел на меня.
 – А? Что? Какая котлета? Какой котлете? Об какой котлете?
 – Да ведь ты котлету заказываешь! И вдруг хвостики...

– Коклетку-с изволили заказывать!

Иван Иванович даже вскочил с места.

– Какую «коклетку-с»? Никакой «коклетки-с». Я о деле, а он о глупостях. Пошел прочь! Никакой «коклетки» мне не нужно. Тьфу! Только сбили. Я о горностае, а он о «коклетках»!..

– Да за что ж ты на него сердисься? Ведь ты сам же заказал.

– Ах, мало ли что человек скажет, ежели он не в себе!

Мы посидели молча.

– Иван Иванович, милый, да что с тобой?

Он только вздохнул.

– Влюблен, может быть?

– Умнее ничего не выдумал?

– В карты проигрался? Желудок...

– Отстань. Не пью, не ем, в винт даже не играю... Свояченица

подлая из головы не идет!

– Какая свояченица? Почему подлая? Отчего из головы не идет?

– А, ничего ты не знаешь! Свояченицу на призы пускаю.

– Милый, милый Иван Иванович! Да что с тобой, наконец? Ты бы того... с доктором... Что ты говоришь? То телячью котлетку с горностаевыми хвостиками заказываешь, то вдруг свояченицу на призы!

– Ну, ну? Что ж тут такого? Ну, свояченица на призы. Ну, что тут такого необыкновенного? Чего ты глаза выпучил?

– Да как же так? Бега, что ли, своячениц устраиваются? Лошадь она у тебя, что ли, твоя свояченица?

– Очень тебе благодарен! Вижу, что друг.

Иван Иванович расхохотался желчным смехом.

– Сразу видно! Свояченицу с лошадью сравнил! Спасибо! Еще скажешь кому-нибудь, что моя свояченица на лошадь похожа. Жди тогда приза! Что же, говори, говори, злаязычничай, сплетничай, труби на весь город: «вот, мол, у Ивана Ивановича свояченица на лошадь похожа, а еще на призы идет». Труби, – конечно, не дадут. На балу, в costume, и вдруг на лошадь похожа! Конечно, где ж тут о призах думать!

– Так ты вот про какие призы?!

– «Вот про какие!» Газет, что ли, не читаешь? Тут человек вторую неделю бьется, костюм для свояченицы выдумывает, а он вдруг ее с лошадью сравнивает. Не ожидал!

– Да я...

– Да уж довольно! Знаем мы вас, друзей. Петр Петрович, например. Сколько лет друзьями считались. Хлеб-соль водили, в винт играли. И вдруг! Мог ли я ждать такой гадости!

– Что ж такое?

– Бархатное платье жене шьет. Не низость?

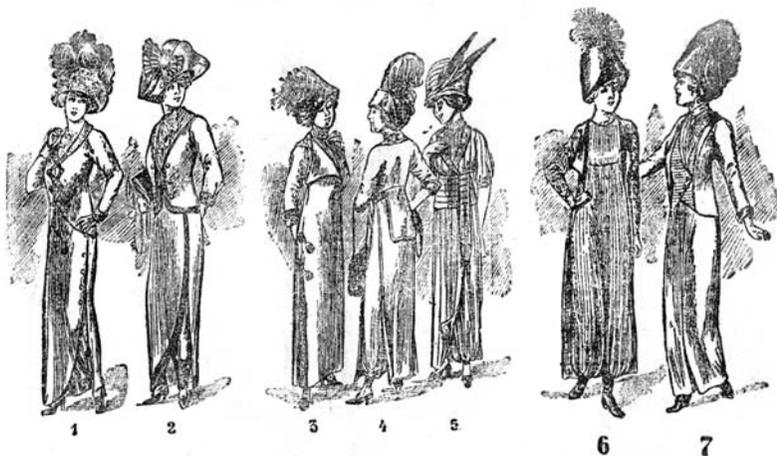
– Да что ж тут такого?

– «Что такого»? А зачем оно птицами заткано? У моей жены птицами заткано, так чтобы и у его тоже было. Не гадость? Где ж тут, как тут приз взять, ежели все дамы с птицами придут? Ведь это птичник какой-то, а не бал будет. Соперничай, – кто говорит, – но соперничай честно, а не делай гадостей! Нет, брат, шалишь!

При маломъ задаткѣ!!!
На выплатѣ отъ 1 руб. въ недѣлю.
== МОЖНО ПРИОБРѢСТЬ ==
 готовое мужское, дамское и дѣтское платье
 ТОЛЬКО въ ново-открытомъ магазинѣ
П. Рафаила и С. Кагана,
Полицейская 35, № 3 МАГАЗИНЪ № 3.
 Прошу запомнить магазинъ № 3.

Магазинъ № 3

Не ошибайтесь адресомъ.

НОВЫЯ МОДЫ ЮБОКЪ-ШАРАВАРЬ

Я этого так не оставлю! Пусть, пусть покажется на балу в платье с птицами! Полицию позову, протокол составлю...

– Иван Иванович!

– Я давно Иван Иванович! Я, брат, знаю. Я с адвокатом советовался. Говорит – притянуть можно! Даже пятьдесят рублей вперед взял. Значит, уж верно...

– Иван Иванович!..

– Я вам покажу, какой я Иван Иванович! Под суд, в тюрьму, на поселение! Адвокат говорит, что ежели по закону...

– Да в каком же таком законе о фасонах дамских платьев написано? Ну, посуди ты, возможно ли это?

– Значит, возможно. В законе про все есть. Не беспокойся! Адвокат говорит, что это наравне с похищением изобретения. «Плагиат», что ли, черт там его знает, как это называется, но только вообще тюрьма. Руки не подам при встрече! В физиономию плюну! Векселя скуплю!

– Иван Иванович!

– На дуэль вызову! В живот целить буду. Пусть умрет, – перед смертью мучается. Я, брат, человек по этой части опытный! Я брестер. У меня двое знакомых были, которых чуть-чуть на дуэль

не вызвал. Я человек отчаянный, мне жизнь не дорога, я детей у него зарезать могу!..

– Иван Иванович!

– Ты посмотри, какой у меня склад головы. Каторжник, совсем каторжник! Сильное развитие затылочных костей. Преобладание низких инстинктов, кровожадность. Мне все равно на каторге быть, – но уж и его жене в платье с птицами на балу не бывать.

Иван Иванович был страшен.

Глаза налились кровью. Лоб вспотел. Мокрые волосы прилипли к вискам.

В общем, он напоминал мокрого воробья в состоянии крайнего бешенства.

– Убью!

– Иван Иванович, да выпей воды.

Он залпом выпил стакан, стуча зубами о края.

– Спасибо! Еще минута – со мной случился бы удар. Спасибо. Дай я тебя поцелую. Фу-у! Ты не поверишь, брат, как трудно призовые костюмы придумывать...

– Да зачем тебе?

– Как зачем? Все делают. В газетах пишут. Слава, черт побери! Да ты читал ли, призы-то какие? Веер, которым только слонику во время тропической жары обмахивать; гребень в 600 рублей, сервизы, картины! И вдруг все это зацапать! А? По стенам картины, веера, в волосах гребни, на столах сервизы и по комнатам призовое семейство ходит. А? В газетах читают. Кто взял веер? Жена Ивана Ивановича. Кто взял сервиз? Свояченица Ивана Ивановича. Кто картины взял? Дочь Ивана Ивановича. Слава-то, слава какая! Отец призового семейства! Первый человек во всем городе! Популярность! Известность! В городские головы могут выбрать!

– Так неужели же ты всех на призы готовишь?

– Всех. Мамашу даже думаю, старушку, пустить!

– Как мамашу?

– Ведьмой одену. По возрасту – как раз, к тому же, знаешь, у нее в наружности есть что-то такое. Ты присмотришь к ней в профиль. Похожа моя мамаша на ведьму?

– Что ты, Иван Иванович, что ты?

– Ну, вот, я знаю, ты всегда рад только неприятное мне что-нибудь сказать. Только, брат, меня не проведешь. Я ее художнику одному показывал. Говорит: «ведьма». Одну в лохмотья и пушу.

– Это родную-то мать?

– А la guerre, братец, comme a la guerre!* Тут нечего рассуждать. Зато слава-то какая! Мамаша-старушка – и та призы берет. Популярность – это, брат, все. Мало ли чего для популярности не делал. Когда в гласные выбирали, к кому, к кому только не ездил. Пред членами управы почтенье свидетельствовал! А в уполномоченные кредитки! Молдаванским домовладельцам по грязи, с опасностью для жизни визиты делал. К себе в дом звал, вечеринки для них устраивал. У двоих детей крестил, семи молдаванкам в любви объяснялся, чтоб только на мужей воздействовали. Ну, достиг! А что толку? Гласный! Уполномоченный! Мало ли гласных, мало ли уполномоченных? А тут один на весь город. Отец призового семейства, сын призовой матери! В газетах... в клубах что говорить будут!.. в обществе!.. Дай я тебя от избытка чувств поцелую!

Иван Иванович поцеловал меня даже почему-то взасос.

Вероятно, это ему доставляет удовольствие. Мне – никакого.

– Вот бы только свояченице костюм выдумать! Ах, ты не поверишь, как трудно костюмы выдумывать. Я больше всего мифологические. Откуда их, остроумные-то выдумашь!

– Посоветовался бы.

– Пробовал. Хроникера одного на вечер к себе приглашал.

– Ну, что?

– Съел всю икру и говорит: «Это мы только в газетах народ веселый, а так мы премрачный народ, пессимисты, – оттого и смеемся надо всем, что пессимисты». Пессимист, а икру ест! Любому оптимисту впору. Черт знает, что за народ! Молодых людей пробовал спрашивать. Да нынче что за молодые люди. Как остряты! Словно он в ресторанном кабинете сидит. «Какой, говорит, костюм поостроумнее? Да по-моему, чем на хорошенькой женщине меньше костюма, тем остроумнее». Выгнал бы.

– Ну, так что же?

* На войне как на войне.

– Нельзя. Знакомых, бестия, много имеет. А ведь вторые-то призы по голосованию. Возьмет, соберет у знакомых билетики, да другой и отдаст. Ну, и терпишь.

Иван Иванович глубоко вздохнул.

– Тяжело, брат, свояченицу к призу выдерживать!

После этого знаменательного разговора я видел Ивана Ивановича каждый день.

И каждый раз с каким-нибудь необыкновенным сюрпризом.

В первый раз он прилетел ко мне утром.

– Вообрази, а ведь ты был вчера совершенно прав, когда говорил, что моя свояченица похожа на лошадь!

– Да никогда и не думал...

– Ну, все равно! Но только лошадь! Совершенная лошадь! Я вчера, как вернулся, нарочно присматривался: есть что-то лошадиное. Я ее сначала думал Минервой одеть. Но теперь передумал. Пусть будет лошадью.

– Что-о?

– Великолепный костюм. Волосы, понимаешь, распущены, как грива, на затылке эгрет, как у лошадей в цирке. Платье в обтяжку, плюш такого гнедого цвета, сзади трэн из искусственных волос, как хвост. Черные перчатки, черные ботинки. А? Совсем лошадь!

– Иван Иванович!

КРАСОТА
есть идеаль
ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА...
Сохранить или восстановить красоту можно, если для этого употребить лучшую косметику Пармской лаборатории. **BONNEUR des DAMES**.
Требуется лишь маленькую сумму. **LA REINE de PAVANESSE** (Царская помада).
Рисовую пудру | **Насыщенный розовый порошок** | **Р. Г. С. О.** | **МОН ПЛАНК** (для утолщения).
МЫЛА марболовое, дегтярное, сульфуровое, душистые, мыла и проч.
Генеральный представитель для всей России **Х. Л. ПОДНАМИНЕРЪ, ОДЕССА**
Успенский пер., д. № 6. — Телефон 6506.

КУРСЫ ШЛЯПЪ М-ме ПОЛТАВСКОЙ.
Прожит. прилеж. ученица. Курсы 2-х м. По оконч. выдается аттестат, диплом. Училище. Одесса, Рыбальского, № 11-12.
ТРЕБУЮТСЯ: Десятиклассники и Молодые Женщины.

ОДНА КОРОБКА НАСТОЯЩИХЪ
Pastilles VALDA
(Лепешекъ Вальда)
правильно и во время практическихъ **ПРОДОЛЖИТЬ**
ваше ГОЛОСЪ, ваши БРОНХИ, ваши ЛЕГКИЯ **ВЪСПОМНИТЬ**
Вашъ насморкъ, гриппъ, инфлуэнцу, простуду, бронхитъ, астму, ангина, плевмоню и т. п.
ВО ГЛАВНѢЙШЕ ОБЪАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всякъ аптекарск. и аптекарскихъ магазинахъ **НЕПРОМѢННО**
НАСТОЯЩАЯ ЛЕПЕШКА ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA).
Въ коробкѣ съ красной бандеролью, снабженна въспомогат. **VALDA**
H. LAMARNE
PARIS.

Дамские туалеты.

– Оригинально! Думаю даже так и жену одеть. У них фигуры похожи. Пусть ходят! «Пара гнедых». Авось, хоть вдвоем гребень заработают.

– Иван Иванович!!!

– Нехорошо, думаешь?

– Ничего хорошего.

– Ну, ладно, что-нибудь другое придумаю! Главное, никак, черт возьми, не узнаешь, что другие себе шьют. В секрете держат. Вот канальство!

В другой раз Иван Иванович влетел озабоченный.

– Вообрази, дома чуть-чуть несчастья не случилось. Тетка было с голоду померла.

– Как с голоду?

– Кормить позабыли. Два дня пищи не давали.

– Как кормить забыли?

– Я разве тебе не говорил?

Она ведь у меня в чулане сидит. Как же! Вторую неделю. Вообрази, этакая проклятая женщина! Пошла в гости и принялась разбалтывать, какие у нас костюмы делают. К счастью, вовремя узнал. Костюмы перешли, а тетку в чулан. Чтоб не разбалтывала. Там и сидит. Сначала кричала, теперь ничего, стихла, только прокурором страшит. Ну, да мне после бала хоть двадцать прокуроров – и то не страшно. Ведь войдет же и прокурор в мое положение. Тем более что мы ее кормим. Это только вот последние два

дня в пище задержка вышла – свояченициным костюмом были заняты. Не до того было, ну, и забыли. А то каждый день кормим. Мы ведь не истязать, а только предохранительные меры, чтоб не болтала.

В следующий раз Иван Иванович влетел весь сияющий.

– Поздравь!

– Что случилось?

– Самое позднее послезавтра половину костюмов знать буду!

– Каким образом?

– Дочь младшую к портнихе в ученье отдал. По подложному паспорту, чтоб не знали, что это из нашего семейства.

– Ваня!!!

– A la guerre, брат, comme a la guerre. Оно, конечно, немножко против уложения о наказаниях, – зато все чужие секреты знать буду. Подсмотрит, узнает и скажет.

В четвертый раз Иван Иванович был огорчен.

– Сон, брат, видел.

Шляпа на сезон 1898 г.

- Какой?
- Пророческий.
- Да что ты?
- Ей-богу. Является мне покойница бабушка и говорит: «Иван Иванович, внук мой любезный, хочешь, чтоб твоя свояченица первый приз получила?» – «Желаю», – говорю. «Внимай мне, – говорит, – одень ее в листики из плюща и больше чтоб ничего не было». Сказала и исчезла. Я даже проснулся. Оно, конечно, заманчиво. Свояченица, надо тебе сказать, в этом костюме была бы весьма того... Я нарочно раз в замочную скважину подсматривал. Бабушка говорит дело. Но ведь это у них там, на том свете, это можно. А у нас, к сожалению, выведут. Только раззадорила меня старушенция. И к чему было являться? Тьфу!

Иван Иванович ушел окончательно расстроенный. Дальше он начал являться ко мне по несколько раз в день с самыми странными просьбами:

- Напиши, брат, будь добр, от моего имени записку тут одной горничной.

- Какой горничной? Какую записку?

- Любовную.

- Иван Иванович, как тебе не стыдно?

- Да ведь для пользы семейства. Понимаешь, Семеновы портниху взяли и дома костюмы шьют. Ну, я их горничную теперь и соблазняю. Надо написать, чтоб на свидание пришла. Я ее обещал в «Альказар» свозить. Может, расскажет про костюмы. Неловко, знаешь, в «Альказар» как-то ехать. Еще танцевать, пожалуй, заставит. Ну, да уж все равно. Напиши.

- Зачем же я-то писать буду?

- Нескладно: записка может хозяевам в руки попасть. Мой почерк знают. Скандал на весь город. А твоего почерка не знают. Напиши, будь добренький!

В другой раз – новая просьба.

- Ты с Карповым знаком?

- Отлично.

- Не намекнешь ли ты ему, что, мол, «свояченица Ивана Ивановича в вас влюблена до безумия». Бредит – мол, будто я тебе

жаловался. Он, дурак, растает, столько билетиков у знакомых наберет – ужас! А?

- Иван Иванович, да разве ж можно...

- Ничего, валяй! Лишь бы лицом в грязь пред другими не ударить! Ему, я знаю, свояченица нравится. Кстати, он говорил как-то, – я слышал, – что-то насчет ее бюста. Так, в холостой компании.

Что, мол, вата и все такое. Так ты его, будь добр, разуверь! Скажи, что в щелочку видел, что ли...

– Иван Иванович!

– Не Иван Иванович, а отец призового семейства!

В последний раз я видел его вчера.

– Целая баталия!

– Что такое?

– Только что сейчас от себя Сидоровых выгнал. Как я их ругал!

Бить даже хотел.

– За что? Ведь вы, кажется, такие приятели?

– Вообрази. У нас по комнатам костюмы разложены, а они вдруг всем семейством. «Мы, – говорит, – к вам запросто!» Ну, тут я не выдержал. «Что? – кричу. – Шпионить, подсматривать, секреты узнавать, костюмы подглядывать?» И пошел, и пошел. Как я их ругал! Не суйся.

– Иван Иванович, что ты делаешь?

– Пустяки. Нет, ты лучше послушай, что я с Петровой сделал.

– Ну?

Иван Иванович весь просиял.

– Такая штука! Прямо гениально! Петровой завтра на балу не будет!

– Почему?

– Вот пойдешь, догадайся! Кухарку, братец, подкупил! 25 рублей дал, чтоб она завтра в какое-нибудь блюдо...

Иван Иванович нагнулся к самому моему уху и прошептал.

– Иван Иванович!!!

– Вот тебе и Иван Иванович! Пусть-ка после этого поедет на бал! Вот тебе и бархатный туалет с птицами!

Он залился счастливым смехом.

Сегодня я не видел Ивана Ивановича.

Я видел только тень Ивана Ивановича.

Бледную тень, которая выходила из модного магазина и, увидев меня, прошептала своими бледными губами:

– Сегодня начинается!

Винт

Когда нет театра, Одесса жалуется на скуку. Когда есть театр, Одесса жалуется на то, что нет хороших артистов. Когда приезжают хорошие артисты, Одесса жалуется на то, что нет денег.

– Нет денег!

И несмотря на это, в Одессе каждый вечер большая блестящая иллюминация.

В каждом окне видны четыре свечки. Много говорящие четыре свечки: «Здесь винтят».

Винтят здесь, винтят там, винтят повсюду и везде.

Эпидемия, свирепствующая по всей России, в Одессе свирепствует с особой силой.

Это определение принадлежит покойному профессору Боткину.

«Изо всех эпидемий, когда-либо свирепствовавших в России, винт – эпидемия самая сильная».

И самая страшная.

Другие народы вырождаются. Мы извинчиваемся.

Еще очень недавно мы были «народом молодым», «народом сильным», «народом многообещающим». Теперь мы – «народ винтер», и только.

Я удивляюсь, почему наши газеты вместо мало кому интересных шахматных задач не заведут «винтового отдела».

«Винт с прикупкой. Сданы каждому такие-то карты. Гг. подписчики благоволят присылать свои ходы открытыми письмами».

Газеты читали бы даже дети!

Подписчики играли бы друг с другом заочно.

Для их удовольствия можно было бы завести даже полемический отдел «переговоров»:

«Подписчик № 15674 подписчику № 16483-му... Надо быть уроденным идиотом для того, чтобы нести пику! Надо быть анафемой! Надо быть черт знает чем! Я не подпишусь больше на эту газету, если вы будете состоять в ней подписчиком, идиот за № 16483-им!»

«Годовой подписчик полугодовому. – Надо быть не полугодовым подписчиком, а полугодовалым младенцем, чтоб не отвечать в бубну, черт вас возьми!»

«Городской подписчик иногороднему. – Удивляюсь, что за охота г. редактору высылать свою уважаемую газету такому дураку, как вы!»

Это доставит преинтересное чтение.

За полемикой будут следить, ею будут интересоваться.

Это объединит читателей вокруг газеты.

Это привлечет массу новых подписчиков.

Про газету будут говорить:

– В ней сдаются самые интересные карты!

Точно так же, как теперь говорят:

– В ней печатаются самые интересные телеграммы, статьи, корреспонденции!

Газетой будут интересоваться во всех сферах общества.

– Что сегодня новенького в газете?

– Сегодня пошли в трефу.

– Ого-го-го! В трефу! Интересно, чем-то завтра ответят. Мавра, разбудить меня в семь, и чтоб газета была. Слышишь? Интересно, чем ответят на трефу!

И весь город завтра встает в семь и жадно хватает газету:

– Чем ответили на трефу!

В кондитерских толкуют об ответном ходе, как теперь об ответной ноте английского кабинета.

У Фанкони почтенный старичок также громогласно возражает:

– Это было большой ошибкой отвечать в бубну. Бубну надо было попридержать.

Точно так же, как он теперь провозглашает:

– Это было большой ошибкой упустить Гладстона. Гладстона следовало бы попридержать у власти!

Но тогда его будут слушать с гораздо большим интересом, точно так же, как читать газеты.

Пусть редакция кроме репортеров, хроникеров и интервьюеров заведут еще и «опытных винтеров».

Это поднимет интерес, увеличит сбыт.

Всей душой любя родную прессу, я с удовольствием дарю ей этот проект перед подпиской.

Пусть мы проиграем в винт нашу прессу!

Мы проиграли уже в эту маленькую, невинную игру наш театр и нашу литературу.

Мы все жалуемся на упадок театра, – но если вы возьмете начало этого упадка, то увидите, что оно удивительно совпадает с началом эпидемии винта.

Добрый старый преферанс мирно уживался рядом с Россини.

Недаром Рубинштейн играл в преферанс.

Пульку в триста можно было успеть сыграть, прослушав до конца «Севильского цирюльника».

Тогда как винт требует, чтоб ему отдавались целиком.

Винт ревнив и требователен.

– Если любишь, так отдайся.

Я знаю десятки одесситов, которые десять раз слушали в Городском театре «Риголетто» и ни разу не слышали «La donna è mobile».

Разрешено Медицинским Департаментом за № 373.

КРЕМЪ ВИСМУТАЛИНЪ

противъ веснушекъ, желтыхъ пятенъ и угрей.

Единственное вѣрное средство!

Веснушки и пятна на лицѣ сходятъ быстро и незаметно, и лицо принимаетъ неузнаваемый и пріятный видъ; благодаря своему мягчительному свойству, предохраняетъ лицо отъ морщинъ. 6413—1

Продается во всѣхъ аптечныхъ складахъ.

Потому, что со второго акта уезжали в клуб «винтить».

Льется чудная каватина. Солидный господин из партера еле заметно подмигивает господину в ложе бельэтажа.

Вы думаете, он говорит ему: «как хорошо»?

Вы ошибаетесь, – он хочет сказать:

– Недурно бы!..

И они понимают друг друга. Оба тихонько встают и на цыпочках уходят из зала.

Перед ним может быть чудная декорация, полный зал, сверкающие декольте, дивные туалеты, – а он во всем этом разглядит только на другом конце зала «подходящего партнера».

Они увидят друг друга, хотя бы даже не были знакомы.

Как-то по наружному виду, сразу и безошибочно, определяют:

– Должно быть, недурной винтер!

Так только велосипедисты сразу узнают друг друга в толпе по глупому виду.

В разгаре сезона обратите внимание на зрительный зал.

В начале второго акта театр начинает пустеть. К началу третьего пустеет наполовину.

Телефон в это время работает отчаянно:

– Передайте Ивану Ивановичу, что его ждут в Английском клубе.

– Попросите Петра Петровича в Русское общество. Не хватает только его.

– Семену Семенычу скажите, чтоб ехал в Коммерческий. Передайте, что все уж на местах.

Капельдинеры бесшумно проскальзывают в партер, в ложи, шепчут на ухо, делают условные знаки.

И Иваны Иванычи, Петры Петровичи, Семены Семенычи один за другим на цыпочках выходят с озабоченными лицами.

– Не свирепствует ли в городе какая-нибудь эпидемия? Не заболели ли у этих господ домашние? Не случились ли у каждого из них дома родины? – изумленно спросил меня один «знатный иностранец».

– В городе – эпидемия винта!

А сколько народу не поехало в театр, предпочитая засесть в винт до начала первого акта.

Винт отнял публику у театров.

Послезавтра бенефис г-жи Смолиной.

Это прелестная, симпатичная опереточная артистка. В ней масса жизни, веселья, огня, своеобразной задорной пикантности.

Но если вас послезавтра пригласят на винт с Иваном Ивановичем, Петром Петровичем и Семеном Семеновичем, – разве вы пойдете в театр?

Винт отнял у театров не одну публику, но и артистов.

Головы полны винтом, играют в уборных, между двумя сценами, между смехом и истерикой, плачем и самоубийством.

Почтенный артист вышел на сцену, как в воду опущенный.

Моя соседка осталась недовольна:

– Как вяло!

Как же вы хотите, милостивая государыня, чтобы он хорошо играл, когда он «пасс».

Он «пасс», а вы требуете, чтобы он горячился!

Он только что, перед выходом, сказал «пасс», играя на пустом ящике с комиком и драматической инженерю, – а вы хотите от него игры.

Я знал одну прелестную опереточную примадонну, имевшую огромный успех и в Одессе.

Она вылетела на сцену с горящими глазами, оживленным лицом, вся смеющаяся, радостная, очаровательная.

– Как хороша! Что ни говорите, а все ж она положительно лучшая из русских примадонн. Сколько жизни, веселья!

Я только что из-за кулис и великолепно знаю, что она перед самым выходом великолепно разыграла большой шлем с Ахиллом, Калхасом и одним из Аяксов!

Говорят, что один оперный певец вместо классического «три карты», спел в «Пиковой даме»:

«Две пики, три трефы, три бубны!»

И я удивляюсь, как еще ни один оперный Мефистофель не ошибется и не споет:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир – с прикупкой винт.

Пушкин написал «Пиковую даму» во времена романического «штосса», когда пиковая дама «означала несчастье», – а чем бы вдохновился он теперь, когда дама пик сама по себе ровно ничего не означает, и все зависит от масти?

Коронкой от валета?

Недурная повесть на тему «коронка от валета» с эпиграфом: «Коронка от валета означает, что можно остаться без одной».

Да и большой еще вопрос, видели ли бы мы добрую половину его чудных произведений, если бы Пушкин со свойственным ему увлечением играл в винт!

Ньютону некогда было бы выдумать свой бином, если бы он все свое свободное время отдавал только вычислениям выигрышей и проигрышей.

Что было бы с величавым гением Франции, если бы она винтила?

Эйфель был бы инженером с хорошим окладом и вместо изобретения новых систем построек, строил, остроумных комбинаций законов тяготения и сопротивления – занимался бы изобретением не менее гениальных систем винта, не менее остроумных комбинаций ходов и выходов.

Вместо великого строителя Франция имела бы замечательного винтера, вместо Эйфелевой башни – тысячу отлично разыгранных шлемов.

Мы тупеем, потому что весь наш национальный гений у нашей интеллигенции ушел на разные комбинации винта.

Если бы в какой-нибудь другой отрасли мы сделали столько открытий, усовершенствований, как в винте!

Винт с прикупкой, с пересадкой, с входящими, с присыпкой – и удивительно, как такой пшеничный город, как Одесса, не изобрел еще какого-нибудь специального «винта с отсыпкой», «с подмесью», «винта с куколом».

Если был одно время «винт Буланже», – почему же не выдумать какого-нибудь Дрейфусовского винта?

И если жалуются на «упадок нравов», то в этом виноват «последний винтовой период» русской истории.

Я попрошу вас на одну неделю выйти замуж за винтера, который просыпается с раскаянием о проигранной вчера отличнейшей игре и засыпает со словами «две трефы».

Извѣщеніе Торговаго Дома **БРодскій и К^о**

Ришельевская, 10.

Принимая во вниманіе, что при настоящихъ условіяхъ желательно **небольшими затратами** приобрести готовыя платья изъ **хорошаго матеріала** и **хорошо прикроенными**, рѣшили съ этой цѣлью значительно расширить отдѣлъ **Блузокъ и Юбокъ**.

Получаемыя своевременно **сезонныя матеріалы** и **отдѣлки** дадутъ намъ возможность изготовить ихъ въ изящномъ ассортиментѣ, начиная съ дешевыхъ до дорогихъ **суконныхъ и шелковыхъ**, удовлетворяя самому прихотливому вкусу.

Целые вечера одиночного заключения в гостиной!

Муж, в течение вечера входящий к жене только для того, чтоб обрадовать ее вестью:

– Вообрази, душечка, какой я сейчас сыграл маленький шлем!

Бедняга, которому через неделю нужен будет уже большой шлем, потому что маленький не влезет уж ему на голову.

Мы проиграли в винт театр, искусство, литературу, все интересы, женщин и детей.

Женщины, занимающиеся арифметикой за зеленым столом и обменивающиеся руганью с партнерами, теряют всю свою женственность. Винтящие муж и жена – это уже не любящая чета, это винтер, женатый на винтере.

У нас нет детей. Я знаю гимназистов, не вполне уверенных в том, сколько было пунических войн, но могущих блестяще устроить большой шлем на пиках любому историку!

Любезность, галантность былых времен, остроумие, интерес разговора, умение занять дам, искусство ухаживания – все утонуло в винте. Никто не танцует – все винтят.

От молодого человека не требуется ни изящества, ни элегантности, ни остроумия, ни интереса, – нужно, чтоб он винтил.

Винт будет введен в программу в виде особого обязательного предмета. Будут особые винтовые задачки, и школьники будут решать задачи:

«Игроку сданы: коронка от валета бубен, пять маленьких пик, три пики: туз, семерка и тройка, и одна трефа – король. Что он должен сказать, если партнер объявил две пики?»

В университетах будут проходить высшие комбинации винта.

Без знания этого необходимого предмета не будет принимать на службу.

Будут играть в канцеляриях, конторах, за кулисами, на конке, на могилах родственников!

Мы будем винтить «как никто», но зато в сфере искусства, литературы, знания, мысли мы будем в состоянии перед всеми сказать только:

– Пасс!

И Одессе среди этого завинтившегося русского общества будет принадлежать одно из первых мест.

Почему бы в ложах и партере Городского театра не наставить ломберных столиков?

В гостиной Фамусова*)

Во время заседаний Окружного суда
по делу о гибели парохода «Владимир».

Репетилов

(Входит совсем измученный и, ни с кем не здороваясь, опускается в ближайшее кресло.)

Фу, как устал! Ох, мой Создатель!

Фамусов

Откуда, приятель?

Репетилов

(Слабым голосом.)

Я из суда, из заседанья,
У нас там ежедневные собранья,
С утра и до ночи толкуем без умолка,
Чтоб от свидетелей добиться толка
И...

(Не доканчивает фразы и впадает в глубокий обморок.)

Чацкий

«И этот гордый ум сегодня изнемог!»

Все

(В испуге.)

Скажите, он серьезно занемог?!

---

*) Автор глубочайше извиняется за ужасные стихи, которыми говорят действующие лица. Это объясняется тем, что грибоедовские герои после исполнения их на сцене Городского театра стали на себя не похожи.

Чацкий

Нет, обморок, пустое!
Лишь утомление простое.
Сейчас пройдет, не беспокойтесь...

(Дает ему нюхать спирт.)

Репетилов

(В беспамятстве.)

Команда где?.. На палубу все!.. Стройтесь!..
Скорей спускайте шлюпки,
И тех, на коих юбки,
Вперед сажать!..

Фамусов

В бреду он начал врать!

Репетилов

(Продолжает бредить.)

Назад, кто в пиджаки одеты!..
Пускать фальшфейеры, ракеты!..

(Испускает глубокий вздох, приходит в себя и открывает глаза.)

Где я? На дне?

Чацкий

Послушай, мне
Наделал ты хлопот немало;
Лишь этого не доставало!
Ты в обморок упал.

Репетилов

Простите, оплошал!

Фамусов

А все, все эти прения,
О терминах различных рассуждения!
Когда избавит нас Творец

ПРОГРАММЫ изд. 1906 г. поступили въ продажу.

1) СБОРНИКЪ ПРАВИЛЪ И ПРОГРАММЪ для поступления въ военныя и юнкерскія училища, а также вольноопредѣляющимися и охотниками въ войска, правилъ испытанія на первый офицер. и клас. чины съ формами требуемыхъ документовъ. Изд. 5-е непер. и дополненное. Цѣна 1 руб. 2) ПРАВИЛА и ПРОГРАММЫ для испытанія на вольноопредѣляющагося 2-го разр. Изд. 4-е непер. и допол. Цѣна 25 коп. Обѣ книги, во 2-мъ изданіи, разсмотрѣны и одобрены Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба. — (Цирк. 1 ноября 1902 г. № 223 и 31-го января 1903 г. № 35). Составилъ подполковникъ Вахшневъ, команд. 3-й роты одесск. пѣх. юнкер. училища. ПРОДАЮТСЯ въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 6686—1

КРЕМЪ ЭМАЛЬ РАФАЭЛЬ
вызывающій естественный РУМЯНЕЦЪ
и дѣлающій кожу нѣжной и эластичной
САМОКРАСЯЩА ГРЕБЕНКИ. Заграничная подкладка-валики
для волосъ къ прическамъ кэксъ-уокъ
Единственное безъ запаха средство для парке-
товъ и попсы крашенныхъ и бѣлыхъ
Вѣнскій ПАРКЕТИНЪ
Продается у провизора **В. ФАНЪ-ЮНГА**,
Центральный аптечный и парфюмерный складъ
Пресбург. № 50, между Почт. и Вар.

20 коп. открытое письмо
со своимъ портретомъ
фотографія „Русская Свѣтопись“.
Екатерининская, 17, уг. Дерибасовск.
Входъ рядомъ съ кондит. Фанкони.
Можно съ карточк. 6461—1

От этого процесса, наконец,
От этих бушпритов, форштевней, талей,
От кочегаров – от каналов,
«Владимиров», «Колумбий» и «Синеусов»,
Помощников, матросов-трусов,
От разноцветных фонарей
И отличительных огней!

Скалозуб

Я гнева вашего никак не растолкую.
Процесс принес нам пользу пребольшую.
Случись хоть мне, к примеру скажем, плыть:
Крушенье – знаю я, как быть.
К спасению есть многие каналы:
Круги есть, пояса, какие-то шлюпбалы,
Об них как истинный философ я сужу:
Лакею пять рублей – вмиг пояс подвяжу.

Молчалин

Читал процесс я тоже с прилежаньем:
Сказать могу, большим запася знаньем!
На случай катастрофы, столкновенья,
Всем надо угождать, без исключенья:

Команде всей и капитану.
Лакеям, сторожу Ивану!
Быть с машинистом надо другом,
Коль хочешь запастись спасательным ты кругом,
Понравиться сумей камбузинеру
И вахтенному офицеру,
Помощникам, во избежанье зла,
И горничной, чтоб в шлюпку за собой взяла!

Загорецкий

При смете сей вы пропустили кочегара:
По шее может дать он здоровенных три удара!
Спасибо судоговоренью...

Скалозуб

Процесс послужит многим ко спасенью.

Софья

(Нежно, к отцу.)

Посмотри, теперь уж та ли я?
Что такое, знаю, «тали» я,
Позабыла тряпки, юбки,
И спускать умею шлюпки.

Шесть княжон

Не интересен нам Париж, ни Ворт,
Командовать пошлите нас на борт!

Графиня-внучка

Скомандовать велите при крушеньи!
(Входит в роль и командует.)
Полрумба влево! Вправо! Так!
Тащите вещи все на бак!

Графиня Хрюмина

(Даже она зажимает уши.)

Ах, не кричи так, сделай одолженье!

Графиня-внучка

(Не в состоянии остановиться.)

Долой из шлюпок, тысяча черрртей!
Сажайте женщин и детей!

Графиня Хрюмина

(В ужасе.)

Жаргоном говорит каким!!!

Скалозуб

(Щелкая шпорами.)

Морррским!

(Графиню-внучку кое-как останавливают и приводят в себя.)

Загорецкий

(Горячо подхватывая.)

А наши барыни, кокетки по прозванью,
Прямые адмиральши все по званью.
Татьяна Юрьевна, Пульхерия Андреевна!
Княгиня даже Марья Алексеевна
Команды знает наизусть,
И пусть...

Репетилов

(Перебивая.)

Зачем перечислять вам дальше?
Что значат ваши адмиральши,
Когда я сам, – когда я врал? –
По знаниям глубоким – адмирал!

Чацкий

Ты? Репетилов? Вдруг...

Репетилов

Зови меня Сурковым –
Я это имя заслужил!
Меня не огорчишь ты этим словом!

Къ предстоящему празднику

„СИМХАСЪ-ТОРА“

ТОВАРИЩЕСТВО

„Кармель“

РЕКОМЕНДУЕТ СВОИ

ВИНА, КОПЬЯКИ И ЛИКЕРЫ.

Требуется опытная кухарка за все, среднихъ лѣтъ одинокая. Мастерская ул. д. № 33, кв. 9. 12416-2-1

Требуется мастерица въ дамскую парикмахерскую на приличное жалованье. Кузнечная, 13. 12412-2-1

Требуется масовой мастеръ умѣющій сажать мостотъ работать на выкатъ до 20 руб. на всемъ годономъ. Г. Березовка, нагахъ часовъ И. Ш. Глазера 12403-3-1

Тре. угаетъ мастерица умѣющая хорошо вышивать главою. Екатеринбургская № 3 кв. 15. 12391

Требуется опытная мастерица корсажинца Гальже нужна ученица Греческая № 11 кв. 3. 12383-2-1

Требуется подмастерья для мужской шпильной обуви Градоначальническая № 73. 12337-2-2

Требуется русскій мальчикъ для посланикъ. Безъ рекомендацїи не приму. Жуковская 34 Немзеру. 12343-3-2

Требуется опытный мастерщик. Дерибасовская 17, кв. 14. 12372-2-2

Требуется ученики въ котельную мастерскую Слизака Градоначальническая № 18. 11980-4-3

ТРЕБУЮТСЯ опытные мастера «длинки на заводъ» Юрлова Рубинка, «Трудовой» пер. № 12. 12237-3-2

Требуется опытная корсажиница и помощница въ модную мастерскую. «Селичской». Гаванная, 2 кв. 3. 12265-3-2

По древне-еврейски по новой методѣ обучаю. грамат. библии и т. д. **Ручное** за успѣхъ. Б.-Арнштутская, 26, кв. 21. 12221 7-3

Передается молочная и буфетъ на бойкомъ мѣсть Конная, 11. 12337-3-1

Передается вывада. Картамшиевская № 14. 12346

Передается молочная и буфетъ на бойкомъ мѣсть. Адв. узн. въ ред. 123 9-3-1

Передается хлѣбная и фруктовая торговля по семейн. обстоит. Адресъ «Лин. въ ред. 12292-3-1

Передается бакалейн. и табачная торг. по случаю семейн. обстоит. очень выгодно узн. Староинститутская № 17 кв 27. 12330-3-2

Передается хлѣбная лавка на бойк. мѣсть по случаю одиночества. Мельничная 12. 12373-3-2

Передается бакалейно-табачная по случаю поступления на должность. Петропавловская № 13. 11786-3-4

Экстернъ 8 кл. сп. русск. яз., мат. и физ. гот. въ ср. уч. зав. и на зв. согл. за общ. д. 10-12 и 3-6. Б.-Арнштутская 14, кв. 14. 1240

Опытный «чистопомышленный» органъ ка. гим. исправл. малоусп. Пд. по согласн. Тамъ же даются уроки по стенографїи Маралѣевская ул. № 5 кв. 25. Отъ 12-5. 12392

ТРЕБУЮТСЯ

НАБОРЩИКИ

въ типографію „Од. Почты“.

Съ разрѣш. нач. опытн. пед. усп. гот. во все уч. зав., на зв. вольн. учит. апт. учен. кд. № 8 кв. лит. въ Подлиевская 32, кв. 3. Отъ 1-3 ч. 12396-8-4

Опытн. репет. (13 л. пр.) за уч. пд. готов. во все уч. зав. испл. мало усп. им. реком. начальной мѣсти. въ зав. Новоселья № 66 кв 16. 11345-7-5

Читатель гот. въ гимназ. и др. средн. учеб. зав. Плата отъ 6 р. въ мѣс. болгарская 79, кв. 19 отъ 9-12 ч. и 6-9 ч. 11332-6-3

Учитель съ гимн. обз. ал. фр. и нѣм. усп. гот. во все кл. ср. уч. зав. и на спец. зв. Пд. умбр. Выкиная 14 кв. 24 отъ 0-12 и 6-7 или Канатная 73 кв. 15 отъ 9-5. 11811-7-7

Опытная учит. въ мѣс. и на зав. испл. малоусп. Спиридоновская 25, кв. 33. 12333-2-1

Продается участка земли 510 саж. на Б.-Арнштутской Фонтанъ по Цыганской ул. недалеко отъ электр. дор. во владѣ дачи Динегмена Узн. Тираспольская 24 кв 23. 12299-4-3

Продается обстановка бакалейн. и табачн. со всеми принадлеж. и прадъ на 1911 годъ Картамшиевская № 15 кв. 143. 12337-3-2

Чацкий

Послушай, ври – да знай же меру!
К чему все это бичеванье?
Зачем тебе все эти знанья?
Ты не моряк, – из сухопутных.

Репетиллов

И, наконец, людей увидел путных
В суде. Какие адвокаты!
Какие моряки из них бы вышли! Хваты!
Прямые штурманы по знанью
И капитаны по призванью:
Народ – моряк!
О деле судят этак, так!
Экспертов, брат, самих научат!
Свидетеля – вконец замучат!
Вопрос один раз сотню повторяют,
Познаньями экспертов изумляют!
И даже говорил судебный пристав,
Что флот формировать нам надо из юристов.
На днях они подряд
«Аврально все заговорят!»

Графиня Хрюмина

(Не дослышав.)
А? «Врально» – говоришь?

Загорецкий

Ее не вразумишь!
(Громко ей на ухо.)
Он повествует тут про суд!

Графиня Хрюмина

Что? Адвокаты врут?
Что ж удивительного тут?
(Загорецкий махнул рукой.)

Репетилов

Да вот я, не теряя слов,
По пальцам всех пересчитать готов!
Во-первых, Карабчевский:
Для дела кинув берег Невский,
Приехал к нам не на машине, –
На пароходе плыл! По той причине,
Освоиться чтоб с пароходным делом.
Он даже пожелтел, осунулся он телом, –
Зато все изучил,
На пароходах многих плыл
И даже может побойться
(Так, вероятно, и случится!)
Что, хоть обрыскай свет,
«Владимирских» порядков лучше нет!
А наш... Не надо называть,
Узнаешь по портрету, –
Портрет в момент нарисовать
Могу всему я свету:
«Всегда талантливая речь,
И кудри у него до плеч».
Как говорит!..
Да жаль, лишь все молчит.
Когда ж свидетелей ответам он внимает,
Огонь в глазах его пылает.
Как должно по морским уставам:
Зеленый в левом, красный в правом.

Загорецкий

Кажись, наоборот, не так!

Репетилов

Пустяк!
Пускай огонь в глазах горит хоть этак или так,
Не избежит он столкновенья,
Когда начнутся словопренья.
Но кто у нас моряк ученый:

Румяный, розовый, как пирожок слоеный, –
Истец гражданский Холева.

(Дамы начинают слушать внимательнее.)

Моп шер, ну, что за голова!
И дарований тьму Господь ему послал:
Он адвокат, он адмирал,
«Он мореплаватель, он плотник»,
Газетный, кажется, работник,
Он композитор, он поэт,
Каких талантов в нем лишь нет!
Не курит он, не пьет,
Как Шрайбер наш, воюет с водкой,
Речей фонтаны прямо льет
И, говоря, трещит трещоткой!
Цыганские романсы пишет он,
И верхние выводит нотки.
Прекрасный пол – ну так к нему и льнет...

Скалозуб

(Неволью пожимая плечами.)

А потому, что сами тож трещотки!

Репетилов

Ужасно исхудал,
В лице румянец потерял!
Пеше он защищая с Риццо,
Не успеваешь и побриться!
Когда ж о пластыре, случится, говорит,
Каким-то демоном внушаем,
Сам плачет, а мы все зеваем!

Чацкий

(Про себя.)

Гм... Софья как глядит!

Репетилов

А Антонини с грустным видом?

Противу Карабчевского он выглядит Давидом.
Вопросов у него огромнейший запас:
Для каждого вопросов сто припас.
Сказать тебе не ложно,
Его без скуки слушать можно,
Лишь в уши заложив морской канат,
Иначе – скучно, брат!

Чацкий

А судьи что?

Репетилов

Скучают.
С терпением конца вопросов ожидают.
А наше солнышко, наш клад,
Литвицкий наш, известный адвокат,
Как баки он свои закрутит,
(Он бывший прокурор и говорит – не шутит!)
Да как допрос начнет,
Войцехов как к нему примкнет,
Куперник, Баршев и Тиктин, –
Не выдержит свидетель ни один!
Лавинский часу не сидит,
Глядишь, какой-нибудь вопрос родит,
Другие схватятся, передопрос начнут,
А третьи разноречие найдут,
Четвертые заспорят, разойдутся,
Глядишь, во мненьях не сойдутся,
Попросят в протокол занести,
По-итальянски что-нибудь прочесть.
О шлюпках схватятся и лодках,
О пластырях, перегородках.
Я в публике сию – учусь.
Быть может, как моряк отчизне пригожусь...

Чацкий

Все говорят?

Репетилов

Все без умолка.
В словах их смысла много, толка,
Лишь одного я не могу понять,
Кого ж в крушеньи надо обвинять?

Софья

Конечно, виноват Пеше...

Графиня-внучка

Ach, chère amie, ne dérêchez-
Vous pas* так скоро обвинять:
Тут-то ведь надобно понять,
Что был обязан и Криун
Поздоровее взять гарпун...

Шесть княжон

Для нас все дело ясно.
Криун тут поступил прекрасно.

*(Возгорается страшный спор. Трудно что-нибудь разобрать.
Слышны по временам только отдельные голоса.)*

Голос Загорецкого

Сурков недаром говорил: «опасно»...

Голоса княжон

Бежали все... Ха, ха! Прекрасно!

Голос Фамусова

Известно с давних пор...

Голос Горячевой

Вы позабыли про топор?

Голос Репетилова

Зачем покрасили шлюп-балки?

---

* Милый друг, не спешите.

Голос графини Хрюминой

А? Что? Кто стоит палки?

Голос Скалозуба

(Заглушая прочие.)

Фельдфебеля им в капитаны дать,
Так не посмели бы бежать!

Чацкий

(Схватывая шляпу.)

Куда деваться мне от споров
И от морских от разговоров?
Все спорят, устали не зная...
Болезнь какая-то морская!
Пойду искать по свету,
Где разговоров нет про катастрофу эту.
Эй, шлюпку мне... Тьфу! Виноват! Карету!

Занавес.

Pour la bonne bouche

На закуску

Наброски, к Одессе отношения не имеющие

Собрание сочинений великих писателей

Вариации на одну и ту же тему

Чтоб ознакомить наших терпеливых читателей с манерой наших великих писателей, мы обратились ко всем «современным звездам» литературы с просьбой написать «сочинение» на заданную тему.

Тема:

Он любил ее. Она любила его. Так они вместе любили друг друга.

Великие писатели, разумеется, написали «сочинение» на пять с плюсом, а гр. Толстой, по своему обыкновению, отказался даже от гонорара. Выражая свою глубокую признательность всем русским писателям вообще, а гр. Л.Н. Толстому в особенности, мы приступаем к печатанию собрания «сочинений великих писателей».

I. В стране апельсинов и корольков

Дон Себастьян дель-Прима-Бестия по справедливости считался первым разбойником в горах Кастилии. Его знала вся Испания от Хереса до Мадеры и от Опорто до Лиссабона. Когда ему делалось скучно, он уходил в ущелья Сьерра-Невады и для развлечения резал там альгвазилов. Про его подвиги рассказывали чудеса. Говорили, что однажды, не имея шведской спички, чтоб закурить пахитосу, он зарезал путника, раскурил от его трубки сигару и ушел. Но вот уже 164 раза солнце совершило свое обычное путешествие из Сант-Яго-ди-Кампостелло в Вера-Кроче, – как дон Себастьян дель-Прима-Бестия переменялся. В душу его закралась любовь к Пахите, красе Андалузии, 164 дня страдал Прима-Бестия, а на 165-й отточил поострее наваху и засел в Пиренеях...

...Была чудная полночь, на небосклоне одновременно с разных сторон выходили месяц и солнце, – что бывает только в Испании. Пахита, краса Андалузии, только что выкупалась в прозрачных струях Гвадалквивира и возвращалась к себе в Альпухару. Смеясь, она перебежала Пиренейские горы, напевая хабанеру и танцуя тарантеллу, как вдруг из расселины скалы показался бледный, как пять упокойников, дон Себастьян.

– Ни с места! – крикнул он, размахивая навахой. – Будь моей невестой, или, клянусь всеми чертями, я отправлю тебя ведьмам в зубы.

– Что за странный способ объясняться в любви с ножом и на большой дороге? – гордо спросила краса Андалузии.

– Себастьян все привык брать с ножом в руке! – отвечал мерзавец.

– Обожаю, люблю, мой ррразбойник, тебя!!! – воскликнула Пахита, и они укусили друг друга за губы.

Так они вместе любили друг друга.

Вас. И. Немирович-Данченко

II. Хмурые люди

На дворе бегали собаки. На улице шел дождик. Зонт стоял в углу. Петр Петрович лежал на диване с вывихнутой от зевоты челюстью.

– Хоть бы взять зонт да ударить им собаку, или бы хоть Марфа Игнатьевна пришла! – думал Петр Петрович.

В это время дверь открылась, и в комнату с заспанным лицом вошла Марфа Игнатьевна.

– Какая скучища! – сказала Марфа Игнатьевна.

– Тощища! – нехотя отвечал Петр Петрович.

– В дурачки, что ли, сыграть или кошку опять выдрать?!

– Надоело! – зевнул Петр Петрович. – Давайте от скуки хоть любить друг друга!

– Это вопрос серьезный, – серьезно ответила Марфа Игнатьевна, – это не кошку выдрать!

– Вы думаете? – рассеянно спросил Петр Петрович.

– Над этим вопросом надо подумать, – продолжала Марфа Игнатьевна, – да думать-то лень.

– Ну и не думайте! – отвечал Петр Петрович и, повернувшись на другой бок, захрапел.

Марфа Игнатьевна села у окна и задумчиво начала ковырять в носу. Через два часа она легенько толкнула Петра Петровича под бок.

– Что такое? Пожар?! – спросонья заорал он.

– Нет, не пожар, а просто я вас тоже люблю!

– Ну и любите! – зевнул он, и они начали зевать вместе.

Так они любили друг друга.

Антон Чехов

III. Последний из Уродовых

Из семейной хроники Уродовых

– Не хочешь ли, боярин, шоколаду? – таким вопросом приветствовала боярышня Ната Завихры-Отдралова молодого княжича Уродова, встречая его в шитом сенными девушками пеньюаре на пороге терема, убранного в китайском стиле.

– Не за шоколадом пришел, боярышня, к тебе я, и не бисквиты есть. Пришел просить того, что слаще шоколаду и всех белей бисквит на свете! – отвечивал ей последний из Уродовых, шаркая ногой и делая русский поклон.

– Что ж может слаще шоколада быть? – зардевшись, ровно маков цвет, спросила боярышня, потупивши взоры.

– Руки твоей, боярышня, прошу, руки, – наставительно заметил Уродов, – в балете зрел тебя я в бенуаре и столь прельщен тобою был, что тут же рек себе: «Воздвигну от нея Уродовых угаснувшее племя!». Согласна, что ли? Я человек бывалый и дважды на колу сидел.

– Согласна! – прошептала боярышня. – Ты сам давно мне люб.

И их уста слились в самом сладком поцелуе, который только раздавался когда-либо в начале XII столетия.

Так они в старину любили друг друга.

Всеv. Соловьев

IV. В fin-de-siecle*

Эскиз или даже не эскиз, а так – безе

Это был красивый и представительный пшют лет шестидесяти, с шишковатой головой и вполне интеллигентный лицом, на котором вы не отыскали бы никакой пошлости, какая обыкновенно встречается на лицах малокультурных людей: например, усов, бороды, бровей или вообще каких-нибудь волос. Его высокий открытый лоб обнажал резко очерченный затылок и заканчивался у шейных позвонков. В данную минуту герой наш лежал вверх своей костистой спиной, а массажистка проколачивала его по спинному хребту.

– А знаете ли что? – неожиданно сказал он. – Не снять ли вам для удобства корсаж?

От волнения ее рука дрогнула, и она дала ему подзатыльник.

– Если хотите, я на вас женюсь! – сказал он, заметив по силе удара ее волнение. – Собственно говоря, мне ведь это все равно!

– Я давно чувствую к вам психомоторное влечение! – отвечала девица, занимающаяся массажем, и поцеловала его в глянцеvитый лоб около затылка.

Так они любили друг друга.

П. Боборыкин

V. Молодежь

Он сидел у грязного окна с выбитыми стеклами, смотрел на помойную яму и зубрил наизусть Бокля. Она вошла, даже не вошла, а влезла в комнату через перегородку.

Они познакомились две недели тому назад, когда она попросила позволение надеть его штаны и пиджак, потому что отправлялась в этот вечер в театр. Он разрешил, они разговорились и сошлись в убеждениях.

– Сосед! – сказала она. – Пойдемте ко мне. Я только что сварила в самоваре kota.

– Признаться, люблю вареных кошек! – сказал он.

– У-у, лакомка! – нежно сказала она, сморкнувшись в его полотенце.

---

* Декаданс.

На этот раз они молча съели вареного кота, и только когда он собрался перелезть через перегородку к себе, она остановила его словами:

– Я, вы знаете, уж давно чувствую к вам мерехлюндию!

– Я сам к вам питаю кислые чувства! – ответил он, сплюнув в сторону.

Они пожали друг другу влажные руки.

– А как тебя звать? – спросила она. – Я, признаться, до сих пор не интересовалась.

– Праздное любопытство! – ответил он. – Зови, как нравится. Нравится Антип – зови Антипом. А я тебя буду звать хоть Матреной.

И Антип с Матреной принялись зубрить Бокля вместе, не сводя глаз с помойной ямы.

Так они любили друг друга.

Григорий Мачтет

VI.

«Сочинение» г. Потапенки, написанное на ту же тему, к сожалению, напечатано быть не может, ибо обнимает собою 800 печатных листов, которые распределяются так:

описание наружности героя... 300 листов

описание наружности героини... 300

описание комнат, в которых они жили, улиц, по которым они ходили, и даже переулков, в которые они никогда не заглядывали... 200

Затем следует подпись «продолжение следует».

VII. «Чижик, чижики, где ты был?»

Соната

В вагон входили и выходили разные лица, а Позднышев все еще продолжал свой рассказ.

Тяжело вздохнув, он сказал мне:

– Вам часто, наверное, приходилось слышать про «прелесть взаимной любви»: он любит ее, она любит его, так они любят друг друга! Тьфу, гадость! Тьфу! Ложь!

Позднышев даже высморкался от отвращения.

– Не угодно ли вам прослушать, как я зарезал свою седьмую жену?

И заметив мой изумленный взгляд, он, слегка сконфузившись, сказал:

– Это будет последняя!

И начал:

– Моя седьмая и последняя из зарезанных мною супруг была блондинка. Тьфу, пакость! Я встретился с нею на балу. По принятому у нас безнравственному обычаю, я был в том самом «приличном костюме», который неприлично не закрывает даже бедер. Заметьте, что даже папуасы, и те носят передники! А я ходил с двумя хвостиками сзади и думал, что я вполне приличен! Она ходила тоже вся голая: голые руки, плечи и оголенная спина. Увидев ее, я хотел было крикнуть городского, чтоб составить протокол о появлении в неприличном виде в публичном месте, но вместо того сделал гадость, подошел к ней и пригласил ее на мерзкий танец, называемый вальсом. Достаточно вам сказать, что я, человек едва знакомый, обхватил ее за талию, и она не только позволила это, но даже сама положила мне руку на плечо. Вместо того чтобы ударить или, по крайней мере, плюнуть на декольте бесстыдной женщины, я начал ее неизвестно зачем кружить по зале в присутствии посторонних. В течение вечера она особенно охотно кружилась именно со мной, вероятно, потому что другие кавалеры могли потными руками замазать ей платье, а у меня руки были в чехле из собачьей кожи. На следующий день я сделал ей визит, то есть явился к ней днем в том же неприличном соблазнительном костюме, а она встретила меня хотя и не голая, но в джерсе. Тьфу, мерзость! Она не была голой, но казалась голой, только вымазанной в саже. Увидав ее в таком виде, я не устоял и сделал гнусное предложение. Я не буду вам говорить, как мы жили семь лет, что называется «душа в душу». Тьфу, отвращение! Но на восьмом году я сидел в своем кабинете, окруженный кинжалами, и слушал, как мой старший мальчишка одним пальцем на рояле разыгрывал «Чижика». Вы знаете эту гнусную песню? «Чижик, чижики, где ты был?» Да, именно! Где был ты, чижики, где был в то время, когда эта гнусная женщина нарочно надевала черное

джерсе, чтоб казаться голой и вымазанной сажей? Чем занимался ты, чижик, все это время, каким свиным занятием? И неужели ты, чижик, зарезавший шесть жен, не зарежешь и эту седьмую дрянь? Такие мысли мелькали у меня в голове, когда в кабинет вошла моя жена и, по обычаю, выпятила губы для поцелуя. Они были у нее необыкновенно розовые. Она мазала их какую-то особенной сладкой губной помадой, потому что знала, что я люблю сладкое, и хотела, чтоб я чаще целовался. Мне стало необыкновенно противно это выпячивание губ, я схватил кинжал, пырнул и успокоился. Потом я лег спать и, выспавшись только, заметил, что, следовательно, это уже обратилось у меня в привычку: резать жен. И что я убил седьмую жену еще тогда, когда убивал первую, и приобретал дурную замашку. Тьфу, пакость!

И Позднышев, плюнув прямо на колени сидевшей против него даме, перевернулся на другой бок и захрапел.

Лев Толстой

VIII. Голубая любовь

Краткий опыт в декадентско-натуралистическом жанре

В его вылинявшем зеленоватом сердце загорелась голубая любовь, и оттуда, как пестрые галки, вылетели полосатые с крапинками сомнения. В его лохматой сизо-бурой голове розовые голуби свили себе голубое соломенное гнездо. Его душу словно какой-то маляр выкрасил в розовый цвет с разводами, и в этой душе появились голубоватая любовь, розовая надежда и желтоватые еще мечты. Эта радуга, сиявшая в его душе, словно упиралась одним концом в красное сердце, а другим – в серый мозг, и нестерпимо жала, как сапоги жмут мозоли. Ему было тяжело, и он, несмотря на вечер, побежал погрузить свое разгоряченное тело в холодную воду, на ходу сбрасывая разноцветные принадлежности туалета. Он добежал до купальни и бултыхнулся в воду. Он был так разгорячен, что вода кругом даже зашипела, а в противоположном углу раздался испуганный крик. Это была «она». Она только за две минуты перед ним вошла в воду, и он сгоряча не заметил ее присутствия.

– Ах! – воскликнула она. – Что же теперь делать?!

– Я сейчас выйду! – сказал он.

– Вы с ума сошли! – воскликнула она. – Чтобы вы выходили из воды при мне?!

– В таком случае выходите из воды вы первая!

– Да вы еще больше с ума сошли. При вас?!

– Но ведь не можем мы мокнуть до самой смерти! Придет зима, мы замерзнем, придут ледоколы, вырубят нас и увидят в таком виде.

– Ах, какой стыд! – воскликнула она.

– Я могу вам предложить только одно: руку и сердце. Тогда и вы, и я можем выйти, так сказать, сухими из воды. У будущих мужа и жены секретов быть не может.

– Я согласна, – прошептала она.

И они подали друг другу посиневшие руки, в которых переливалась розовая кровь.

И. Ясинский

IX. На Принцевых островах

Из воспоминаний туриста

Прекрасной Заире давно уже снился этот красивый русский корреспондент. Ей нравилась его черная надвое расчесанная борода и умный взгляд его синего черепахового пенсне.

– Как хорошо было бы поцеловать эти стеклышки! – с чисто восточной ребячливостью думала она. Невыразимо прекрасная Заира каждый раз сидела у окна, когда невыразимо красивый корреспондент гулял по невыразимым Принцевым островам. Так сидела она и мечтала, как вдруг вскочила в страшном испуге. По улице сверкали только невыразимые пятки красивого корреспондента. Толпа местных мальчишек, по восточному обычаю, провожала его, кидая в него кочерыжками. Все двери и окна были заперты. Спасения не было!

В невыразимом ужасе Заира открыла окно, корреспондент невыразимо быстро прыгнул в окно и показал мальчишкам нос. Он был в безопасности. У него кружилась голова и оттого, что по ней колотили кочерыжками, и от близости этой опьяняющей восточной женщины.

– О, чем мне отблагодарить тебя? – воскликнул он, падая на колени. – Я красив, и это единственное мое достояние...

– Я давно люблю тебя! – отвечала Заира.

Она покрыла феской все шишки на его голове, дала ему в зубы душистое наргиле, заставила играть на зурне, а сама пустилась танцевать.

Он видел уже эти танцы Бен-Байи на французской выставке, но тогда приходилось платить за вход 20 копеек. Теперь они понравились ему еще больше. Так он утопал в неге до самого вечера, а когда вечером Заира выпустила его из окна, сторож ударил его палкой.

Но это не огорчило русского корреспондента.

Он погладил ушибленное место и сказал:

– Это будет мне воспоминанием о Востоке, нравы которого я опишу.

Сергей Филиппов

Успех у женщин

Их-то и просят того не читать

Успех у женщин! Кто бы не хотел его иметь?!

– Но если вы, мой друг, – говорил мне старый каналья-волокита Х., виновный «на сумму более трехсот женщин», – если вы в своей погоне за счастьем хотите и здесь установить какую-нибудь теорию, – предупреждаю, вы даром потеряете время. Теорий и систем в этом деле не существует. Систем столько же, сколько и женщин. Каждая требует своей особенной!

Но ведь должны же и тут быть какие-нибудь свои законы!

Как умирающий от жажды ищет воды, – я обегал всех известнейших сердцеедов. Всех, за кем молва установила репутацию наиболее ловких и счастливых дон Жуанов.

К каждому из них я обращался с одним и тем же вопросом:

– Ваша система?

– Лесть! – отвечал мне счастливый баловень всех модных и известных актрис г-н ***. – На эту приманку женщины ловятся лучше всего. Вы знаете, мой друг, что сфера моей деятельности – преимущественно артистический мир. Когда мне нравится какая-нибудь бабенка, я начинаю ей льстить. Если мне нравится шансонетная артистка, – я знакомлюсь с ней, прикидываюсь пораженным и говорю: «Почему вы не поступаете в оперетку? С вашим шиком, изяществом, грацией, молодостью и красотой пропадать на кафешантанских подмостках в то время, когда в столицах днем с огнем ищут таких примадонн! Да вас оторвут отсюда с руками и ногами!». Опереточной я говорю: «Почему вы не поступаете в оперу? С таким голосом тратить свои способности на эту – извините меня – дрянную оперетку, тогда как вас с распростертыми объятиями, без дебюта, примут на большую оперную сцену». Провинциальным драматическим я советую смело дебютировать на любой столичной сцене, а столичных с удивлением спрашиваю, почему они до сих пор еще не на сцене Малого театра? Вы понимаете, – я единственный человек, который понял и оценил ее способности как следует! И дает мне преферанс перед всеми другими ухаживателями. Ну, затем я, разумеется, немножко вру и обещаю свое содействие.

– Все это великолепно относительно актрис. Но что вы делаете с женщинами обыкновенного света?

– Это по большей части любительницы театра. Я «угадываю в них таких», уговариваю принять участие в каком-нибудь глупейшем любительском спектакле. Прохожу с нею роль, восхищаясь каждым скверно сказанным словом, вздыхаю о том, что «такой талант гибнет для искусства». Я заклинаю ее не губить таланта, умоляю бросить все и поступить на сцену. Разумеется, на сцену она не поступает, – но мои труды увенчиваются другим, гораздо лучшим, успехом. Льстить женщине – это значит ее подкупать. А кого не подкупишь в наш панамский век!

– Вздор! – говорил мне г-н Н., когда я ему передал теорию его предшественника. – Помните одно: у женщины есть всегда потребность спасать котят, щенят, больных и погибающих. Верьте беллетристу, за которым вы не станете, надеюсь, отрицать маленького права на звание психолога. Но еще больше верьте человеку, у которого в 38 лет голова более похожа на колено! Я делал так. Я под шумок говорил о той роли в литературе, которую мне пророчили, и о своих кутежах. А когда меня спрашивали, для чего я, такой умный, такой талантливый, делаю все это, – я отвечал: «А для чего мне ум, для чего мне талант? Для того чтобы еще более чувствовать всю пустоту жизни?» – «Но неужели у вас так-таки нет никакой цели, никакого интереса?» Я отвечал: «Не было!» – и тут же намекал, что на темном фоне мелькнула одна яркая звездочка, но о ней так же смешно было бы мечтать, как о далекой звезде. Через несколько дней я снова «проговаривался» о своих кутежах. Меня начинали «спасать». Просиживали со мной целые вечера, а когда я начинал хандрить окончательно и в один прекрасный день выражал твердое желание бросить литературу и поступить в писцы к какому-то мифическому дядюшке, управляющему несуществующим департаментом, – мне давали сил на новую борьбу! Женщины – дети. Им нравится игра «в спасенье», пусть спасают, – благо мы от этого далеко не в убытке. Хе-хе!

– Плюньте на теории! – говорил мне артист Г. – Помните одно: «нахалить». Оставаясь с женщиной, которая мне нравится, я безо всяких разговоров кидаюсь к ее ногам. «Слегка по физиономии», – но ведь на это оскорбление отвечают только поцелуем. И не сму-

щайтесь этим «слегка по физиономии». Женщине по большей части это необходимо «для очищения совести»: «Я, мол, боролась».

– Но ведь неприятно, если всегда будет «результатом» только это!

– Мой друг, я всю жизнь держусь только этой системы, – а вы знаете, что я имею недюжинный успех. Из всех наших добродетелей – смелость женщины награждают всего лучше и охотнее. Женщина создана природой как награда за смелость.

– Недурная теория! – поморщился художник К. – Но она годится только для красивых. Обыкновенный же мужчина, то есть такой, который «немножко получше черта», должен помнить одно, – что в то время, когда наши головы наполняются всякой «трезвой, практической и положительной» книжной чушью, – женщины питаются исключительно романами и повестями. Женщины – еще большие романтики, и, по-моему, при подходящей обстановке хорошие стихи – превосходная вещь. Я всегда начинаю с Надсона. Придравшись к случаю, я читаю его прелестное стихотворение: «Я вчера еще рад был отречься от счастья», и когда дохожу до стихов:

А сегодня... сегодня весна золотая,
Вся в цветах, и в мое заглянула окно...

Я гляжу «ей» прямо в глаза и заканчиваю, сводя голос на нет, как будто мне тяжело, мучительно это говорить:

Милый взгляд, мимолетного полный участия,
Грусть в прекрасных чертах дорогого лица,
И безумно, мучительно хочется счастья,
Женской ласки... и слез... и любви... без конца...

Это производит впечатление. В середину нашей любви я декламирую превосходную вещь Полонского: «О, солнце, солнце, погоди!». А когда мы расходимся, я читаю всегда стихотворение:

Как? Так и ты лгала,
Твердя: «люблю тебя»?

Зачем? О, бедное создание,
Ведь не меня обманывала ты, а самое себя...

Это красиво и благородно. Да, как говорил ваш друг литератор, полезно иногда представиться погибающим, но спустите краски, представьте себя извергом, холодным, жестоким эгоистом, не знавшим до сих пор ни жалости, ни любви, ни симпатии. Но чтоб от этого образа веяло силою, мощью. Чтоб можно было сказать словами Демона:

Я на челе, тебя достойном,
Сотру проклятия печать...

Ах, женщины ищут и любят героев!

– Я беру женщин тем, что говорю, будто никого-никого раньше не любил. Увлекался – да, но люблю – впервые. Их привлекает новизна! – говорил мне один, – им хочется быть первой.

– Я, наоборот, говорю, что любил, много любил, но так, как люблю теперь, еще не любил никого, – говорил мне другой, – я много жил: их привлекает любопытство. Я многих любил. Женщине хочется быть победительницей над всеми предшественницами.

А мой добрый друг г. С. отвечал мне:

– Все вздор. Не верьте ничему. Вы помните красавицу О.? За ней гонялись сотни, а я имел успех. За наш первый ужин я заплатил в ресторане 600 р. Вот и вся разгадка успеха. Она считала меня богачом. И так все.

Надо вам сказать, что в то время, когда я надоедал всем вопросами о системе, я был влюблен в одну прехорошенькую блондинку, которая меня теперь ненавидит от всей души.

Я тут же применил все системы.

Я льстил ей – она стала охотнее со мной разговаривать.

Я притворялся разочарованным и погибающим – она меня жалела.

Я кинулся к ее ногам – она оттолкнула меня и сказала просто, строго и спокойно:

– Чтоб это было в последний раз. Иначе я попрошу вас не бывать.

Я читал стихи – она слушала с удовольствием.

Я то говорил, что никогда не любил, то уверял, что много любил в жизни, – она выслушивала меня с интересом.

Но когда я сказал, что у меня в Черниговской губернии умер богатый дядя, – я имел успех.

Свадьба по объявлению

«Повесть страшна и достопамятна»

(М. Грек. – Прим. ред.)

Эта история так же коротка, как и жалостна.

Достаточно вам сказать, что было такое счастливое время, когда я еще не знал о существовании моей теперешней супруги.

Кажется, какого, с позволения сказать, черта мне нужно было еще от жизни?!

Нет, меня, видите ли, заинтересовало Панамское дело!!!

Зачем меня научили читать?!

– Эта Панама всегда доведет до гадости! – как говорил Корнелий Герц, кладя в карман триста украденных тысяч.

Читая одну из одесских газет, я однажды наткнулся на четвертой странице на такое объявление (тогда они еще не были запрещены):

«Молодая интеллигентная девушка хочет выйти замуж за молодого обеспеченного человека. Письма с фотографическими карточками просят адресовать на буквы X. Y. Z., до востребования».

Объявление, как видно по цифрам внизу, сдано на 5 раз. В нем 20 строчек.

– Эта молодая интеллигентная девушка, – сказал я себе, – должно быть, добродетельна: имея 10 рублей в кармане, она не поспешила растратить их на какие-нибудь перчатки, а истратила на объявление. Затем, она, должно быть, недурна собой – иначе печатание таких объявлений было бы бросанием денег за окошко. Очевидно, она не заражена особенными пред-рассудками, если ищет жениха по газетам. И, кроме того, обладает огромным достоинством: у нее нет родителей – иначе бы они не позволили ей печатать объявление. Чего же мне больше желать?

Я написал письмо на литеры X. Y. Z. и отправил со своей фотографией до востребования.

О, зачем меня выучили писать!!!

Карточка понравилась, и я получил приглашение явиться лично.

В маленькой хорошенькой комнатке маленькая хорошенькая девушка объяснила мне, что умершая год тому назад мамаша изо

всех денег, оставленных покойным папашей, сберегла дочке всего 1000 руб.

Из них она 10 рублей истратила на публикацию.

Это так меня тронуло, что я тут же кинулся к ее ножкам, – тем более что и ножки были маленькие и хорошенькие.

Через две недели я был несчастлив – другими словами, через две недели я был уже женат.

О, проклятый дурак! Когда вспомню, что тогда я благословлял даже Панаму и Лессепса, благодаря которым я наткнулся на это отвратительное объявление!

Моя маленькая супруга, взятая мною с четвертой страницы газеты, была страстной патриоткой.

Она любила свою четвертую страницу и читала ее всю, с начала до конца.

На этой странице печатаются одни гадости!

– Коко! – говорила она мне. – Какое интересное объявление: «Молодая девушка, опытная, элегантная камеристка, умеющая хорошо ходить за госпожой, ищет хорошего места, не дешевле 25 руб. в месяц. Адрес там-то». Коко, это находка! Моя Аннушка никуда не годится. Она дерет мне волосы и, кроме того, беспрестанно колет булавками.

– Но, мой друг...

– Как? Вы хотите, чтоб ваша жена была плешивою и ходила вся исколотая булавками?

– Нет, но 25 рублей в месяц!!

– Зато опытная, хорошая и еще вдобавок, как сказано в объявлении, элегантная камеристка!

– Мой друг, можно ли верить газетным объявлениям?!

– Что-о? Это уж не камешек ли в мой огород? Милостивый государь, вы не должны забывать, что женились по объявлению!

И я же, дурак, должен был не только немедленно ехать за камеристкою, но и заглядывать в проклятую четвертую страницу, – где продаются лучшие конфеты, чтобы успокоить расхолодившиеся нервы «супруги с четвертой страницы».

О, сколько раз я рвал на себе волосы за то, что интересовался этой проклятой Панамой!

Каждый день на четвертой странице открывалась какая-нибудь Америка.

– Коко! Какой случай обновить нашу обстановку!

– Но она и так вся новая!

– Да, но гостиная крыта не синим штофом. А тут вся резная ореховая за 800 рублей! Это бесценно! Продается за отъездом. Надо пользоваться такими объявлениями.

Мы покупали гостиную.

– Коко! Дирекция публикует, что все ложи бенуара на сегодняшнюю итальянскую оперу уже проданы. Очевидно, там будет весь свет! Торопись купить хоть ложу бельэтажа!

Я покупал ложу.

– Ах, какая прелесть!

– Что случилось?

– У одного господина оценилась собака, и теперь продаются щенки, настоящий сенбернар. Ах, мне еще с детства хочется иметь сенбернара!

Я ехал к господину, спрашивал:

– У вас оценилась собака?

И покупал щенят-сенбернаров, которые, подрастая, превращались в дворняжек.

Иногда мы пускались в филантропию.

– Ах, Коко! Я сделала доброе дело и плачу!

– Что такое?

– Отдала 200 рублей бедной вдове.

– Какой вдове?

– Ах, я забыла фамилию, но ты можешь видеть ее на четвертой странице сегодняшней газеты.

– Матушка!!!

– Ах, Коко! Бедная вдова взывала! Так и напечатали: «Бедная вдова взывает к добрым людям и просит одолжить ей 200 руб-

Модная шляпа «Наполеонъ».

лей, которые обязуется уплачивать по частям». Кроме того, там было сказано, что у нее 7 человек детей, – но детей я не видала: вообрази, их взял суровый домовладелец.

– Да на кой же они черт суровому домовладельцу?

– А это, знаешь, как в древности, – в виде заложников. Домовладельцы еще сохранили дикость нравов. Вдова взывала.

На следующий день взывающая вдова приезжала к нам, пьяная, на лихаче, благодарить.

Иногда мы просто ревели.

– Надя, что с тобой?

– Ах, вообрази, Коко, какое объявление! «Муж и малолет-

ние дети с душевным прискорбием извещают – первый о кончине своей горячо любимой жены, а вторые – нежной матери». Ах, Коко, какое это, должно быть, несчастье: внезапно потерять горячо любимую жену и нежную мать! Ты будешь обо мне печатать душевное прискорбие?

Тьфу!

Меня заставили застраховать свою жизнь, потому что общество «Урбен» каждый день публикует о необходимости такого страхования, съездить вместе с супругой в какой-то вновь открытый музей восковых фигур и купить по случаю 4 ящика мандаринов.

Требовали еще, чтоб я купил продававшуюся «ввиду прекращения охоты» малоезженную полуколяску на лежачих рессорах, но тут я сказал:

– Баста! Довольно!

Тогда меня начали допекать объявлениями:

– Вообрази, та приезжая молодая девушка, которая публиковала два раза о желании выйти замуж, больше уже не публикует. Какие есть счастливицы: с двух раз уж вышла, а я с пяти. Только

будет ли счастлива?.. А вот какой-то солидный господин хочет жениться, богатый, и обещает сделать жену счастливою. Ведь выйдет же какая-нибудь счастливица за богатого, и он сделает ее счастливою.

– Надя!!!

– А вот какая-то Мавра Сидоровна скончалась. Счастливица! Ах, зачем я не Мавра Сидоровна, и зачем я не скончалась?!

Иногда мы мечтали:

– Не поехать ли в Ниццу? Отель «Лувр», на самом берегу моря, публикует, что есть комнаты от 5 до 40 франков. Это баснословно дешево.

Но чаще мы просто говорили:

– Коко, дай денег! Madame Антуанет публикует, что только что вернулась из-за границы и привезла новые модели.

Я не стану перечислять вам этих ежедневных мучений, которые доставляла мне проклятая четвертая страница!

Буду краток.

Однажды, вернувшись домой, я застал какого-то молодого брюнета.

– Коко! Позволь тебе представить! Тот самый молодой человек, который, помнишь, одновременно со мной публиковал, что ищет место домашнего секретаря или чтеца у одинокой особы. Мы в одно время сдавали объявления и познакомились в конторе газеты.

Через неделю мне говорили:

– Коко! Отчего бы тебе не взять этого молодого человека к себе в секретари? Он такой бедный, что у него нет даже денег больше на публикации.

Вы догадываетесь о конце, а я вам доскажу только финал.

На проклятой странице ежедневно красуется объявление:

«Молодая, красивая, независимая женщина желала бы ехать за границу».

Следует новый адрес моей супруги.

Зато и я каждый день печатаю:

«Одинокий господин ищет молодую экономку».

На праздниках

Из рассказов «самой»

Началось честь честью. Авдей Прохорович фрак надел, две гвоздичины для запаха съел и начальство целовать поехал.

А я в директорском платье в зале села визитеров принимать и ветчину есть зачала. Спервоначала меня свои, все свои целовали: кухарка целовать приходила, няня полоумная да две горничные и приказчики.

Из оных Трифон пронзительнее других. Про этакие поцелуи я только у господина Немировича, который Данченко, читала. Я даже ему заметила:

– Довольно испанисто!

– Это вы, – говорит, – Фекла Евстигнеевна, верно. Потому хотя я и Сидоров, но душа у меня испанская, ко всякому испанскому занятию страшное пристрастие имею и даже давно в мыслях ту мысль содержу, чтобы роман из испанской жизни написать, но только ожидаю того времени, когда в Москве такая газета откроется, где бы грамотности не требовалось. Чего, – говорит, – читая московские газеты, надеюсь в не весьма продолжительном времени и дожждаться.

Потом пошли меня целовать посторонние. Которые услужающие. Полотеры целовали, а опосля полотеров – банщики, а опосля – банщицы. А потом целовали дворники и городовые.

Один унтер даже речь держал:

– Оттого, – говорит, – я вас целую, что вы у нас на хорошем счету.

– Рады, – говорю, – стараться!

Не умею я, признаться, с начальством разговаривать. Одначе велела им по полтине дать.

А опосля всех этих целовальщиков, которые берушие, настоящий визитер пошел. Спервоначала кум был Тимофей Саввич.

– Честь, – говорит, – имею и проч.

У этого разговор небольшой, потому у него рот не тем занят: у него рот либо ест, либо пьет. И уж опосля пошел гость разговорный.

Спервоначала новоизбранный гласный один, из купечества, приезжал. Целовал и практиковался: руку за пуговицу, в позицию встал и начал:

– Не знаменательно ли, – говорит, – сие, что вы, супругой подрядчика будучи, тем не менее, заготовили всю сию снедь хозяйственным способом? И не есть ли сие прямое указание на то, что хозяйственный способ есть способ наиболее разумный?! Ибо что, – говорит, – было бы, если б вы, уклонившись от хозяйственного способа заготовки провианта, сдали подряд на поставку праздничного стола с вольных торгов подрядчику?

– Что это вы, – говорю, – нешто это бывает?

– Дозвольте, – говорит, – не прерывайте: я практикуюсь. И неприменителен ли, – говорит, – сей хозяйственный способ не только в заготовке продуктов для праздничного стола, но и к ассенизации городов?!

Тут я, признаться, даже плюнула.

– Дозвольте, – говорит, – не прерывайте: я практикуюсь. И не почтить ли, – восклицает, – нам достойную Управу Евстигнеевну за ее хозяйственный способ очистки обеденного стола вставанием?

Встал и вышел. Прямо надо говорить, человек зарапортовался. Не люблю я этих гласных визитеров: очинно речью допекают. То ли дело адвокат Щелкоперов! Трижды поцеловал и спросил:

– А виновен ли, – говорит, – я буду, если Феклу Евстигнеевну в четвертый раз поцелую? Нет, – говорит, – не виновен, ибо буду действовать в состоянии запальчивости, без заранее обдуманного намерения и корыстной цели, а единственно в состоянии аффекта.

И еще раз поцеловал.

И так до десяти раз себя оправдывал. Ах, какой адвокат! Всякого оправдает. Кажись, мужа зарежешь, только бы послушать, как он тебя обелять будет.

Опосля адвоката пошел гость пресмыкающий. Который кормится. Сперва репортер пришел.

– Целоваться, – говорит, – целуетесь?

Одначе я воздержалась. Поцелуешь его, а он тебя в газетах панамить будет: «Имели, – мол, – нитервью с такой-то, и целуется она весьма недурно».

– Нет, – говорю, – целоваться не буду, а вот скушать вы – что вам по положению следует – скушайте и из жидких напитков себе удовольствие сделайте.

Народ строгий и во всем порядок любит. Вот актер, тот народ просто пьющий.

Приходил один, который в любовниках состоит, только у кого – неизвестно. Ни слова не говоря, меня за затылок и за подбородок взял. Я даже глаза закрыла. Думала, что он меня по лицу щеткой бьет. А он, оказывается, трижды небритой бородой поцеловал.

– Вот что, – говорит, – Тёкла!

– Какая я вам, – спрашиваю, – Тёкла, ежели я Фекла Евстигнеевна.

– Так, – говорит, – драматичнее. Давно я тебе, Текла, сказать хотел. Грабь мужа и поедем театр снимать.

Ах, какое об нашей купеческой сестре мнение! Будто мы всегда мужа грабить согласны!

– Ты, – говорит, – будешь моей гордостью, моей славой. Ты, – говорит, – взойдешь на сцену королевой, сойдешь с нее королевой, да так и останешься королевой. Ты, – говорит, – такая гранд-дам...

Тут я его обрезала, потому что с пансиона помню французский язык и отлично понимаю, что «гранд-дам» значит «толстая женщина».

– Ежели, – говорю, – я и гранд-дам, то смеяться над этим нечего.

Тут, спасибо, кум во второй раз на дню приехал.

– Честь, – говорит, – имею.

– Вы уж, – говорю, – вторую честь сегодня имеете!

Актер взял и дальше поехал. Тут пошел гость угрожающий, потому время к трем пододвигалось.

Санитар приезжал. Таково мрачно-мутными глазами посмотрел:

– Ты это, – говорит, – что же? Холеру, ракалия этакая, разводишь? Это у тебя что?

– Это у меня, – говорю, – ветчина!

– А ежели она ветчина, где же у нее установленная пломба? Какое ты, такая-сякая, имеешь полное римское право ветчину без прописки держать? Ты трихинам пристанодержательствовать? Трихинам?

И весь окорок, как был, унести хотел. Насилу отняли. Видимое дело, человек до исполнения своих обязанностей допился.

А опосля него приютский смотритель, куда муж крупу поставляет, приезжал.

Этот просто кулак казал и говорил:

– В предупреждение!

И отчего, ежели мужчина, то он беспрерывно охальник?

И отчего, ежели ты купеческая жена, то беспрерывно тебя целуют либо бьют?

Даже противно!

Не успел смотритель с кулаками уехать, как кум в третий раз приехал. Не люблю я этих визитов: одни недоразумения.

Спервоначалу все ветчину целовал, потом мыла и бритву потребовал, чтобы окорок начать брить, потому на окороке все-таки щетина, а под конец меня за собственную жену принял и колотить принялся.

– Я, – говорит, – тебе покажу, как с присяжными поверенными целоваться.

Ужли и она с Щелкоперовым?

Больно, а я молчу, потому любопытно, за что он дальше свою жену будет бить.

Одначе любопытного мало, – потому кум только ругался.

Тут я благим матом заорала, и кума вывели.

Опосля гласный опять заезжал:

– У вас, – говорит, – очистка хозяйственным способом?

Вывели.

Потом многих еще выводили и не допускали.

А к вечеру сам приехал, и запах от него – опопонакс.

Посмотрел он на меня, посмотрел.

– Какая, – говорит, – у этой свиньи голова несуразная... Даже противно!

И плюнул.

* * *

На этом записки Феклы Евстигнеевны кончаются.

Через сто лет после смерти

Прошло сто лет с тех пор, как меня нет на свете. Я сам забыл о том, что когда-нибудь существовал. Как вдруг меня вывела из этого забытья игра на кастаньетах.

Около меня стоял господин. Приличной наружности. Скелет – как скелет. Как и у всякого черепа – улыбка удовольствия вплоть до ушей.

– Вставайте, дружище! – крикнул он мне.

И когда он задвигался, кости защелкали, словно какая-нибудь этакая Пепиточка играла на кастаньетах.

Как видите, я даже через сто лет после смерти не потерял своего легкомыслия. Люди умирают, их легкомыслие – никогда.

Но на этот раз я был испуган.

Мы были поверх земли!

– Что случилось?

– Нас беспокоят потому, что через нашу местность проводят железную дорогу. Кладбище отчуждено. Инженеры отчуждили эту штуку с мертвыми, потому что живым пришлось бы платить за отчуждение их владений.

Веселый скелет снова заиграл на своих кастаньетах:

– Свет становится все умнее! Это приводит меня в восторг. Слава Богу, что я умер сто лет тому назад. Теперь все кругом так поумнели, что, того и гляди, останешься без последней рубашки... Посмотрите, как ловко они нас обработали. Ни одного камешка! Все памятники пошли на постройку железнодорожного моста. И деньги за камень вместо половины попадут в инженерский карман полностью... Хо, хо, хо!

– Неужели я умер уж сто лет?

– Хоть справляйте сегодня юбилей. Жаль только, вас некому будет поздравить. Все ваше поколение тоже успело перемереть. Замечательное было поколение – в френологическом отношении. Крепость лба – поразительная! Вот уже два часа, как я его изучаю положительно с восторгом.

– Изучаете?!

– Разумеется. Теперь все это видно как нельзя лучше. Все косточки наружи. Если хотите, вы можете тут увидеть многих

из ваших знакомых... Жаль, нельзя узнать, как кого звали. Все беспаспортные. Паспортами у нашего брата, покойника, называются памятники. А они, как я вам уже докладывал, пошли на постройку железнодорожного моста. Надо думать, что он когда-нибудь провалится с целым пассажирским поездом, и долг кладбищу будет, таким образом, заплачен. Но все-таки жаль, что нет памятников. Имена узнать невозможно, но профессии определить вам я берусь.

– Профессии?

– По костям. Всякое профессиональное канальство сидит у человека в костях. По скелету можно отличить адвоката от поэта, как волка от простой собаки, которая только и делала, что выла на луну. Вам угодно?

– Это интересно.

– Вашу руку, любознательный скелет, и идемте. Я не буду обращать внимания на черепа, так как доложил уж вам, что все они удивительно крепколобые! Общее их качество, как характеристика века. Но прочие кости рисуют прелюбопытные детали. Как вы думаете, кем мог быть при жизни этот длинновязый скелет? Клянусь его пустою головою, что пшютом. Посмотрите, как ослабился его череп. Улыбка недоумения: «Как это я – и вдруг все-таки заплатил хоть один долг... природе?». Пара вставных зубов. Были выколочены при жизни в маскарадном скандале. Зубы оправлены в золото. Ого! Если б знали об этом кредиторы – в утешение они описали бы и продали хоть эту пару зубов. Длинные ноги, созданные для того, чтоб носить полосатые панталоны. Маленькие котелки. У бедняги голова всю жизнь была в корсете! Было бы странно требовать развития... Зато посмотрите на развитие некоторых костей у этого скелета. Какие должны были быть бедра?! Держу пари, что это была опереточная певица. В ваше время все с хорошими бедрами шли в оперетку. В ваше время талантов не зарывали в землю! Как талантливо, вероятно, она шевелила этими бедрами! А обратите внимание на истинно грандиозное развитие грудной клетки. Судя по этому, она имела грандиозный успех и во все горло ругала своих соперниц. Немножко подгуляла ножка. Но со сцены она казалась малюсенькой: смотрите, как изломали ее высокие каблуки. Но нам,

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Въ газетѣ принимаютъ участіе следующие сотрудники: А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman), П. Л. Боборыкинъ, А. С. Бориничъ, Н. И. Борисовъ, Н. В. Вуглаковъ, И. Ф. Васильевскій (Буква), князь М. В. Волосовскій, А. И. Вейсбергъ, А. К. Гермогеновъ (Финикъ), С. Т. Гермо-Виноградскій (Баронъ Вессъ), Я. М. Готбергъ, М. П. Голдсбергеръ, П. Л. Гроссманъ-Толстой; В. М. Дорошевичъ, Дядя Вася, К. А. Дежкинъ, Н. В. Желиховская, П. А. Зеленый, В. И. Ивановъ, Юрій Каво-Бекъ, И. М. Крайслеръ, П. Кузнецовъ, С. В. Лааровичъ, В. И. Луничскій, Ольга Лурье, В. И. Модестовъ, Л. Л. Морозовъ, Ф. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, С. И. Платкинъ, А. С. Понадиондо, Н. М. Трегубовъ, Е. Л. Скало, М. Ф. Ставраки, А. А. Сангагано-Горлакова, Д. В. Федоровъ, А. И. Черкасъ, А. Чинчишвили, И. М. Хабиловскій, А. А. Шкловскій, Ольга Шамиръ, князь М. Л. Шаховской, И. В. Шкловскій (Дюне), А. А. Ярошко и др.

Подписная цѣна газеты

Въ ОДЕССѣ: съ доставкой на домъ	НА ГОРОДѣ: съ перес. по почтѣ:
На годъ . . . 10 р. — к.	На годъ . . . 12 р. — к.
» полгода . . . 6 » — з.	» полгода . . . 7 » — з.
» 3 мѣсяца 3 » 50 з.	» 3 мѣс. . . 3 » 80 з.
» 1 мѣс. . . 1 » 20 з.	» 1 мѣс. . . 1 » 30 з.

За границу изъ иностранной цѣны прибавляется по 60 к за каждый мѣсяць. За пересылку иностраннаго адреса взимается 20 коп. Въ розничной продажѣ 5 к. За газеты съ листомъ рисунковъ.

Журнала газеты въ Одессѣ,
въ ономъ редактора-издателя П. В. Назаровскаго.

видите, – валяется около его шеи. Его даже похоронили с медалью. Жаль, что нет памятника. Из него бы мы наверное узнали, что покойный был коммерции советник, человек высокой добродетели и тысячи других глупостей, которые каменщики высекают за плату на чьем угодно памятнике... До свидания, ваше степенство!.. Перейдемте к другому скелету. Этот будет поинтереснее. Смотрите на эту искривленную спину, впавшую грудь, выдающиеся колени, искривившиеся пальцы правой руки. Этот человек, по крайней мере, провел полжизни, сидя за столом. Пари, что это был писатель!..

– А может быть, простой писарь?

– Никогда! Вы обратите внимание, как развита ступня. У писарей нога маленькая. Они сидят и получают жалованье. Тогда как литераторам приходится по сорока раз бегать за гонораром. Такие ноги бывают только у литераторов, почтальонов и балерин, – вообще у тех, кому приходится много работать ногами... Интересно было бы знать, что он писал. Посмотрим череп: это был сатирик. И даже очень недурной сатирик, потому что ему сильно дали в ухо. Он писал зло, остро, – посмотрите, как ему еще проломили голову. Он бил людей бичом сатиры, а его, по всей вероятности, – палкой. Ого! Трещина около виска. Хотите спорить,

кто знает, быть может, он изболочил наш знакомый купеческий скелет или вот этого адвоката.

– Вы думаете, что этот принадлежал адвокату?

– Обязательно, и даже очень хорошему адвокату. Посмотрите, какое искривление правой руки. Много надо набить всяких кляуз в портфель, чтобы он был способен даже искривить руку. Обратите внимание на спинной хребет. Какая гибкость! Это сталь, а не кости. Это кости превосходного качества. Не то что вот у этого господина! Бедный коммивояжер...

– Почему?

– У него нет руки, ноги, переломы и, в конце концов, даже голова лежит отдельно. Кто же, кроме коммивояжера, мог столько ездить по железным дорогам?

– В таком случае, и этот тоже был коммивояжером?

– Разбиты кости правой руки и переломлено несколько ребер. Нет. В Англии это был бы скелет боксера. У нас – актера. На сильно драматические роли! Как он ломал Гамлетов, Макбетов, Отелло, Велизариев! Как бил себя кулаком в грудь! И видите, что из этого вышло. Он, несомненно, был героем дам, так же, как и этот маленький скелетишка с искривленными ногами. Это жокей, верховой ездой испортивший ноги своему скелету. Как он мошенничал. И смотрите, хотел задержать лошадь, она споткнулась, он полетел. Видите, как разбит череп.

– В таком случае, и этот господин с искривленными ногами?..

– У него колена искривлены вперед. Это большая разница. Это от ежедневного сиденья в театре. Смотрите, у него раздавлены кости пальцев на ногах. В ваше время проходы в креслах были чересчур узки, и зрители ходили друг у друга по ногам. Наконец, смотрите, какое феноменальное развитие костей около ушей... Очевидно, ушами он отличался от прочих смертных. Несомненно, это был музыкальный рецензент. Довольно, однако, холостых скелетов. Вот целое семейное отделение. Ого, как скрючен весь муж! Бедняге приходилось много корпеть на службе и вечеровых занятиях. Но зато у него была превосходная супруга. Смотрите, какая это должна была быть пышная женщина! Я понимаю, что любовник пустил ей пулю в лоб...

– А может быть, она сама?

– Может быть, она сама из-за любовника. В таких случаях возможны две версии. Однако сразу видно, что она тут лежит не так давно, как он. Это была премилая вдовушка и, судя по тому, как он скрючен, с состоянницей, оставшимся после мужа...

– А этот маленький скелет?

– Ребенок лет десяти, которого он называл своим. Вероятно, он умер потому, что нянька перепутала лекарства в то время, как мать плясала на балу...

Веселый скелет щелкнул кастаньетами на мотив какой-то польки.

– Но вы? Сами вы кто такой?

– Я? Я был при жизни сочинителем глупейших теорий, вроде распознавания людей по костям. Но если б вы знали, сколько ученых обществ состоял я за это почетным членом!

Веселый скелет так щелкнул кастаньетами, что я... проснулся.

Я не умирал. Меня не хоронили. Никаких ста лет не проходило.

Если хотите даже, я ничего подобного не видал и во сне.

Сударыня, не бойтесь спать одна и не зовите вашего мужа.

Таких страшных снов не бывает. Они выдумываются фельетонистами, когда не о чем писать.

Одесский альманах

На 1896 год (год второй)

Изд. Ю.И. Сандомирского

Успех первого выпуска «Одесского альманаха», превзошедший наши ожидания, побуждает нас приступить к изданию его и в текущем году. Ознакомившись с потребностями читателей, с нуждами публики, мы признаем необходимым расширить программу нашего «Альманаха» и сделать его справочную книгою не для одной только Одессы, но и для всего Юга.

В таком справочнике чувствуется давно уже настоятельная необходимость. Поэтому мы в «Альманахе» на 1896-й год введем подробные сведения о четырех губерниях Новороссии. Так как ее промышленная и экономическая жизнь тяготеет к двум крупным торговым центрам – Киеву и Харькову, то мы отведем место и для статистических данных о Киевской и Харьковской губерниях.

В областной отдел нашего «Альманаха» войдут следующие сведения:

1). Статистические данные о населении, торговле, о производительных силах губерний Херсонской, Бессарабской, Таврической, Екатеринославской, Харьковской и Киевской.

2). Адрес-календарь этих же губерний, заключающий в себе указания и перечень наличного персонала, административных, судебных и общественных установлений.

3). Справочные сведения о выдающихся конских заводах, о семенных хозяйствах, об экономиях, занимающихся разведением племенного скота, для сбыта производителей, о главнейших складах машин и сельскохозяйственных орудий на Юге.

Таким образом, наш «Альманах» будет служить справочником не только для горожанина, но и для южнорусского сельского хозяина.

Вторую часть «Одесского альманаха» составит литературный отдел, в который войдут повести, рассказы, очерки, стихотворения, а также статьи, касающиеся прошлого и настоящего как Одессы, так и нашего Юга, ее истории, экономической и общественной жизни. Мы заручились уже согласием местных и столичных литераторов и ученых принять участие в нашем деле. Редактирование этого отдела принял на себя В.М. Дорошевич.

Кроме того, в нашем «Альманахе» помимо календарных и всякого рода сведений об Одессе мы отведем широкое место обзору всего выдающегося области науки и искусства и дадим несколько статей, посвященных театральной и музыкальной жизни Одессы, художественным и техническим выставкам и т. п.

Принимая во внимание, что подаватели объявлений заинтересованы в наиболее широкой огласке их, мы со своей стороны приняли меры к удовлетворению этих совершенно основательных желаний объявителей. С этой целью мы раздадим бесплатно «Альманах» в гостиницы гг. Одессы, Киева, Харькова, Херсона, Николаева, Елисаветграда, Екатеринослава, Симферополя, Севастополя, Кишинева и Аккермана. «Альманах» будет находиться, кроме того, на каждом из пассажирских пароходов Русского общества пароходства и торговли и Общества Черноморско-Дунайского пароходства.

Таким образом, подаватели объявлений могут быть уверены, что публикации их получат самую широкую огласку.

В заключение не можем отказать себе в удовольствии привести следующие отзывы газет о первом издании «Одесского альманаха» на 1894/5 год.

«...Одесса в столетнюю годовщину своего существования обогатилась новым периодическим изданием – «Одесским альманахом». Для нового справочного издания избрана форма календаря, одну половину которого занимают справочные сведения, другую – проза и поэзия в произведениях современных беллетристов и ученых. Справочные сведения собраны весьма

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„ОДЕССКІЙ АЛЬМАНАХЪ“
НА 1895/6 ГОДЪ.

Цѣна книги по подпискѣ:

На глазированной бумагѣ въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ . . . . . 2 р. — к.
На обыкновенной бумагѣ въ папкѣ . 1 „ 50 „

ОБЪЯВЛЕНІЯ
ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ
„Одесскомъ Альманахѣ“
НА 1895/6 ГОДЪ

принимаются по слѣдующей цѣнѣ:

1 страница послѣ текста	40 р.,	вперед текста	60 р.
1/2 „ „ „	20 „	„ „ „	35 „
1/4 „ „ „	10 „	„ „ „	18 „

Въ адресномъ отдѣлѣ — за мѣсто, занимаемое строкою узкаго корпуса . . . . . 1 р.

Обращаться въ Редакцію „Одесскаго Альманаха“.
Одесса, Кузнечная ул., ур. Спиридонов., д. Сутягина.

тщательно и изложены с необходимою полнотою для жителей Одессы как торгово-промышленного центра Юга России. Отдел прозы и поэзии составлен из ряда произведений, посвященных преимущественно жизни Одессы и побережья Черного моря. Большая часть литературных произведений принадлежит перу местных одесских беллетристов, журналистов и ученых. Ряд таблиц с портретами выдающихся современных деятелей на поприще государственной службы, науки и искусства является ценным дополнением к «Альманаху»... Общая редакция новой справочной книги производит хорошее впечатление. В будущем году обещана книга вторая «Одесского альманаха». Небольшая цена книги – 2 р. – при ее солидном объеме и содержательности делает ее вполне доступной для большинства интеллигентного и промышленного населения Юга России» («Новое время», 1895 г. № 6832).

«...г. Сандомирский обогатил книжный рынок совершенно своеобразным изданием, удовлетворяющим в полной мере требованиям пользы и отличающимся в то же время немалыми достоинствами в литературно-художественном отношении. Мы говорим об «Одесском альманахе» на 1894-1895 год, солидной книге в 520 страниц, заключающей в себе массу полезных справочных сведений, немало литературных произведений: рассказов, мемуаров и стихотворений, принадлежащих перу известных на Юге литераторов и журналистов, и несколько листов прекрасно выполненных портретов выдающихся деятелей на поприще государственной и общественной деятельности.

Не перечисляя в подробности все многочисленные достоинства этого бесспорно полезного издания, мы не можем не выразить уверенности, что «Одесский альманах» приобретет обширный круг читателей и сделается настольной книгой не только в каждом деловом кабинете, но найдет себе подобающее место и в любой гостиной, и в будуаре» («Ведом. Одесского градонач.», 1894 г. № 278).

«Как раз на праздники поспел подарок одесситам.

Нечто в роде сюрприза к елке.

«Одесский альманах» действительно явился для Одессы сюрпризом.

Трудно было ожидать, чтобы такое издание могло быть принято в Одессе.

Здесь все рассчитано на объявления. Издатель наберет побольше объявлений, приложит какой-то хлам к этим объявлениям – и «книга» готова.

Совершенно иное впечатление и по наружному своему виду, и по внутреннему содержанию производит издание Ю.И. Сандомирского.

Во-первых, одесситам предлагается действительно чудно исполненный альбом портретов.

...Издание Ю.И. Сандомирского станет, вероятно, настольной книгой для одессита, и всякий убедится в том, насколько это издание отвечает своему назначению и не нуждается в рекламах.

Для коммерческих и вообще деловитых лиц этот «Альманах» будет необходимой справочной книгой.

Кроме обычных календарных сведений здесь сгруппировано все, что может интересовать обывателя и чего нельзя найти в этом году ни в одном таком издании.

...Вообще, одесский «Альманах» составлен прекрасно.

Это не только изящная книга, могущая служить украшением любой гостиной, но и прекрасное справочное издание, очень полезное, очень полное и очень умно составленное.

«Одесский альманах» прославит своего издателя и... дружбу одесских журналистов» («Одесские новости», 1894 г. № 3160).

«Вчера поступил в продажу и получен в кабинете для чтения при редакции «Одесского листка» «Одесский альманах», изданный Ю.И. Сандомирским. Это очень солидный и объемистый труд с богатым справочным отделом обычных календарных сведений и в особенности полно и всесторонне обработанным отделом судебных справок всякого рода. Но кроме этих отделов «Альманах» украшен обширным литературным отделом, в котором фигурируют почти все местные журналисты и многие столичные писатели. К этому же отделу приложена масса портретов местных деятелей на всевозможных поприщах...» («Одесский листок», 1894 г. № 329).

«Одесса получила отличный праздничный подарок:

«Одесский альманах».

Надо сказать правду, такого роскошного справочного календаря не имеют ни Москва, ни Петербург.

Это полно, широко и интересно составленная книга... Альманах дает массу полезных сведений... Альманах вызвал уже общий восторг гг. хроникеров...

Редактору «Альманаха» поднесли титул одесского Бисмарка.

Он «объединил» одесскую прессу.

Это потруднее объединения Германии...

В общем, «Альманах» – очень разнообразная по содержанию книга...» («Одесский листок», 1894 г. № 330).

Фельетоны

Власъ Михайловичъ Доросевичъ. (Изъ записокъ его литературной деятельности).

Американский рассказ

Вы хотите от меня американского рассказа?

Извольте.

В один день – впоследствии для многих прескверный день – мистер Самуил Смайлс, молодой джентльмен, занимавшийся репортерством по 1,5 цента от строки, сказал своему другу мистеру Круксу, занимавшемуся тем же:

– А ведь знаете ли, почтеннейший, мы ведем чрезвычайно негигиеничный образ жизни!

– Пожалуй! – согласился мистер Крукс.

– Во-первых, это ужасно вредно ходить так много пешком. Я думаю начать ездить на своих лошадях. Это гораздо полезнее. Затем, это чрезвычайно действует на нервы – каждый месяц думать, чем заплатить за квартиру. Я полагаю выстроить лучше свой дом. Тогда не нужно заниматься такими мелочами!

– Гм!.. – сказал мистер Крукс, несколько подозрительно всматриваясь в лицо своего друга. – А на какие, если позволите спросить, средства вы думаете завести все это?

– Я думаю начать издавать газету!

– Ах, газету! А много у вас денег на газету?

Мистер Самуил Смайлс с полным доверием выложил перед изумленным мистером Круксом решительно все, что у него заключалось в бумажнике, кошельке, портмоне и восьми карманах:

– 45 центов!

Мистер Крукс подвинулся поближе к окну.

– Ну, а почему же вы предполагаете, – спросил он уже не таким твердым голосом, – почему же вы предполагаете продавать номер вашей замечательной газеты, чтоб построить на эти деньги дом и купить хоть очень подержанных лошадей?

– Я буду раздавать свою газету даром!
Тут мистер Крукс, хотя он и был не из трусливого десятка, смертельно побледнел и выпрыгнул из окошка с криком:
– Спасите!
– Что случилось? – спросили мистера Крукса в кафе, в которое он забежал бледный, с растрепанными волосами и блуждающими глазами. – Что случилось?
– Кто-то из нас, или я, или Самуил Смайлс, сошел с ума! Или мне слышится, или он действительно говорит удивительные вещи! Кто из нас тронулся – я еще пока не знаю. Но что один из нас сошел с ума – это не подлежит сомнению!
Его выслушали.
И так как издавать без денег газету и раздавать ее даром собирался не мистер Крукс, – то все решили, что мистер Крукс, слава Богу, здоров, а помешался не кто иной, как мистер Самуил Смайлс.
В этом почтеннейшая компания убедилась окончательно, когда появились плакаты мистера Самуила Смайлса, в которых он извещал публику, что действительно собирается даром раздавать ей газету.
А один бакалейный торговец даже отправился в контору этой газеты:
– Я никогда не видел сумасшедших! – пояснила эта добрая бакалейная душа.
– Здравствуйте! – сказал он не без робости мистеру Самуилу Смайлсу.
– Здравствуйте! – весело ответил ему мистер Самуил Смайлс.
«Гм! Мы сейчас позабавимся!» – подумал про себя бакалейщик и добавил: – Я бы хотел посмотреть, как это даром раздают товар! Не позволите ли мне газетку?
– С удовольствием. Хоть десять номеров!
– Даже десять?!
– Хоть сто. Вы будете раздавать ее своим покупателям. Хотите, я буду вам давать каждый день?
– Это чтоб ходить к вам каждый день? Нет уж, покорнейше благодарю... Мне того... своя голова...
– Зачем ходить? Я вам буду посылать ее на дом!

– А кто же будет платить посылному? Я не так богат, как вы, мистер Смайлс! – сказал бакалейщик, едва удерживаясь, чтоб не прыснуть со смеха.
– За доставку буду платить я!
После этого, как потом рассказывал сам бакалейщик, он едва нашел, где выходная дверь.
И, придя домой, он сказал своей жене:
– Помни этот день, мистрисс! Сегодня ваш муж подвергался смертельной опасности! Я целый час беседовал один на один с человеком...
– Который хотел вас убить, сэр?
– Нет, который хочет не только даром рассылать газету, – но и сам платить за доставку!
К вечеру у бакалейщика был даже небольшой жар.
Так прошло несколько месяцев.
В один прекрасный день мистер Крукс едва не слетел от изумления с тротуара.
Он увидел мистера Самуила Смайлса, который катил на паре рысаков.
– Несчастный сел на чужих лошадей! – подумал мистер Крукс и спросил остановившегося мистера Самуила Смайлса: – Чьи это такие славные лошадки, мистер Смайлс?
– Как чьи?! – удивился и мистер Смайлс, – Я еду, значит, мои!
– Эге! – воскликнул мистер Крукс. – Уж не нашелся ли такой добрый джентльмен, который даром раздает лошадей, как вы газету?
– О, нет! – засмеялся мистер Смайлс. – Такого добряка еще не находилось. Я просто купил лошадей на свои доходы!
– На доходы с газеты, которую вы раздаете даром?
Мистер Крукс на всякий случай отодвинулся подальше.
– А вы забыли про объявления, мистер Крукс?! Нет человека в городе, который бы не имел моей газеты. А потому объявления сыпятся ко мне, как дождь. Всякому хочется печатать свои объявления в газете, которую читает весь город!
И, сказав это, мистер Самуил Смайлс весело расхохотался прямо в лицо мистеру Круксу и уехал.
Мистер Крукс даже забыл, по какому делу и куда он шел.
Он направился в кафе и всех поразил своим мрачным видом.

– Что с вами, мистер Крукс? Уж не собирается ли вас кто-нибудь повесить?

– Нет, джентльмены. Но помните, несколько месяцев тому назад я вас спрашивал, кто из нас двоих полоумный: я или мистер Смайлс? Ну, так теперь это решено окончательно.

– Кто же?

– Я!

Прошло несколько лет, и в один прекрасный день добрый бакалейщик не получил даровой газеты.

– А вы знаете что, мистресс! – сказал он своей жене. – Ведь что-то скучно без этого газетного листа.

– Мне тоже! – ответила почтенная мистресс. – Я, признаться, так к нему привыкла, что прямо словно сегодня не пила кофе!

– Его таки не приносили сегодня, мистресс?

– Решительно не приносили, сэр.

– Значит, мистер Самуил Смайлс или выздоровел, или его посадили в желтый дом. Во всяком случае, надо пойти узнать, что случилось с этим беднягой, который даром высылал газету и платил еще за доставку!

Войдя в контору, добрый бакалейщик лукаво подмигнул конторщикам и сказал, обращаясь к мистеру Самуилу Смайлсу:

– Почтеннейший! Вас надувают! Я сегодня не получил газеты. Приступите-ка того малого, который мне ее носит. Он даром берет у вас деньги.

– Вы и не будете больше получать моей даровой газеты! – улыбаясь по своему обыкновению, ответил мистер Самуил Смайлс.

– Вот это отлично! В то время как я к ней привык! Когда она стала необходима даже моей жене, как чашка кофе!

– Превосходно. Вот поэтому на нее и подпишитесь. Заплатите деньги и будете получать газету!

Добрый бакалейщик почесал в затылке:

– Гм! Если это новое сумасшествие, то дай Бог всякому так сходиться с ума!

– Впрочем, чтоб вас утешить, джентльмен, – рассмеялся мистер Смайлс, – вы будете получать за деньги вместо маленькой большую газету.

– Гм! И вы со всеми так поступили, мистер Смайлс!

– Со всеми, мистер не знаю как вас зовут! Те, кто привык к моей газете, должны теперь получать ее за деньги!

– Знаете что? – продолжал бакалейный торговец, уплачивая деньги и получая квитанцию. – Вы помните, как я пришел к вам в первый раз?

– Помню!

– Откровенно говоря, я приходил посмотреть на сумасшедшего. Тогда как мне стоило для этого посмотреть в первое попавшееся зеркало. Не понять такой комбинации!!!

И бедняга бакалейный торговец изо всех сил ударил себя по лбу.

Годы шли, газета росла, а вместе с ней выросло благосостояние мистера Самуила Смайлса.

Прошло 25 лет.

Почтенные мистеры Крукс и Смайлс встретились однажды на улице.

– Вы помните, что сегодня за день? – веселый, как и 25 лет тому назад, спросил мистер Смайлс.

– Именно? – с недоумением переспросил мрачный мистер Крукс.

– 25 лет тому назад вы выпрыгнули из окна, дружище. Помните?

– Припоминаю.

– А сознайтесь, что вы приняли меня тогда не на шутку за сумасшедшего, когда я заговорил о лошадях и домах? Ну-ка, старый приятель, кто из нас был тогда сумасшедшим: я со своими мечтами или вы со своим неверием?

– Я думаю об этом 25 лет, – мрачно ответил мистер Крукс.

– Ну, и что же?

– И пришел к убеждению, что из нас двоих сумасшедшим... были все-таки вы!.. Вы, мистер Самуил Смайлс, скажите, как бы назвали человека, который сам не знает, что лежит у него в кармане?

– Человеком не в своем уме, мистер Крукс!

– Ну, так вы были им, мистер Смайлс, когда уверяли, что весь ваш капитал заключается в 45 центах. Тогда как ваш капитал, ста-

рый дружище, заключался не в 45 центах, – а в энергии и любви к делу!!! И как вы ухитрились, сохранив весь ваш капитал в целости, создать все это? Для этого надо быть настоящим американцем!

Разве это не американский рассказ?!

Но я вижу улыбку читателя.

Он с первых же строк «открыл Америку»:

– Она находится не особенно далеко от нас!

И угадал, кого зовут мистером Самуилом Смайлом.

Читатель узнал знакомую ему историю «создания газеты», и ему остается вместе с мистером Круксом утвердить за «мистером Самуилом Смайлом» тот титул, которым наградили «мистера Самуила Смайла» уже давно:

– Настоящий американец!

Мы любим и уважаем американцев, потому что ценим в них энергию и любовь к труду.

Барон Икс

«...Но меч положите на мою могилу.

Я был смелым бойцом».

Г. Гейне

В «таинственном» доме, который в Одессе окружен легендами, в бывшей Массонской ложе, в странных пяти-, осьмиугольных комнатах, жил старый «барон».

Дом и жилец подходили друг к другу.

И от того, и от другого веяло романтизмом.

Поссорившись с одним старым другом, «барон» расстрелял его портрет из револьвера и послал записку:

– Ты для меня более не существуешь. Я тебя убил.

– Журнализм – это донкихотство! – говорил мне старый «барон». – Я двадцать пять лет воевал с невежеством, с грубостью, с глупостью. Главное – с глупостью. Расскажавшись на своем Росинанте, вонзал со всего маха копые...

Он, иронически улыбаясь, кивнул на ручку с пером:

– В крылья ветряных мельниц... Ветряные мельницы вертятся по-прежнему – я, разбитый, лежу на земле с выбитыми зубами. «Беззубый фельетонист». Я стараюсь утешить себя: «Приносил пользу». Разве это не тот же глупый «волшебный» бальзам, который делал для себя Дон Кихот! Раны с этого бальзама не проходят. Да и самый «шлем» журналиста? Кажется, я тазик цирюльника принимал за рыцарский шлем!

Кабинет «барона» был уставлен книгами.

Это были публицисты, критики, полемисты шестидесятых годов. Его «рыцарская библиотека».

Указывая на эти книги, он сказал:

– «И погромче нас были витии, да не сделали пользы пером»... Когда я буду умирать и мне скажут: «Барон Икс», – я отвечу: «Барона Икса больше нет, я Герцо-Виноградский добрый!».

Этому старику с рошфоровским коком, с видом бретера, в старомодно повязанном большим бантом широком галстук нравилось сравнение с Дон Кихотом.

– А сколько ошибок! Сколько донкихотских ошибок! Сколько жертв злых волшебников я вообразил себе, тогда как это были обыкновенные плуты и негодяи. Сколько копий сломал из-за них, не подозревая, как смешно мое донкихотство! «Приносил пользу!» Я воюю за служащих Камбье, – знаете, этих кондукторов, кучеров конно-железной дороги. Их эксплуатирует бельгийское анонимное общество, как умеют эксплуатировать только бельгийцы! Они работают восемнадцать часов в сутки. Восемнадцать часов на ногах, не присевши. По праздникам до двадцати часов! Сотням людей сокращают жизнь. Я назвал их «неграми господина Камбье». Сравнение так верно, что иначе их теперь и не зовут. А толк? Господин Камбье разыскивает, кто мог сообщить барону Иксу все эти сведения... И гонит заподозренных служащих. Вы помните мальчика-ремесленника, за которого заступился Дон Кихот – и которого потом за это хозяин выдрал еще сильнее? Да и «общество», во имя которого мы сражаемся! Это Дульцинея Тобосская, которую наша фантазия награждает красотой и всеми совершенствами! Посмотрите на Одессу. О чем она думает, о чем мечтает? Разве это не грубая, безобразная крестьянка? Какое донкихотство считать ее прекрасною знатною дамой, которую только заколдовали злые волшебники и которую можно расколдовать! В довершение сходства с «рыцарем печального обряда» меня уже начинают топтать бараны!..

«Барон»...

Звучное имя «Герцо-Виноградский» существовало только для участка, где он был прописан. Для всех остальных он был:

– Барон Икс.

К нему обращались в разговорах не иначе как «барон». Ему писали: «барон».

Простой народ, обращаясь к нему с жалобами, ища защиты, писал ему на конвертах:

– Его сиятельству барону Герцо-Виноградскому.

«Барон Икс» был то, что называется «горячей головой». Пылкий, увлекающийся, – его жара не охладило даже путешествие по Сибири.

Вернувшись из этого путешествия в Одессу, он сразу сделался кумиром всего Юга.

Он писал смело, горячо, страстно. Ни с чем не считаясь, кроме цензуры, да и с ней считаясь плохо.

Не его вина, что часто истинно пушечные заряды ему приходилось тратить на воробьев.

Это был большой талант! Созданный вовсе не для провинции. Работай он в Париже – его имя гремело бы.

А в провинции... В Одессе... Где газета находится не под одной цензурой – под десятью цензорами, где всякий над газетою цензор. Тут не раскачешься. Тут всякий Пегас скоро превратится в Росинанта.

Это был блестящий журналист. С огромной эрудицией. С хорошим литературным стилем. С настоящим, с огненным темпераментом журналиста. Мы беседовали с ним как-то о журнализме.

– Пренелепое занятие! – смеялся он. – Ко мне сегодня приходил молодой человек. «Желаю быть журналистом». – «Журналистом? Скажите, можете ли вы ненавидеть человека, который вам ничего не сделал, которого вы никогда не видали, имя которого раньше никогда не слышали?» Смотрит, вытаращив глаза: «Как же так?» – «Ненавидеть глубоко, искренно, всей своей душой, всем своим сердцем? Видеть в нем своего злейшего врага только потому, что вам кажется, будто он враг общественного блага? Если да, вы можете быть журналистом. Настоящим журналистом».

Сам он был таким.

Он был «Иеремией» Одессы.

Его «развратная Ниневия» – «пшеничный город», где все продается и все покупается, где высшая похвала:

– Второй Эфрусси!

Где, когда хотят сказать, что человек «слишком много о себе воображает», – говорят:

– Он думает, что он Рафалович!

Точно так же, как в других местах говорят:

– Он думает, что он гений!

– Он думает, что он Бог!

В жизни этой «Ниневи» облитые желчью, написанные огненным стилем пророков статьи – «плач» ее «Иеремии» – играли большую роль.

Его фельетоны были набатом, который будил город, погруженный в глубокую умственную и нравственную спячку.

Он поднимал «высокие вопросы», указывал на высшие интересы, один только кричал о нравственности, о справедливости, когда кругом думали только о выгоде или убытке.

На всем Юге, для которого Одесса является умственным центром, – с нетерпением ждали фельетонов барона Икса.

Много интереса к высоким задачам и высшего порядка вопросам пробудил он, много молодых сердец заставил биться сильнее.

Он обладал огромным нравственным авторитетом.

«В свое время», когда он был молод, силен, в расцвете таланта, вокруг него группировалось все передовое интеллигентное общество Одессы.

Он был кумиром молодежи. И что самое главное – этот суровый человек был кумиром молодежи, не лъстя ей.

На его юбилее один из ораторов, юрист, сказал:

– Вы были обер-прокурором в суде общественного мнения. Ваш кружок – кассационной инстанцией. Много общественных приговоров было отменено как несправедливые по вашему протесту, нравственно-авторитетным решением вашего кружка.

Другой оратор, старый студент, приветствовал «старого барона»:

– Ваша связь с Новороссийским университетом не прерывалась в течение 25 лет. Вы были сверхштатным и экстраординарным профессором нашей *almae matris*. Более влиятельным, чем многие из ординарных и штатных профессоров. Для молодежи вы занимали кафедру «общественных интересов». На ваших фельетонах граждански воспитывалось молодое поколение.

Надо обладать колоссальным талантом, чтобы при условиях, в каких стоит провинциальная пресса, создать себе такой высокий авторитет, каким «в свое время» пользовался этот публицист.

«Его время» длилось лет двадцать. Год войны считается за два. Год войны провинциального журналиста можно считать

за четыре. Та война, которую вел «Барон Икс», была непрерывной севастопольской кампанией, где считался за год месяца.

Это было сверх человеческих сил.

Больной, с разбитыми нервами, чтоб поддержать себя, «барон» прибегал к морфию.

– Я ободрал себе всю кожу, пробираясь через глухую чащу, через терновник, у меня все нервы наружу. Мне все больно! – жаловался старый «барон». – Я живу, я пишу еще только благодаря морфию.

Быстро и ярко сгорел талант.

Тот «барон», мой первый визит к которому я описал в начале фельетона, был уже «бароном» последним журнальных дней.

Он еще сражался, но каждый удар стоил больше ему, чем врагам. Он еще рубил своим старым зазубренным мечом, и раздавались стоны, но это были его стоны, а не стоны врагов.

В это время «барон» напоминал израненного, измятого рыцаря на поле битвы.

Он лежит, он истекает кровью.

А кругом еще жестокая сеча. Стучат мечи о железо щитов. С треском ломаются копыя. Звенят латы грудь с грудью столкнувшихся бойцов.

И в полуистекшем кровью рыцаре сильнее бьется сердце. Он поднимается. Шатаясь, он выпрямляется во весь рост. Обеими руками он заносит над головой тяжелый меч. Но в изрубленных, избитых, измятых руках невыносимая боль, стон вырывается у рыцаря, его меч «бессильно рубит воздух» и со стоном, с проклятием падает раненый. На его глазах в первый раз выступают слезы. Тяжкие свинцовые слезы – слезы обиды, бессилия.

Тяжело было «Барону Иксу» переживать самого себя. Времена переменялись.

Газеты, где он так боролся с «меркантильным духом времени», стали сами делом меркантильным.

Газета из «дерзкого дела» превратилась в ценность, в акцию, на которой, как купоны, росли объявления.

Издатель из пролетария превратился в собственника.

Он щелкал пальцем по четвертой странице и самодовольно говорил:

– Вот они, сотруднички-то! Господа объявители! Печатают в газете свои сочинения и сами же платят! Гривенничек строчка-с! Не от меня-с, а мне-с!

На редакторском кресле сидел господин из Петербурга, выхоленный, вылощенный, истинный петербуржец с девизом:

– Мне на все в высокой степени наплевать!

Редактор с брезгливой улыбкой кромсал этого «кипящегося» Икса:

– Все уж в человеке выкипело. А он все еще кипятится! И чего так кипятиться? Это может не понравиться.

Издатель морщился и, не стесняясь, в глаза говорил:

– Беззубо-с! «Стара стала».

«Барон», привыкший к успеху, избалованный, стонал, жаловался:

– Меня топчут уже бараны. Санхо-Панчо обзавелся своим домком, хозяйством, а меня, разбитого ветряными мельницами Дон Кихота, из милости держит где-то на задворках. И старается об одном, чтоб я не забыл, что валяюсь на чужой соломе.

Эти последние пять лет агонии таланта были скорбным путем. Истинной «Via dolorosa». Дорогой тяжких страданий.

Наступило 25-летие.

И «Ниневия» чествовала своего «Иеремию», плакавшего над нею полными любви слезами и хохотавшего полным рыданий смехом.

«Дульцинея Тобосская» оказалась «прекрасной благородною дамой», которую старому Дон Кихоту удалось расколдовать от колдовства злых волшебников.

Никогда еще ни один русский журналист – «просто журналист» – не удостоивался такого общественного чествования, какое было устроено Одессой старому «барону».

Это было торжество не одесское, не «Барона Икса», – это было торжество русской журналистики, русского публициста. «Только журналиста», «всего-навсего фельетониста» люди, представлявшие собою цвет интеллигенции, люди, убежденные сединой, называли «учителем».

На чествовании «Барона Икса» были представители самоуправления, суда, адвокатуры, профессуры, медицины – все, что есть в Одессе выдающегося и известного.

Со всего Юга летели телеграммы от «учеников» старому «учителю». А вокруг здания, где происходило чествование, стояла несметная толпа народа – тех слабых, которые, не находя нигде защиты, привыкли грозить:

– Пожалуемся Барону Иксу!

Они кричали:

– Ура, Барон Икс!

Говоря потом о своем юбилее, растроганный «Барон Икс» говорил:

– Это были похороны «Барона Икса». Мне не хотелось бы, чтоб его «останки» валялись в газете. Но я – нищий. Я ничего не умею делать – только писать!

Один из добрых знакомых «барона», когда-то непримиримый его оппонент в спорах, бывший одессит, занимающий теперь очень высокий пост, – выхлопотал старому писателю пенсию от академии.

Долго колебался больной старик:

– Я не из тех, кому дают пенсии!

Надо было много увещаний друзей:

– Это не подарок. Это – то, на что вы имеете право.

Скрепя сердце, перешел ветеран в инвалиды и принял пенсию.

Он сложил свое честное перо.

Дон Кихота больше уж не было – был «дон Алонзо добрый»...

Так пять лет тому назад умер «Барон Икс».

На днях скончался и С.Т. Герцо-Виноградский.

Светлый ум погас, благородное сердце биться перестало.

Товарищи, славный боец ушел, доблестный ветеран скончался.

Отдайте ему честь нашим святым оружием – пером.

«Русское слово». 1903, 4 июля

Трагедия

«Я жил тогда в Одессе пыльной».

На даче, на Большом Фонтане.

«Было прекрасное майское утро».

Я сидел в саду и работал.

Как вдруг слышу разговор.

Говорили обо мне.

Дворник, вероятно, с соседней кухаркой.

– Бедный наш барин!

Голос дворника звучал глубокой жалостью.

– Бедный наш барин! Целый день он пишет, а люди потом читают... и смеются!

В тот же день я съехал с дачи.

Большое удовольствие быть дураком в глазах собственной прислуги!

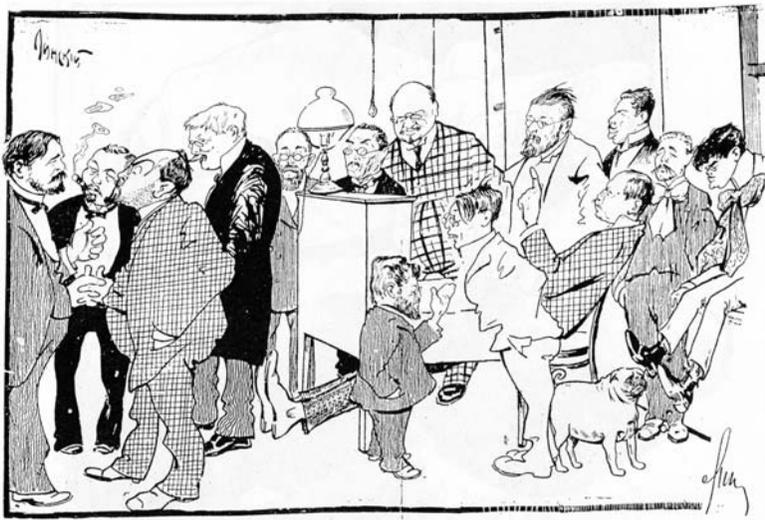
«Солнце России». 1911, № 11

Южные журналисты

Вольное подражание Марку Твену

Доктор послал меня на юг, и я с большим удовольствием принял предложение «Южного тромбона».

Редактор этой почтенной газеты, когда я входил в святилище, называемое редакцией «Тромбона», сидел за письменным столом, уставленным разными безделушками – фунтов по 20 весом каждая – и, поглядывая время от времени на лежащий перед ним заряженный шестиствольный револьвер Смита и Вессона,

Шарж на сотрудников газеты «Одесские новости». Худ. М. Линский

писал статью с таким видом, как будто он вырезывал печенки у живого человека.

– Очень рад видеть вас в числе сотрудников, – сказал он, энергично сжимая мою руку, – очень рад...

Я выразил не меньшую радость.

– Боюсь только, что незнакомство с иными условиями...

– О, вы скоро с ними освоитесь! Для начала просмотрите вот эту дрянь!

Он придвинул ко мне кипу местных газет: «Ежедневное ура», «Самую распространенную», «В участок!», «Гром и молнию» и другие.

И принялся снова потрошить живого человека.

Через полчаса моя статья была готова.

Я писал следующее:

Злобы дня

* * *

«К сожалению, мы должны начать обзор местной печати с указания на ошибку, сделанную нашим почтенным собратом газетой «Ежедневное ура». Ошибку, конечно, невольную и неизбежную при таком спешном деле, как газетное: кандидат Ижицын на вчерашних выборах получил не 2 голоса, как говорит уважаемая газета, а 432, и не «забаллотирован с величайшим позором», а, напротив, как видят читатели, вышел из борьбы с величайшим торжеством. Ни на минуту не сомневаемся, что «Ежедневное ура» впало в эту пустячную ошибку совершенно случайно и, быть может, уже исправляет ее в ту минуту, как мы это пишем».

* * *

«Последняя гололедица, наделавшая немало бед в городе, вызвала появление на свет массы проектов, из которых мы с особенным удовольствием отмечаем проект «Самой распространенной», предлагающей заменить деревянные столбы чугунными.

Основательность этой удачной мысли, пришедшей нашим коллегам из «Самой распространенной», не нуждается в дока-

зательствах. Чугунные столбы действительно, как известно, не подвергаются гниению. Даже если поставлены директорами телефонных компаний под наблюдением членов городской управы».

* * *

«Наш почтенный коллега, г. Чертополохов из газеты «Гром и молния», вчера благополучно возвратился из своего кругосветного путешествия».

* * *

«Во вчерашнем номере уважаемой газеты «В участок!» помещен очень дельный отзыв об исполнении на сцене нашего театра оперы «Гугеноты». Статья, видимо, принадлежит перу очень компетентного музыканта, и в ней сделано очень много метких замечаний относительно отступлений от партитуры. К сожалению, мы должны, однако, заметить, что в вечер, о котором говорит почтенная газета, шли не «Гугеноты», а «Норма», так что отступления от партитуры «Гугенот» в этот вечер являются вполне извинительными».

Затем следовала моя подпись.

– Миллион чертей и одна ведьма! – воскликнул редактор, пробегая мою рукопись и сверкая глазами.

– Что? Вы находите, что слишком резко? – испуганно спросил я.

– Миллион чертей и одна ведьма! – повторил он. – И вы думаете, что мои читатели удовольствуются такой мякиной, такой простоквашей? О, черт возьми, вы напоминаете мне человека, который хочет кро-

Шарж на В. Навроцкого. Худ. М. Линский

вожанных тигров накормить манной кашей! Вы можете писать, – это бесспорно. Но вам нужно дать тон. Ступайте, ваша статья будет напечатана с исправлениями. Прочитайте – и вы поймете, как надо писать. До свиданья!

И он продолжал потрошить живого человека.

На следующий день я с трепетом развернул газету.

Злобы дня

За моей полной подписью шли следующие строки:

«Высоко держа знамя печати, мы начинаем наш обзор с обличения новой плутни той банды мошенников, которая называется на их воровском жаргоне редакцией (???) «Ежедневного ура».

На этой мятой бумаге напечатано, будто наш достопочтеннейший, наш многоглубокоуважаемый кандидат Ижицын получил на вчерашних выборах только 2 шара, тогда как читателям «Тромбона» известно, что он получил не 2, а 432 шара.

– Куда же девались остальные 430?

Читателю рисуется уже страшная картина.

Их раскрали сотрудники «Ежедневного ура».

К урне г. Ижицына, переполненной избирательными шарами, на цыпочках подкрадываются «летиратары» (?) «Ежедневного ура» и, пока городские служащие по обыкновению зевают, спешат нагрузить свои дырявые карманы избирательными шарами и бегут на Толкучку продавать общественное добро за бесценок.

В урне остаются только два шара, которых не могли заграбастать эти шарлатаны своими отмороженными пальцами.

Вот картина, которая рисуется нашему читателю.

Но успокойтесь, дорогой читатель! Все это могло бы иметь место, если бы «летератарав» (?) «Ежедневного ура» допускали в зал выборов.

К счастью, городское управление предусмотрело такой случай и сделало распоряжение при первом появлении «летератара» (?) из «Ежедневного ура» немедленно отправлять его в полицию.

С удовольствием отмечаем такое мероприятие городского управления к очищению города от мусора».

* * *

«Гололедица, случившаяся в нашем городе, испортила не одни только телефонные столбы, но и людей, – конечно, если можно считать таковыми тех недоносков, которые взяты из Воспитательного дома редакцией (?) «Самой распространенной».

Вчера мы прочли в этой газете (ха-ха-ха!) поистине идиотский проект замены деревянных столбов чугунными.

Ха-ха-ха!

Нам кажется, что еще удачнее было бы предложить заменить столбы сотрудниками (ха!) этой почтенной (ха-ха!) газеты (ха-ха-ха!).

Серьезно. Если их хорошенько обтесать, из них вышли бы недурные дубовые столбы.

Что же касается до вопроса о том, способен ли чугун к гниению, – то мы рекомендуем почтенным (!) сотрудникам газеты (!) «Самой распространенной» обратить внимание на их собственные головы.

Ведь может же в их чугунных башках быть такая гниль и труха, которую они в простоте сердечной называют «мозгами» (ха-ха-ха!).»

* * *

«Вчера выпущен из тюрьмы «литератор» Чертополохов, что на языке «Грома и молнии» называется «вернуться из кругосветного плавания». Сограждане, берегите ваши серебряные ложки!»

* * *

«Капельдинер, пишущий рецензии для газеты «В участок!», вчера снова был пьян, и потому принял «Норму» за «Гугеноты».

Можете судить, что это вышла за рецензия!

А неграмотный редактор, печатающий все, что придет в голову пьяному капельдинеру, ничтоже сумняшеся, напечатал всю эту чепуху.

Откровенно говоря, когда дурак-разносчик подал нам эту газетишку, мы пришли в ужас:

– Боже, и это печатное слово!»

Следовала моя подпись.

Читая, я падал четыре раза в обморок.

– Вы будете иметь успех! – сказал г. редактор.

Я купил себе два револьвера.

Статья действительно произвела потрясающий эффект. Эффект бомбы, лопнувшей в стеклянной лавке!

На следующее утро я был разбужен воплями и рыданиями моей жены.

– Посмотри, что пишут про тебя и про меня хотя бы в одном «Ежедневном ура»!!!

«Вниманию прокурорского надзора.

Шайка воров, грабителей, лжесвидетелей и конокрадов, приютившаяся в «Южном тромбоне», увеличилась вчера еще одним вполне достойным

ее экземпляром, г. таким-то. Г. такой-то, видимо, облюбовал для своих уголовных походов наш город и думает прочно здесь поселиться, что мы видим хотя бы из того, что он привез сюда и свою жену (?), отставную шансонетную певицу, выгнанную за кривобокость и дурное поведение из всех кафешантанов. Г. такой-то уверяет, будто он приехал только с целью оклеветать всех наиболее уважаемых граждан нашего города, но мы полагаем, что у него таятся и другие мысли – почище! Какие – мы узнаем это на суде, конечно, если прокурорский надзор своевременно не примет мер против этого субъекта, что он обязан сделать на точном основании ст. 45, пункта 5, ст. 89, 114, 3-го примечания к статье 239 «устава о пресечении и предупреждении преступлений» (изд. 1886 года, по продолжению 1887, см. кассационное решение сената по делу Иванова с Петровой о незаконном сожительстве № 14983). Мы слишком уважаем себя, чтобы даже

Шарж на Б. Флинта. Худ. М. Линский

говорить о подобном субъекте, но для интересующихся все-таки сообщим вкратце, что он судился: за побег с каторги, убийство родной тещи, совращение в скопчество, 7 краж и вытравление плода. Лиц, интересующихся более подробной биографией этого «литератора», отсылаем к «справкам о судимости».

Другие газеты выражались обо мне в подобном же духе, а газета «В участок!» замечала кратко и меланхолически:

«Вчера в газете «Южный тромбон» появился новый сотрудник г. такой-то. Число краж в городе заметно увеличилось».

Я кинулся в редакцию как сумасшедший.

– Вы имеете успех! – сказал мне г. редактор. – Вас заметили!

Должен ли я добавлять, что все лица, с которыми я успел познакомиться, отворачивались или переходили на другую сторону при встрече с мной. А какая-то баба даже завыла, схватившись за карманы, когда я к ней приблизился.

– Батюшки, зарежет!

Чтобы сразу прекратить всякие толки о моей персоне, я на следующий же день напечатал в «Южном тромбоне» все документы относительно своей личности: метрическое свидетельство, указ об отставке, брачное свидетельство, постановление об освобождении от воинской повинности, институтский диплом моей жены.

И на третий день в 9 часов утра имел удовольствие прочитать в «Ежедневном ура»:

«Вновь появившийся «литератор», именующий себя г. таким-то, начал свою «деятельность»: вчера им были напечатаны документы, принадлежавшие лицу, убитому в 1887-м году в Харькове».

А в 11 часов меня потребовали в участок.

Околоточный надзиратель встретил меня очень любезно, но все-таки убрал со стола золотой портсигар.

– Скажите, пожалуйста, что вы можете сказать по поводу молодой девушки?

– По поводу какой молодой девушки?

– А вы не читали сегодня газеты «В участок!»?

Я чувствовал, что краснею под пристальным взглядом г. околоточного надзирателя, и из пятого в десятое прочел отчеркнутую синим карандашом заметку.

В ней сообщалось о найденном в окрестностях города трупе зарезанной молодой девушки, и заметка заканчивалась таинственными словами: «Не потрудится ли по этому поводу г. «литератор» такой-то объяснить нам, где он провел вчера время от пяти до семи с половиной пополуночи?»

– Что вы можете сказать в свое оправдание? – спросил г. околоточный надзиратель, впиваясь в меня глазами.

– Но я... Помилуйте! Зачем я стану резать молодую девушку! Я терпеть не могу молодых девушек! С тех самых пор, как я женился на молодой девушке...

Я чувствовал, что путаюсь.

– Н-да?.. Но вы покраснели?!

К тому же ваше прошлое...

– Клевета, а не прошлое! Мои документы...

– Да, но они подложные! По крайней мере, так пишут в газетах. Извините, мы не можем не обратить на это внимания. Конечно, пока вы останетесь на свободе. Закон пока бессилён, к сожалению, против вас. Но вы потрудитесь все-таки передать нам ваши документы и подвергнуться антропометрическому исследованию.

– Да клянусь вам...

– Это делается для вашего же удобства: лучший способ установить, рецидивист вы или нет. Кстати, – внезапно спросил он, пристально вглядываясь в мое лицо, – вы никогда не назывались доктором Покровским?!

Я не мог не покраснеть до корней волос.

– Идите в антропометрическое бюро!

Это было уж слишком! Когда я с измеренным носом, ухом и большим пальцем возвратился домой, меня встретила рыдающая жена:

Шарж на Л. Гроссмана. Худ. М. Линский

Сотрудники „Одесского Листка“ и группы служащих

въ конторѣ и типографіи газеты въ день ея 25 лѣтія

– Петя! Зачем ты это сделал?
– Что?!

– Петя! Не запирайся хоть передо мной. Петя, я была у адвоката, он мне сказал, что в твоём положении самое лучшее пойти и чистосердечно сознаться. Тебе смягчат там что-то. Петя, походи и сознайся!

– Да что, в чем?

– Петя, хоть теперь, когда я знаю твоё прошлое! Петя, зачем ты мне раньше не сказал, что ты имеешь эту ужасную склонность резать людей. Я так тебя любила, Петя! Я поняла бы и простила... Ах, Петя, зачем ты зарезал?

– Да кого?

– Этого нищего старика, про которого пишут в «Гром и молнии». Я схватился за голову.

– Но ты не отчаивайся, Петя! Я пригласила психиатра, он скоро будет. Адвокат говорит, что если тебя найдут сумасшедшим...

– Матушка!!!

К вечеру у меня разлилась желчь, я исколотил психиатра, спал в горячечной рубашке, а утром проснулся потому, что плач и вой наполняли всю квартиру.

– Детей выгнали из гимназии! – объявила жена, бледная, как полотно. – На, читай!

«Ежедневное ура» под заголовком «Преступник в руках правосудия» писала, что их «предположения сбылись», что вчера было произведено антропометрическое исследование «литератора» такого-то, чем и установлена «его полная идентичность с известным разбойником Чуркиным, когда-то наводившим ужас на Москву».

«Преступления продолжают раскрываться», и в заключение газета сочувственно добавляла:

«Нам более всего жаль, конечно, незаконнорожденных детей несчастного. Куда денутся теперь эти несчастные, к тому же больные, покрытые коростой, которой они могут перезаразить всех своих товарищей. Вниманию милосердных людей».

Прилагался мой адрес.

«Самая распространенная» делала такое же воззвание к сердобольным людям, сообщая о сумасшествии «нашего приезжего коллеги».

А газета «В участок!» писала обо мне в двух рубриках под заголовками «Буйство литератора» и «Брошенные дети».

Во всех газетах возлагались надежды «на наших добрых, всегда отзывчивых сограждан», и они не ошиблись в своих надеждах. С 10 часов начали поступать пожертвования.

Какая-то старушка принесла шаль, какая-то молодая девушка для моих 12-и 10-летних сыновей распашонки, заготовленные для новорожденного, какая-то вдова фунт сахара, кофейную мельницу и рубль «для вечного поминовения за упокой раба Божия Ивана»...

А в 11 я шел в редакцию.

Шел, потому что ни один извозчик не хотел меня везти.

Должен ли я описывать это путешествие по улицам города, когда оно уже описано Флобером в его романе «Саламбо»? Прочтите эти необыкновенные страницы о том, как раб шел по улицам Карфагена, побиваемый камнями.

Извозчики при моем приближении настегивали лошадей, конки перепрягали своих кляч и ехали назад, испуганно трубя. Прохожие с визгом кидались в окна, разбивая стекла. Какая-то женщина от испуга на тротуаре разрешилась мертвым младенцем. А дети падали на колени и кричали:

– Дяденька, не бейте!

Довольно.

– Я прекращаю сотрудничество! – сказал я голосом настолько твердым, насколько мог.

Если бы гром прогремел в его собственном кармане, г. редактор был бы изумлен менее.

– Как?! В то время как вы имеете такой небывалый успех, какого у нас не имел еще никто? Когда вы стали самым модным журналистом? Когда о вас только и говорит весь город?

– Пусть черт возьмет и город, и моду, и славу, и ваши газеты! Баста! Довольно! Мне очень нравится ваша система такой горячей борьбы, но – черт возьми – я к этому не приспособлен. Я приехал сюда для здоровья, а облысел в одну ночь.

Когда я таким же порядком, среди воплей, стонов, слез, рыданий и криков отчаяния бегущей от меня толпы, вернулся домой, я не застал ни жены, ни детей.

Редакция газеты «Одесский листок». Начало XX века

Вместо них была только записка:
 «Я покидаю тебя, потому что не могу жить с сумасшедшим убийцей. Я делаю это ради наших детей. Дети сумасшедшего! Их я помещу в сумасшедший дом, а сама уйду в монастырь».
 Два дня мне потребовалось, чтоб прошли те шишки, которых я себе наделал, колотясь головой об стены и об пол.
 И в течение этих двух дней я имел удовольствие читать, как все газеты в один голос извещали публику, что:
 «Единственный талантливый журналист, украшавший страницы «Тромбона», г. такой-то, вышел из состава этой бездарной редакции».
 И выражали уверенность, что:
 «Теперь «Тромбон», разумеется, покончит свое существование».
 На что редактор «Тромбона», очевидно, чтоб выйти из неловкого положения, отвечал, что г. такой-то вовсе не думал «выходить» из состава редакции, а что, напротив, редакция выгнала его «за неспособность, малограмотность, ложь, пасквилянтство и пресудительные поступки».

Редакция газеты «Одесский листок». Начало XX века

«Так что с уходом такого сотрудника редакция «Тромбона» не только ничего не теряет, но еще и много выигрывает».
 Я уж не возражал.
 Нужно ли рассказывать конец?
 Когда я вернулся на север, меня вышвырнули из всех редакций, в которые я обращался:
 – Мы и не знали, что вы за птица! Спасибо, южная пресса раскрыла.
 Я умер на улице с голоду.
 Этот посмертный рассказ посвящается мною вновь возникшему «Союзу русских писателей».

Опера, или Искусство сделаться в один год знаменитым тенором

Посвящается всем, у кого плохи дела

Идите в теноры.

Лучшая из профессий. Ваш капитал у вас в горле. Тенор напоминает того счастливец из сказок Шехерезады, которого добрый волшебник наградила способностью плевать золотом. Куда ни плюнет – золотой. Тенор, это самая выгодная профессия. Если у него один крик и никакого уменья, говорят:

– Но что за богатый материал!

Если пропал голос, уверяют:

– Зато уменье!

Мы слышали г. Кардинали, довольно безобразного крикуна, и восхищались.

– Теперь он не того... Но что это будет за певец! Какие данные!

Учитывали его будущие высокие ноты и выдавали под них аплодисменты, в вид варрантной ссуды.

Я слышал старичка Нодэна. Никакого голоса, зато:

– Ах, как он пел раньше!

И его награждали аплодисментами в виде пенсии.

А он уж переводил их у антрепренера на звонкую монету по существующему курсу на теноров.

Тенор – это человек, который поет голосом, своим прошлым и своим будущим.

К тому же ему вечно будут подпевать психопатки.

Относительно этих последних он может быть спокоен.

Они будут всегда.

Точно так же, как луна может быть спокойна, что у нее будут собаки и поэты, которые станут на нее лаять.

«Оне» и «они» будут на нее выть совершенно независимо от того, будет она в фазе полнолуния, новолуния или на ущербе. Им все равно, потому что восторгаться их потребность.

То же самое и психопатки. Поклоняться – их потребность, и у вас всегда будет толпа поклонниц, удовлетворяющих этой их потребности.

Я не говорю уже об успехах.

Тенор в этом отношении вне сравнения и конкуренции.

Он имеет успех не потому, что он сам красив, мужествен, храбр, благороден.

От каждого из нас потребуют предъявления одного из этих качеств, хотя бы в небольшом размере.

– Есть ли оно у вас?

Тенор же имеет успех потому, что Манрико – благороден, Рауль – храбр, Эрнани – мужествен, а Фауст носит голубое трико.

Последнее самое главное!

Итак, теперь, когда я выяснил вам все выгоды теноровой профессии, мне остается только перейти к главному:

– Как сделаться знаменитым тенором? Очень просто.

Поступите в извозчики.

– В извоз...

Непреренно! Публика ужасно любит, чтоб перед ней пели бывшие сапожники, портные, извозчики, мясники.

Она обожает «случайные открытые таланты». И это «открытие» должно произойти по возможности патетически.

Знаменитый импресарио летел к не менее знаменитому тенору, который закапризничал и отказался петь.

– Кем я его заменяю? – с ужасом думал импресарио и нетерпеливо понукивал извозчика: – Скорее!

Да на беду попался прескверный извозчик, – импресарио разозлился и ударил его по шее.

Извозчик пронзительно крикнул.

– Да это do-diez! – воскликнул изумленный импресарио и заключил извозчика в объятия.

Так должен быть найден тенор.

Недурно, конечно, если вы при этом возьмете и споете по просьбе импресарио тут же народную песенку, соберете толпу народа, вас отправят в участок, и околоточный (за отсутствием комиссара его может заменить простой городской), узнав, что перед ним будущее светило, извинится перед вами.

Полиция иногда отличается предусмотрительностью!

Далее вам следует поступить к какому-нибудь знаменитому учителю пения.

Но Боже вас сохрани у него учиться.

Публика любит «самородков». Толпа не переносит превосходства и не допускает, чтоб певец понимал больше, чем она, в музыке.

Увлечите жену вашего учителя, заведите корреспонденцию с его дочерью и наговорите ему дерзостей, но только сделайте так, чтоб он вас выгнал.

Когда вас выгонят таким образом от четырех профессоров и из трех консерваторий, — ваше музыкальное образование закончено.

Подписывайтесь на все итальянские театральные газеты, уезжайте в Кишинев и посылайте телеграммы из Буэнос-Айреса:

«Тенор Пшенини имел колоссальный успех. Triomfo completo, successo piramidale. Tutti arie bissati.* Публика вынесла его на руках».

Какое дело редакции, что телеграмма из Кишинева, если в ней рассказывается об интересном происшествии в Буэнос-Айресе?

Затем, переехавши в Бендеры, вы можете посылать телеграммы из Рио-де-Жанейро, Вальпараисо, вообще из города, который вам больше нравится.

Это называется «путешествием по Америке». Путешествием, которое было сплошным триумфом для молодого артиста!

Так это называется на языке итальянских театральных газет и агентов.

Кто из теноров в свое время не объехал всей Южной Америки?

Когда вы тоже объедете Америку и в ней не останется ни одного города, в котором стоило бы петь, вы берете билет из Бендер

* Полный триумф, громадный успех. Все арии идут на бис (ит.).

Спектакль № 21. Афиша № 497.

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

Въ Понедѣльникъ, 8 Мая 1895 г.

ГАСТРОЛИ КИЕВСКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРУППЫ
СОЛОВЦОВА
при благосклонномъ участіи
В. М. ДОРОШЕВИЧА

ВЪ ПОЛЬЗУ
ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ и УЧЕНЫМЪ

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЬ:

ДИНАРКА

Комедія въ 5 д., А. Н. Островскаго и Соловьева.

Исполнять роли: „Вари“ — г-жа КОШЕВА, „Ашметьева“ — г-жа НЕМИРОВИЧЪ, „Ашметьева“ — г-нъ КИСЕЛЕВСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Степановна Ашметьева, старуха богатая помѣщица..... г-жа Никитина.
Александръ Львовичъ Ашметьевъ, ея сынъ..... г-нъ Киселевскій.
Марья Петровна, жена его..... г-жа Немировичъ.
Бирилль Максимычъ Зубаревъ..... г-нъ Чужбиновъ.
Варя, его дочь..... г-жа Кошева.
Викторъ Васильевичъ Вершинскій, чиновникъ изъ Петербурга..... г-нъ Чинаровъ.
Дмитрій Андреевичъ Маньковъ, помѣщикъ..... г-нъ Рощинъ-Инсаровъ.
Михаилъ Тарасычъ Боевъ, сосѣдь Ашметьевыхъ и Зубарева..... г-нъ Осмоловскій.
Мавра Денисовна, нянька Вари..... г-жа Шаровьева.
Гаврило Павлычъ, камердинеръ Ашметьева..... г-нъ Леоновъ.
Сысой Панкратьевичъ, старый слуга Ашметьева.....

в Милан и таким образом переезжаете через Атлантический океан, вовсе не подвергаясь действию морской болезни.

Теперь вам остается только ходить по галерее Виктора-Эммануила и ожидать русского импресарио.

Когда вы попадаете в Россию, вам нечего уже думать о том свете: рай не будет для вас новостью.

Держитесь только одного правила. Берите дорого.

Публика строго судит дешевых певцов и оправдывает дорогих.

Это, впрочем, объясняется очень просто. Каждый человек старается чем-нибудь оправдать сделанную глупость.

Он заплатил бешеные деньги, чтоб услышать безголосого певца.

Надо же найти какое-нибудь оправдание.

– Да-да... но знаете ли, школа... большой, большой артист... не жалею, что пошел, не жалею!

Надо делать хорошую мину в дурной игре.

– Нужен ли при всем этом голос?

Отчасти.

Если у вас не будет голоса, у вас найдут «школу»; если у вас не будет «школы», отыщут нечто «врожденное»; если не отыщется ничего врожденного, найдут «игру».

Да ведь отыщется же у вас хоть «замечательный драматический шепот», черт возьми!

– Ну, а для певиц нужен голос? – слышу я пискливый дамский голосок.

– Лишнее, сударыня, совершенно лишнее. Чтоб сделаться певицей, голос, пожалуй, еще нужен.

Но чтобы сделаться знаменитой певицей, – вовсе нет. Чтобы сделаться знаменитостью, есть много средств и помимо голоса. Собственно говоря, это средство одно. Но оно универсально.

«Одесский листок». 1895, № 273

Летний тенор

Он был моим соседом по даче.

Я сидел на своей террасе и пил чай, он – на своей и был углублен в фотографии.

Неожиданно он повернулся ко мне и спросил:

– Вы пописываете в газетах?

Я поклонился и отвечал:

– Да.

Он снисходительно кивнул головой:

– Можете написать, что тенор Аполлонов приехал и нанял себе дачу!

Я поклонился:

– Благодарю. Но я не по этому отделу.

Он посмотрел на меня с сожалением:

– Ах, вы не пишете музыкальной критики?!

И, не кивнув мне, повернулся, запел какие-то рулады и ушел в комнаты.

На следующий день он протянул мне карточки и сказал:

– Вот!

Он подошел к палисаднику и подал. Я подошел к палисаднику и взял.

– Вы были в цирке гимнастом? – с интересом спросил я, увидав фотографии.

Он снисходительно улыбнулся:

– Это так, для психопаток! Видите, специально в будуарном формате! В матросской рубашке с декольте. С обнаженными руками. Весь в трико. У вас тут в столице масса психопаток. Будут приставать!

– Да, психопаток, говорят, очень много.

Он улыбнулся самодовольной улыбкой. Я подал карточки:
– Благодарю вас!
– Возьмите. При вашей газете есть эти... как они называются... с картинками...
– Иллюстрированные приложения?
Он кивнул головой:
– Они самые. Редакция потом будет искать моих карточек.
Я поклонился:
– Благодарю вас. Когда редактор начнет искать, я у вас попрошу!
Он кивнул головой, запел руладу и пошел прочь. Назавтра он спросил меня:
– Запаслись билетом?
– Куда?
Он посмотрел удивленно:
– А на открытие! Сегодня открытие.
– Нет.
Он с сомнением покачал головой:
– Рискуете не достать.
– Ну, что ж! Я в опере, собственно, ничего не понимаю.
Он небрежно окинул меня взглядом:
– Может быть, я возьму «до».
– Когда?
– Сегодня вечером.
– А может быть, и не возьмете?
Он отвечал небрежно:
– Глядя по настроению. Я посмотрю мою публику. Может быть, я ей возьму мое «до», а может быть, и нет!
Он презрительно пожал плечами:
– Дело летнее. Мы, артисты, смотрим на это как на отдых. Как на шалость.
– Вы уже пели в столице?
– В первый раз. Я делал Италию.
– Как?
– Я проделывал Италию. Пел во Фраскати – это около Рима. В Кастеллямаре – это около Неаполя. В Комо – это около Милана. В Калабрии, около Реджио, со мной презабавный случай был. Пою

«Пророка» – успех колоссальный. Особенно зрители в первом ряду. В энтузиазме. Бисирую. Выхожу во втором акте – весь первый ряд пустой. Оказывается, их арестовали в антракте!
– За шум?
– Да нет! За то, что накануне кого-то на дороге ограбили и зарезали!
– В каких театрах приходится петь! А в России где изволили подвизаться?
– В России я сделал Стародуб!
– Ах, Стародуб это вы сделали?
Он хитро прищурился.
– А вы что? Слышали? Там с женой местного губернского предводителя дворянства...
– Разве в Стародубе есть губернский предводитель дворянства?
Он утвердительно кивнул головой:
– Был!
– Скажите!
Два дня я его не видал, а на третий он вышел утром на террасу и ласково сказал мне:
– Здравствуйте, сосед!
– Доброго утра!
Он посвистал и прошелся.
– Может быть, вы контрамарку в театр хотите?
– Благодарю вас, некогда.
– Может быть, для знакомых кого?
– И знакомых таких нет!
– А то бы взяли! Всегда сколько угодно.
– Благодарю вас.
Дня через четыре я как-то попал в сад.
«Пойду послушать соседа!»
В театре сидел я, рецензент нашей газеты, рецензент другой газеты, рецензент третьей газеты, рецензент четвертой газеты, один околоточный, другой околоточный, знакомая капельдинера и господин с билетом, смотревший на пустой театр боязливо.
Дело было летнее.

Дѣтскіе нарядные костюмы для гулянія и комната.

Дирижер скатал в руке какой-то шарик и кинул музыканту в скрипку.

Музыкант громко выругался.

Весь оркестр с удовольствием расхохотался.

Придворные дамы непринужденно разговаривали между собой.

И пока королева выводила трели, я ясно услышал:

– Филедокосовые никогда не отстирываются!

А в сцене благословения мечей, во время страшной паузы, один монах совершенно явственно сказал другому:

– Хамовническое гуще!

Аполлонов вышел на сцену руки за спину, улыбнулся дирижеру, шутя ткнул сапогом в суфлерскую будку, ущипнул хористку, одетую пажом, и, заметив меня, дружески раскланялся со мной со сцены.

Он не пел, а напевал.

Но одну ноту крикнул вдруг действительно чрезвычайно громко и посмотрел на меня после этого так пристально, что я сконфузился и заплодировал.

– Должно быть, это его «do»!

Он начал кланяться, сначала показал на горло, потом пожал плечами, страдальчески улыбнулся дирижеру и сделал ему знак:

– Повторите! Согласен!

Все это в один миг, так что я не успел даже опомниться.

Господин с билетом, с испугом оглядывавшийся на пустой театр, при этом поднялся, с омерзением взглянул на меня и, ни слова не говоря, вышел.

Через два дня после этого я слышал на соседней даче крик:

– Что же мне делать, если антрепренер жулик? Он обязан платить из сборов...

А через три дня у нас пропала горничная. Кухарка плевалась и ругалась:

– С горлодером сбежала! У их уж который день! Весь сундук был его карточками оклеен. Вся крышка! С им и сбежала!

– Как? Разве он?

На окнах соседней дачи были белые записки: «Сдаеса дача».

И при воспоминании о фотографиях «специально в будуарном формате» у меня тоскливо стало на сердце.

Вместо будуаров изящных дам в сундуке горничной... Грустно в летнем театре, читатель!

«Одесский листок». 1895, № 108

Бас

Вы часто встретите за кулисами эту мрачную фигуру в неизменном кашне, в теплом пальто с поднятым воротником, в нахлобученной шляпе, с озлобленным выражением лица.

В коридорах беспрестанно слышен его голос:

– Да закрывайте же вы двери, когда ходите, черт вас побери! *Согро ди Васчо**, вы только простуживаете артистов!

Он ругается по-русски и по-итальянски и вечно воюет со сквозняками.

Никто не знает, что он делает при театре.

Но его привыкли видеть.

Он оправляет пред выходом костюм на драматическом сопрано.

– Хороша! Хороша! – с улыбкой говорит он курносенькой меццо-сопрано, когда та вертится перед ним и спрашивает, идет ли ей костюм Зибеля.

С участием смотрит горло тенору.

И никогда не прочь сбегать распорядиться, чтоб баритону поскорее принесли коньяку.

Он не любит только басов.

В антрактах он ходит по уборным, раздаёт советы, кричит на портных или ругается с рабочими на сцене.

Во время действия сидит в «артистической ложе», за кулисами – между занавесом и рампой, никогда не снимая нахлобученной шляпы и никогда не опуская поднятого воротника порыжевшего пальто.

---

* Черт побери (ит.).

Он слушает оперу с тревогой, со страхом, с удовольствием, с восторгом.

Весь устремляется вперед и, затаив дыхание, смотрит прямо в рот певцу, когда подходит головоломная нота.

Первый аплодирует хорошо спетой арии и слушает, покачивая в такт головой, когда льется широкая мелодия.

Он не выносит только басов.

Он слушает этих «долговязых дураков» со злобно сжатыми кулаками, и их пение доводит его до неистовства.

– Это черт знает что, а не пение! Черт дери, разве так поют?! Бас Альбаффины был совершенно прав, устроивши ему на днях скандал за то, что он в самой середине «caballett», в «Лукреции», вышел из ложи с такой стремительностью, что уронил стул.

– Вы можете меня не слушать, если вам не нравится мое пение. Но мешать мне петь я не позволю!

– «Петь»? Ха-ха-ха! Вы поете! Он поет!

– Да, слава Богу, не могу пожаловаться, чтоб импресарио меня не приглашали.

– Импресарио – дураки, и понимают в пении столько же, сколько и вы.

– Понимают или не понимают, но публика...

– И публика ослы!

– Ха-ха-ха! Весь мир виноват в том, что вы старое безголосое животное!

Он злобно сжал кулаки, готовый броситься, но сдержался и только бешено пробормотал сквозь зубы:

– Скотина!

С тех пор он зажимает уши каждый раз, как начинает петь Альбаффины.

– У меня пухнут уши от крика этого осла! Я только жду, когда его, наконец, выгонят. И это чудовище смеет братья петь Мефистофеля.

– Нет, вы только вообразите себе эту наглость! – приставал он ко всем в течение целых двух недель за кулисами. – Он будет петь Мефистофеля! Он Мефистофель! Да имеет ли понятие этот длинный дурак, прежде всего, что такое Мефистофель? Это будет

опера! Вы знаете, я приду, я непременно приду на этот спектакль. Это интересно. Ха-ха-ха! Он и Мефистофель!

И он разражался настоящим мефистофельским смехом.

Он забрался в театр задолго до начала спектакля и засел в маленькой артистической ложе.

В день первого представления «Фауста» он не хотел никого видеть, ни с кем разговаривать.

Он бледный слушал речитативы, арию, дуэт, хоры студентов, солдат, девушек, молитву и впился глазами в Мефистофеля, когда оркестр грянул вступление к песне о золотом тельце.

Его душило.

Он готов был броситься на сцену, задушить этого длинного дурака, крикнуть на весь театр:

– Обопрись об стол, каналья! Ногу на ногу! Теперь прыжок вперед! Начинай!

При первой же ноте он не выдержал и вылетел из ложи.

– Это Мефистофель! Это баллада!

А со сцены доносились гремящие аккорды сатанинской песни и... аплодисменты!

Этого уж он никак не мог выдержать.

Он кинулся из театра, как будто за ним по пятам гнался весь ад.

Он бежал бегом по улицам в отдаленные грязненькие меблированные комнаты, где жил в каморке, сплошь завешанной лентами и пыльными, засохшими лавровыми венками.

– Это баллада!

Он помнит эту балладу в другом исполнении!

Среди беззаботных песен веселья и тихих звуков молитвы Валентина, словно из глубины ада вырываются раскаты сатанинского хохота.

Дирижер взмахивает палочкой, скрипки берут резкий аккорд, его подхватывают виолончели, контрабасы, гобои, кларнеты. Флейты свищут зловещим адским свистом, режут валторны, грохочут барабаны.

А он весь в красном, как вылитая из стали статуя, стоит у стола в красивой торжествующей позе.

Он весь дрожит от охватившего его волнения. Он сам полон какого-то сатанинского восторга. В эту минуту он не певец –

он дьявол, который сейчас начнет потешаться над людьми. Он с восторгом, с упоением слушает летящий из оркестра, словно из пропасти ада, призыв к сатанинской песне.

Дирижер наклоняет палочку в его сторону.

С горящими глазами он делает прыжок к рампе, – его прыжок, от которого в страхе вскрикивали в партере, – и начинает вот так:

– На земле...

Из его груди вырвалась хриплая, жалкая, ужасная, режущая ухо нота.

Он схватился за волосы и, рыдая, упал на свою кровать.

Он рыдал, вздрагивая всем телом в этой грязненькой каморке, где при свете огарка блистали по стенам золотые надписи на разноцветных лентах: «Genova»... «Milano»... «От благодарной публики Одессы»... «От киевских поклонников»... «От москвичей»... «Петербург»... «Wien»...

Как все басы, он мало занимался любовью и не имел поклонниц.

Зато поклонники...

В числе его поклонников были лучшие представители общества Петербурга, Москвы, Киева, Одессы.

Его баловали, начиная с первого его дебюта в геновском «Politeama Margherita» и кончая этим ужасным днем.

А парижская «Grande Opera», куда его приглашали!

А поклонники, пророчившие ему мировую славу Виолетта, Джамэта...

Он пел им прекрасные песни, а они угощали его прекрасным вином.

Однажды после большого ужина, данного в честь его, где шампанское золотом горело, налитое прямо в огромные выдолбленные льдины, он проснулся утром с неловким ощущением в горле.

Он хотел взять по обыкновению одну из своих чудных бархатных нот, из горла вылетало какое-то шипение.

Он весь похолодел.

Он хотел крикнуть, послышалась только какая-то сипота.

Он в ужасе дрожащими руками стал готовить паровой пульверизатор.

Прикладывал согревающие компрессы – ничего не помогало.

При благожелномъ участіи артистки ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ

М. М. ГЛЪБОВОЙ и В. М. ДОРОШЕВИЧА

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЬ:

МЕДВѢДЬ

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, сочиненіе Чехова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Попова, вдова помѣщика..... г-жа Глѣбова.
Лука, ея слуга..... г-нъ Игнорье.
Смирновъ, помѣщикъ..... В. М. Дорошевичъ.

Во время антрактовъ городской оркестръ подъ управл.

І. В. ПРИБИКЪ исполнить:

- 1) Увертюра «Cosi fan tutti»..... Моцарта.
- 2) «Moment musicale»..... Шуберта.
- 3) а) «Битайскій танецъ» { изъ Щелкунчика..... Чайковского.
б) «Трепакъ»
- 4) «Мазурка»..... Млынарскаго.
- 5) «Базачекъ»..... Даргомыжскаго.
- 6) «Святки»..... Чайковского.

Порядокъ спектакля: 1) «МЕДВѢДЬ», 2) «ДИКАРКА».

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Всякое пожертвованіе сверхъ назначенной цѣны, принимается съ благодарностью. Имена жертвователей будутъ опубликованы.

На основаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденного 5 мая 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и утвержд. 20 августа 1892 г. правилъ взиманія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, со всѣхъ билетовъ взимается сборъ оплачив. марками, безъ коихъ билеты недействительны.

Касса открыта ежедневно съ 10 час. утра до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти час. вечера, до конца спектакля, въ дни не-спектакльные съ 10 час. утра до 2-хъ час. пополудни.

АНОНСЪ: Завтра, во Вторникъ 9-го Мая 1895 г. представъ будетъ въ 7-ой и послѣдній разъ извѣстная пьеса **САРДУ**

MADAME SANS-GÈNE

комедія въ 4 дѣйств. Цѣны мѣсяцамъ драматическія обыкновенныя.

Въ самомъ непродолжительномъ времени состоится бенефисъ **Н. Н. СОЛОВЦОВА.**

Печ. Эзюляевскія. За Одесскаго Полку. Черемушкинъ. — Тип. А. ШУЛЬЦЕ, въ Одессѣ.

Он схватился за голову. Ему казалось, что он сходит с ума.

Он кинулся к доктору, к одному, к другому, к третьему...

Один нашел у него паралич голосовых связок, другой – воспаление гортани, третий – начало дифтерита, четвертый – жабу, пятый – просто легкую простуду. Он лечился у всех, делал все, ездил в Вену, в Париж, в Лондон, в Милан, и вернулся поседевший, осунувшийся, без гроша денег, в потертом костюме, с сиплым голосом, которого хватает только на то, чтобы ругаться с портными, которые никогда не затворяют дверей, когда ходят, и вечно делают в уборных сквозняки.

Он живет на те гроши, которые иногда ему дают займы артисты за исполнение их поручений, и обедает у примадонн, с которыми всласть ругает Альбаффины – этого грубого, неотесанного мужика, который всем говорит «ты» и не считает примадонн ни за что.

Маленькие деньги, которые ему присылает каждый месяц сестра, он тратит на покупку патентованных средств «для горла» и пишет ей нежные письма, полные благодарности и светлых надежд:

«Близко, близко уже светлое будущее, когда я из первого же аванса, с первого же бенефиса, заплачу тебе все, что ты для меня тратишь. Скажи своему мужу, что недолго ему тянуть ляжку акцизного смотрителя в каком-то глухом провинциальном городишке. Я попрошу за него моих петербургских друзей, – мне мои поклонники не откажут ни в какой просьбе. Можешь быть спокойна».

Положительно, в этих заграничных пилюлях и пастилках есть что-то чудодейственное!

К нему возвращается его голос.

Конечно, это не то, что было, но нужно время.

Он может петь.

Он узнает свой голос.

Он поет уже настолько, что когда в город приехал дать три концерта знаменитый тенор, он отправился к старому товарищу, с которым пел когда-то в Барселоне «Гугенотов».

– Интриги, зависть! Уж чего стоил в этом сезоне один Альбаффины! Ты ведь знаешь Альбаффины? Ясно, как день, что этому

животному не хочется, чтобы публика слышала, как нужно петь... Нет, я положительно не могу оставаться здесь! Здесь мне не хотят дать ходу! Не разрешают дебюта... Я к тебе. Тебе стоит сказать только слово твоему импресарию, он не посмеет отказать. Пусть возьмет за самое маленькое вознаграждение. Мне ведь не вознаграждение. У меня нет никаких потребностей. Мне хочется, чтоб меня услышали. Дайте мне встретиться с публикой! Дай! И тогда посмотрим!.. А я тебе буду очень полезен в твоих концертах. А, старый товарищ?! Но, может быть, ты хочешь меня раньше слышать? Изволь. Конечно, предупреждаю, это не то. Нужно время. Но ты все-таки кое-что услышишь.

Он спел ему «свою арию» из «Le roi de Lahor»*, как он ее поет, и повернулся к знаменитому тенору с лицом, горящим от удовольствия, и глазами, увлажненными слезами:

– А? Каково, старый товарищ?

Знаменитый тенор с тем же обычным заспанным видом обьевшего кота полез в карман и достал билет в сто франков.

– На. Все, что могу...

Он бросил деньги на пол, и, когда выходил, его душили рыдания.

– Можно быть великим певцом и в душе все-таки оставаться большим сапожником! Сапожник никогда не перестанет быть сапожником!

И он стал еще больше чуждаться посторонних людей, еще глубже ушел в поднятый воротник своего рыжего пальто, его взгляд стал еще озлобленнее, и он еще сердитее кричит на портных:

– Да затворяйте же двери, черт вас побери! Вы меня простуживаете!

Когда его приглашают ужинать, он отказывается:

– Я не пью, это вредно для голоса!

Сестра зовет его переехать жить к ней. И ее письма терзают его душу.

– Вы знаете, – говорит он, – минутами мне начинает казаться, что ко мне не вернется мой голос... Но поймите, я не могу жить без театра.

На днях я встретил его сияющим, радостным, вольным.

---

* «Король Лахора» (фр.).

– Отличные известия!

Мы поздоровались.

– Надеюсь, на следующий сезон вам придется писать о моем дебюте. Вы уж тогда пожалуйста...

Он сделал комический поклон.

– Вот посмотрим, как-то вы меня обругаете, когда услышите в Марселе. Ха-ха-ха!

И он расхохотался сиплым смехом.

– Я получил новые пастилы. Их, говорят, ест Баттистини. Делают действительно прямо чудеса! Да вот вы сами услышите. Я вам возьму свое «fa»...

Из его груди вылетел хриплый дребезжащий звук, похожий на скрип немазаного колеса.

– Хорошо?

– Отлично.

Пусть бедный сумасшедший живет иллюзиями.

«Одесский листок». 1895, № 145

Легенда об одесситке

Когда всесильный Магадэва создал мир вместе с людьми, он дал торжественный обет не создавать больше никогда ничего и поднялся на седьмое небо, чтоб отдохнуть.

Пред его сомкнувшимися веждами уж проносились небесные грезы, Магадэва уж видел божественные сны, когда его одежды тихо коснулся крылом великий Брама.

– Что случилось, – вскричал Магадэва, открывая вещие очи, – и что за шум доносится оттуда, с земли? Уж не вырвался ли ураган из лесов Индостана и не несется ли по земле, разрушая все на пути? О, как я счастлив! Не ревет ли то океан, поднявшийся из бездны и пославший могучие отряды волн взять приступом землю? О, как я счастлив!

– Нет, повелитель неба и земли! – отвечивал Брама. – То не ураган ревет над землею, не океан поет победную песнь. То... люди зевают от скуки.

– От скуки?! – насмешливо усмехнулся Магадэва. – Скука происходит от отсутствия дела. Отсутствие дела – свобода. Я слишком много дал людям свободы. Хорошо же, я превращу их в рабов! Они забудут у меня, что такое свобода. Им некогда будет зевать, потому что у них будет хлопот полон рот. Они не будут больше одиноки.

Магадэва вспомнил грезу, которую он видел во сне, и создал женщину.

Индианку.

Прекрасную дочь его возлюбленной страны.

Она родилась в час заката, когда солнце золотит последними лучами весь мир, и оттого ее смуглое тело золотистого цвета.

Стройная, как пальма, гибкая, как лиана ее родины, она взглянула на расцветающие цветы лотоса, и оттого ее глаза сделались прекрасными.

Знойная дочь знойного юга, она признает только одного бога – Страсть, и служит ей.

Извивающиеся змеи выучили ее сладострастным танцам; у пестрых птиц, порхающих в чаще лиан, она научилась песням любви.

Рожденная в таинственном сумраке священных лесов, она стыдлива, скромна, боязлива, как газель, а под темным бархатным пологом ночи вся отдается кипучей страсти, предоставляя звездам любоваться каждым изгибом ее прекрасного тела.

Звезды глядят и горят от восторга.

– Вот вам подруга, – сказал Магадэва индусам, – из культа любви вы сделайте поклонение божеству. И пусть женщины, отдавшие всю свою жизнь на служение страсти, считаются священными, и сами брамины пусть возьмут на себя заботу об этих баядерках.

И Магадэва отлетел в другую страну, где солнце жжет сыпучие пески.

Где от палящей жажды гибнут человек и животное.

Где одинокие пальмы не дают прохлады и тени от знойных, палящих лучей.

– Здесь моя бедная маленькая индианка в один день потеряла бы всю свою красоту, – улыбнулся Магадэва, – она загорела бы и от жары превратилась бы в уголь. Надо дать этим беднякам женщину, которая не могла бы загореть.

И он создал негритянку.

Черную, как погашенный уголь, но горячую, как раскаленный.

Солнце льет на нее свои жгучие лучи, и оттого зной живет в ее душе.

Бешеная страсть, от которой сгорает она под знойными лучами солнца, сверкает в ее глазах.

Магадэва дал ей большие чувственные губы, манящие негра для поцелуя, и чтоб хоть несколько скрасить ее безобразную черноту, дал ей сверкающие белые зубы.

Она не могла уж больше загореть, а чтобы оставить ей больше времени на служение сжигающей ее страсти, Магадэва повелел

ей ходить безо всякого платья и даже дал ей завитые от природы волосы.

Тогда Магадэва помчался на север, холодный, пасмурный и негостеприимный.

– А, англичане! – воскликнул он, увидев в тумане ненавистных ему людей с рыжими волосами. – Вы, которые поработили мою прекрасную Индию и сделали рабами моих добрых индусов! Поистине вы стоите того, чтобы я наказал вас, создав вам англичанок! Вы любите море, – так пусть же их объятия напоминают вам холодную воду!

И он создал белокурую англичанку, без страсти в сердце, без яркого румянца желаний на белых щеках.

– Вы любите лошадей, – и пусть она своими большими зубами постоянно напоминает вам о лошади!

И Магадэва улетел с туманного неприветливого севера отдохнуть своей божественной душой на благодатный юг.

Он пронесся над Италией, страной мраморных старых дворцов и нищих, развалин и бедности.

– У этих бедняг, – сказал Магадэва, – нечем прокормить своих жен. Им и самим нечего есть. Я должен создать им таких женщин, которые бы сами себе могли найти пропитание.

И он наградил итальянок прекрасными голосами и умением танцевать.

– Пусть эти люди разбредутся по свету в поисках за куском настоящего хлеба, а чтобы их не томила вдали тоска по родимой земле, пусть в глазах их женщин отразится прекрасное небо Италии и всегда напоминает им о родном небе далекой отчизны.

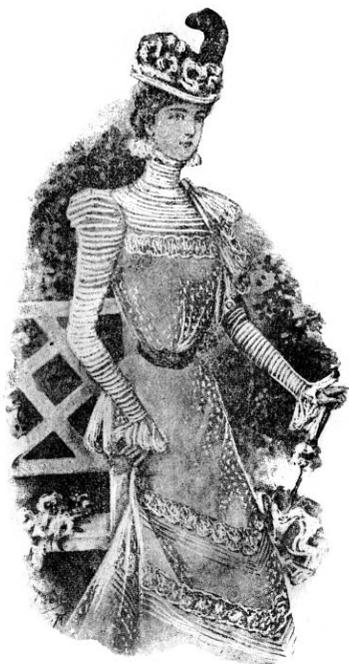
– Что за люди живут здесь? – спросил Магадэва, взмахнув крыльями и в один миг переносясь в дальний край.

– Этот город – Москва, – ответил Брама, – он населен купцами, которым всего кажется мало. Их отличительная черта – жадность...

– Хорошо, – засмеялся Магадэва, – они жадны, так мы пошлем им самую толстую женщину на свете!

И Магадэва создал московскую купчиху – такую, что даже московский купец, увидев ее, не пожелал ничего большего и сказал:

– Вот это в самый раз!

Магадэва взмахнул крыльями и умчался из города жадных мужей и толстых жен в далекий шумный край.

– Под твоими ногами великая Франция, могучий повелитель неба и земли, – сказал Брама, – шумная, вечно ничем не довольная Франция. Вечно стремящаяся куда-то вдаль, вперед! Перед тобой ее сердце – Париж!

– Хорошо, – сказал Магадэва, – решив пошутить над людьми, создав им женщину, я подшучу и над французами, создав им парижанку. Пусть она будет республикански свободна в правах, но деспот в душе. Пусть она требует себе беспрекословного повиновения, неограниченной преданности. Пусть она создает ре-

волюцию за революцией в семейной жизни. Пусть будет прекрасной, как Франция, изменчивой, как ее история, блестящей и легкомысленной, как Париж. Пусть она так же часто меняет друзей дома, как палата – министерства. И отягощает бюджет своего мужа, как военные издержки страну. А мода, которой она будет непрестанно поклоняться и служить, пусть будет изменчива так же, как системы вооружений. Каждый день пусть приносит что-нибудь новое и разорительное. Но пусть, при всем этом, она наполнит весельем свой дом, как Франция наполняет весельем весь мир.

– Пусть будет по-твоему! – сказал Брама.

И среди пены кружев и шелка появилась на свет парижанка.

– О, этой стране не нужны женщины, – сказал Магадэва, переносясь в соседнюю страну, – это земля, где люди все свое время

проводят за кружками пива в пивной. И я, право, затрудняюсь, что им лучше создать: женщину или новый сорт пива.

– Создай им женщину, великий Магадэва, – сказал Брама, – если у них не будет женщин, они пойдут их завоевывать к соседям, внося всюду разгром и разрушение.

– Хорошо, – сказал Магадэва, – я готов подшутить и над этим философом-народом. Чтобы сидеть целые дни дома одной, мы создадим ее неповоротливой и неуклюжей. Бледною, как пильзенское пиво, но с румянцем в щеках, как будто в него прибавили немножко мюнхенского. Чтобы ей не было скучно одной, дадим ей способность плакать и штопать мужу чулки. Пусть она будет только сентиментальной, потому что, возвратившись из пивной, ее муж должен прямо заваливаться спать.

– Но она заплывет жиром, могучий повелитель неба и земли! – заметил Брама.

– Для моциона создадим ей вальс, медлительный, меланхолический танец, который можно танцевать, готовясь подарить миру нового германца и думая о муже, сидящем в пивной.

– Я думаю, они останутся довольны такою женой!

– Да, но так как жены будут оставаться постоянно одни, их нужно для безопасности одарить добродетелью.

И он с чисто божественной щедростью одарил немощ добродетелью.

И усталый Магадэва спустился в Венгрию утолить жажду токайским вином.

Напитком богов.

Божественным нектаром, который сочится в подставленные чаши из переспевших гроздьев ароматных виноградных лоз.

– Напиток, достойный, чтобы его вкусил Магадэва! – воскликнул он, осушая старинную чашу. – Он родит желанья. Создадим же им женщин с пламенными глазами, горящими страстью. Пусть их смуглые лица примут золотистый отблеск этого вина, которым индийский бог утолил палящую жажду. Мы дадим им кипучую искрометную кровь, – и пусть поцелуй их опьяняет, как вино. Как лоза пусть будет гибок их стан, и как спелые гроздья пусть будут прекрасны они!

И, вдохновенный токайским вином, Магадэва создал дочерей Венгрии.

– Я помню еще один народ, – задумавшись, сказал Магадэва, – с грустными лицами и задумчивыми глазами. Отпечаток вековой тайны лежит на бледном лице их. Где они?

– Они рассеяны по всему свету, потерявши отчизну, – ответил Брама, – оттого-то и грустны их лица и задумчиво-печальны глаза. О далекой стране, где среди цветущих лугов струится серебристый Иордан, полны они думой. О городе, куда народы свозили мрамор, порфир, яшму и ароматы Востока, вспоминают они о золотом храме. Туда, вглубь истории, когда они были царями Востока, устремлены их грустные задумчивые взоры, – и вот тайна, которая написана на их лице. О родине далекой думают вечные странники.

– Так пусть знойная страсть их жен напоминает им о знойной родине! – воскликнул Магадэва. – Воистину, мне жаль этого народа! Пусть верность, страстная преданность жен утешит их в несчастьи, заставит позабыть изгнание. Пусть будут их женщины стройны, как кедр родимого Ливана, – и достойны быть воспеты в песне, которую все народы назовут царицей всех песен, «песнью песней». Пусть звездами путеводными сверкают их глаза, и любовь, и ласка, и тихая грусть пусть светится в них.

И он создал израильянок, стройных, как юный кедр Ливана, с глазами, в которых сверкают звезды полуночного неба, знойных, как их далекая покинутая родина, с черными косами, которые тяжело падают назад, как змеи, готовые обвить любимого.

– Веселая страна танцев и шуток! – улыбнулся Магадэва, пролетая по северу. – Здесь владеют шпагой и танцуют, и весело шутят, осушая стопы дедовского старинного меда. Создадим им подругу! Веселую, как они. Пусть, как мед, она кружит им голову. С крошечной ножкой, которая не знает усталости в танцах. Пусть немного вина входит в ее башмачок, из которого они будут пить ее здоровье. Они и так будут достаточно опьянены ее грацией, изяществом, кокетством. Крошечную ручку дадим ей, достойную того, чтоб ласково погладить эти выхолненные красивые усы. Вечной веселой улыбкой озарим ее лицо и дадим ей зубы, как жемчуг,

чтоб она могла всегда улыбаться! Смех пусть дрожит в ее глазах, а гибкий стан ей дадим для того, чтоб ускользать от своего лихого кавалера в огненном танце. Пусть она любит свою родину, где ее чтут как идола!

И Магадэва создал изящную, грациозную, чарующую польку.

Над могучей страной земледельцев пролетел Магадэва и сказал:

– Я дал им женщину, могучую, как они. Тихую и покорную, как они, спокойную и ласковую, чтоб давать им отдых в час утомленья. Пусть ее могучий стан не боится работы, безмятежный мир сияет в глазах, поступь будет тверда и решительна, а косой пусть обовьет она милого в час, когда обовьет его руками и он прильнет к ней на грудь.

И Магадэва создал русскую женщину и спустился на веселые берега голубого Дуная.

– Здесь народ дешевизны! Они любят, чтоб за гульден всего было много. Создадим им женщину, которою они остались бы довольны. Пусть она будет весела, как берега голубого Дуная, но полна, как кружка пива.

И Магадэва создал венку, у которой всего было много, и венский стул, крепкий, из гнutoго букового дерева, чтоб он мог выдержать ее тяжесть.

Потом он понесся в Испанию.

– Страна, где любят петь так же, как и драться. Мы дадим им женщину, которая своей пляской будет зажигать их кровь. Пусть в честь ее звенят серенады, – и это будет для них достаточным поводом кончать друг с другом добрым ударом навахи! Кроме этого, им ничего не нужно, разве только хорошую сигару! Наградим же их женщин умением крутить сигаретки!

Магадэва промчался и над сонной Турцией.

– Дома с маленькими окнами и таинственной тишиной внутри. Пусть в дыме кальяна пред их обитателями, словно греза после гашиша, предстанет одалиска, полуобнаженная, с дразнящим танцем, истомой и ленью в движениях. Пусть будут их женщины ленивы и страстны. Пусть они не делают шага из дома и в тиши гарема пусть разжигаются их мечты.

Все страны облетел Магадэва, везде шутя над людьми свою божественную шутку: создавая женщину.

– Все! – сказал он, утомившись.

– Ты забыл еще один город, – напомнил Брама, – Одесса, – она лежит на прекрасном берегу Черного моря.

– Кто населяет этот город?

– Люди разных племен.

– Так пусть же женщины этого города совмещают в себе качества женщин различных стран. Я устал творить. Возьмем по достоинству от каждой женщины и создадим одесситку.

И он создал ее, изящную, как полька, стройную, как еврейка, немного полную, как венка, чуть-чуть сентиментальную, как немка, с глазами, много обещающими, как венгерка, легкомысленную и изменчивую, как парижанка.

Так была создана женщина – эта шутка богов.

Воспоминания о В.М. Дорошевиче

Дон Аминадо

Поезд на третьем пути

Фрагмент из книги

Не только в самой столице, но далеко за ее пределами, всем южанам, как чеховским «Бирюлевским барышням», давно известно было, что «Одесские новости» это Эрманс, «Южное обозрение» – Исакович, а «Одесский листок» – В.В. Навроцкий.

А еще было известно, что недавней короткой славой своей «Одесский листок» обязан был самому Власу Михайловичу Дорошевичу, которого отбил у Навроцкого не кто иной, как Иван Димитриевич Сытин. И не то что так, просто отбил, а чтобы поставить вдохновителем и главным редактором московского «Русского слова».

И все это, несмотря на происшедшее между ними в свое время, в самом начале века, недоразумение, или, как отвлеченно выражался Сытин, случай.

Замечательно и то, что оба рассказывали этот случай, каждый в свойственном ему стиле или манере, но, по существу, совершенно одинаково.

Что, вообще говоря, является большой редкостью, а в так называемой литературной среде – тем более.

В сочной передаче Сытина история эта показалась нам особенно живописной.

А выслушали мы ее много, много лет спустя, в 1923 году, в марте месяце, и вот в этом самом городе Нью-Йорке.

Покойный Сытин вырвался из Москвы, получив миссию организовать грандиозную выставку советской живописи в Америке.

(...)

Разговор, разумеется, коснулся Дорошевича.

Вспоминали его единственную в своем роде лекцию, в январе 18-го года в переполненном до отказа цирке Никитина на Садовой.

Все уже было кончено, свергнуто и коленом к земле придушено. Россия полным ходом шла к военному коммунизму.

Надо было иметь много гражданского мужества, близкого к отчаянию, и много нерастраченного пафоса, и жгучей, невысказанной, неизжитой ненависти, чтоб в зиму 18-го года решиться на подобное выступление, прикрытое пестрой мишурой официальной темы:

– Великая Французская революция в воспоминаниях участников и современников...

Цирк был переполнен. Люди дрожали от холода, переминались с ноги на ногу, и от человеческого дыхания образовалось какое-то мутное марево, и в нем желтым неверным светом, то совсем потухая, то мигая, худо горели электрические лампочки.

Дорошевича встретили как надо: стоя, неистово аплодируя, но без единого слова, крика, неосторожного приветствия.

Он был в шубе, в высокой меховой шапке, чуть сутулый и сам высокий, уже смертельно-желтый и обреченный, в неизменном своем с широким черным шнуром пенсне, которое он то снимал, то снова водружал на свой большой мясистый нос.

Он читал, то и дело отрываясь от написанного, по длинным, узким, на редакционный манер нарезанным листкам бумаги, читал ровным, четким, ясным, порой глуховатым, порой металлическим, но всегда приятным для слуха низким голосом, без аффектации, без подчеркивания, без актерства.

Читал он, или, вернее, говорил, о событиях и вещах страшных, жутких, безнадежных, полных острого, вещего, каждодневного смысла.

За одни упоминания о подобных вещах и событиях в Москве в январе 18-го года у любых дверей вырастали латыши и китайцы преторианской гвардии.

И путь был для всех один: на Лубянку.

Все это понимали, чувствовали, ни с кем не переглядываясь, друг друга видели, лектор толпу, толпа лектора, и так в течение полутора или двух часов этого незабываемого вечера...

Через сравнительно короткий промежуток времени в Крыму от быстро развивавшейся болезни, от разжижения мозга, Дорошевич умер.

Закрyla глаза ему его молодая жена, красивая, жадная к жизни актриса Ольга Миткевич.

У Гейне есть стихи, в переводе Вейнберга.

Стихи эти, вернее, две строчки из них, Влас Михайлович при жизни с недоброй улыбкой любил декламировать:

Но та, кто всех больше терзала,
И мучила сердце мое...

И, не кончив четверостишия, останавливался.

* * *

На лекции Дорошевича, о которой вспомнил Фовицкий, Сытин не был, но, конечно, много об этом выступлении слышал, и тут-то словно коснулись мы неких заповедных струн, старик расчувствовался, разошелся и сам предложил:

– А не хотите ли, я вам расскажу, как у нас с покойным Власом Михайловичем знакомство произошло?

Долго нас уговаривать не пришлось.

– Было это больше сорока лет тому назад, одним словом, в конце девяностых годов. Торговал я у Проломных ворот, имел свой ларь, как следует быть, железом окованный; и цельный день, с утра и до вечера топтался на одном месте, чтоб, не приведи Господи, покупателя не пропустить.

Ну, товар был у меня всякий, какой надо:

И «Миллион снов», новый и полный сонник с подробным толкованием; и «Распознавание будущего по рукам», хиромантией называется. Очень ходкая была книжка. И «Гадание на картах». И «Поваренная книга» – подарок молодым хозяйкам. И конечно, Четьи минеи. И Жития святых. И все такое прочее.

Ранняя московская осень в тот год была, как сейчас помню, ясная и тихая, с заморозками по утрам, от лотков на площади шел грибной дух, на всех куполах Василия Блаженного солнце

играет, хорошая, господа, была жизнь, может, и несправедливая, а хорошая...

Ну, вот и подходит к моему ларю неизвестный мне молодой человек, на вид вроде семинариста, что ли, с лица бледный, и не то белобрысый, не то рыжий, и еще к тому долговязый.

Чутьем чую, что никакой это не покупатель, а так – как в картах, проходящая масть.

Ну, слово за слово, а он уж меня и по имени-отчеству величает, и все знает, пострел этакий, что я «Сонник»-то на свой страх и риск сам отпечатал, и вроде как издателем на обложке значусь.

И вынимает из-под полы тетрадь, в трубочку свернутую, и говорит – так мол и так, если желаете иметь весьма для вас подходящий товар, как раз к Рождеству, вещь очень чувствительная и задушевная, и у кого угодно слезу прошибет...

– А настоящий читатель, небось сами знаете, любит под праздник всплакнуть маленько.

И так мы с ним, с долговязым, по душам разговорились, что, уж не помню как, а очутились через час-другой у Соловьева в чайной, в Охотном ряду, сели у окна под высоким фикусом, и стал я его поить чаем с бубликами, а он все свою бородавку указательным пальцем мусолит, машина в трактире гудит – надрывается, а он это папироской мне прямо в лицо дымит и всю свою тетрадь под машинный гул на полный голос читает.

Ну, что ж, не стану греха таить, был я тогда помоложе да покрепче, а может, тоже и глупее был, а только так меня от чтения его за душухватило и защемило больно, что уж не знаю как, а слезы по щекам, по бороде так и потекли струей.

И так он меня, подлец, растрогал и разнежил до крайности, что я ему тут же с места новенькую зеленую трешницу из-за пазухи вынул и на стол положил, и говорю ему – беру твою тетрадь, как есть в сыром виде и давай, брат, по рукам, и вот тебе три рубля кровными деньгами на твое счастье и благосостояние...

А он еще ломается и говорит церковным басом – за такие слезы можете и пятерку дать, не пожалеете.

В общем, поторговались мы с ним как следует, и на трех с полтиной и покончили.

Забрал я у него тетрадь с сочинением, и спрашиваю: «А какую ж твою фамилию на обложке печатать будем?». А он мне говорит: «Боже вас сохрани фамилию мою на обложке печатать, а то меня из моего учебного заведения на все четыре стороны с волчьим билетом выгонят!».

Ну, думаю, как хочешь, мне лишь бы книжонку к Рождеству выпустить, будет чем расторговаться на праздник.

И расстались мы по-хорошему, и больше я его и в глаза не видел. Исчез, словно корова языком слизала.

Старик остановился, вздохнул, и, выдержав паузу, с чувством, толком и расстановкой преподнес нам свой заключительный эффект.

– Так можете вы себе представить, чем это все кончилось? Никогда в жизни не догадаетесь!

Уже вся книжонка в типографии, на Пятницкой, полностью отпечатана была, как зовет меня братьев Кушнеревых главный управляющий и говорит, змея, сладким голосом: «Что ж это вы, Иван Дмитрич, какую штучку придумали?! Николая Васильевича Гоголя святочный рассказ в печать сдаете?! И, так можно сказать, и глазом не моргнув?!».

Одним словом, что говорить, не помню, как я от управляющего на свет Божий вырвался, как при всех наборщиках от стыда не сгорел, как с Пятницкой улицы до Проломных ворот дошел.

И. Д. развел руками и добродушно улыбнулся:

ЛЕКЦІЯ
«В. М.»
ДОРОШЕВИЧА
ВЕЛИКАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
И ЕЯ ЖУРНАЛИСТЫ.
== ПРОГРАММА. ==
I.
Голодь. Терроръ. Революціонный трибуналъ. Контръ-революціонеры. Надежда на всемірную революцію. Революціонная и контръ-революціонная печать.
Антрактъ 10 минутъ.
II.
КАМИЛЛЪ ДЕМУЛЕНЪ
Перерывъ 2 минуты.
III.
МАРАТЪ-„другъ народа“
Антрактъ 5 минутъ.
IV.
ЭБЕРЪ-„пэръ-дюшенъ“
Капитанъ артиллеріи
НАПОЛЕОНЪ БУОНА-ПАРТЭ.
Начало въ 8 часовъ вечера.
Дирекція А. О. Дранкова.

Типографія Т. Ф. Дортманъ, Москва, Грязный, 4. Тел. 1-05 45.

– Конечно, был я тогда совсем сырой и, правду сказать, еще по складам читал, а больше все на смекалку и природный свой нюх надеялся.

Ну, вот и попался, как карась в сметану, и поделом.

А Влас Михайлыч, царствие ему небесное, уже и в то время, это я еще в чайной Соловьева нутром почувствовал, показался мне человеком огромного будущего, и в российском смысле, и в моем личном, и, как видите, предчувствие меня не обмануло, и его жизнь, и моя жизнь крепко были между собой связаны.

Это уж потом, после случая с Гоголем, когда он гремел на Юге, и молодая слава его доходила до Москвы, поехал я к нему в Одессу, сманивать от Навроцкого.

И сманул. И встретились мы, как старые друзья, и в большой компании пред отъездом из Одессы за отличным завтраком в Лондонской гостинице Дорошевич по моей просьбе рассказал, – а рассказывать он был мастер, – историю нашего знакомства, и посмеялись мы вдоволь и от всего сердца.

Сытин остановился и добавил с грустью:

– И не наша вина, что недолгим оказался век, и что и Россия не та, и «Русского слова» нет, и нет Дорошевича.

Дон Аминадо (настоящее имя Шполянский Аминад Петрович; 1888, Елизаветград Херсонской губ., ныне Кировоград, – 1957, Париж), русский поэт, журналист, мемуарист. В 1906 г. окончил Елизаветградскую классическую гимназию, поступил на юридический факультет Новороссийского университета (Одесса). В 1910 г., сдав в Киеве выпускные экзамены в университете Св. Владимира, приехал в Москву, где сразу же, работая присяжным поверенным (1912-1915), стал активно выступать в периодической печати с фельетонами, очерками, статьями, пародиями и стихами. В 1914 г. он, участник 1-й мировой войны (ранен в 1915), выпустил первую книгу стихов «Песни войны».

Широкую известность писатель приобрел стихотворными (реже – прозаическими) фельетонами на злободневные темы («соринки» дня) и пародиями на представителей «нового искусства» (К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, А.А. Ахматову и др.), отмеченными тонкостью наблюдений, легким и звучным стихом, живым

юмором, неожиданным гротеском и свежестью рифмы. В 1917-1918 гг. писатель выступает с хрониками, обзорами и рецензиями в московских театральном журнале («Московские силуэты» в журнале «Кулисы», 1917, № 6, и др.). В 1917 г. создает политический памфлет – сатирическую пьесу в стихах «Весна Семнадцатого года», изображающую последние дни монархии в России и события Февральской революции 1917 г. Не приняв Октябрьскую революцию, Дон Аминадо в 1918 г. уезжает в Киев, затем в Одессу, а в начале 1920 г. –

в Париж, где в 1920-1940-х гг. постоянно печатает стихотворные фельетоны в газете «Последние новости», редактирует детский журнал «Зеленая палочка», в котором участвовал А.Н. Толстой, а также издает книгу стихов «Дым без отечества» (1921), «Накинув плащ» (1928), «Нескучный сад» (1935), сборник рассказов «Наша маленькая жизнь» (1927) и др. Во время 2-й мировой войны и гитлеровской оккупации Франции Дон Аминадо занял, как и большинство русских эмигрантов, антифашистскую позицию. В 1954 г. он опубликовал книгу воспоминаний «Поезд на третьем пути», в которой воссоздал атмосферу дореволюционной России и жизни русской эмиграции, дав выразительные творческие портреты И.А. Бунина, А.И. Куприна, А.Н. Толстого, Д.С. Мережковского и многих других деятелей русской культуры.

Александр Амфитеатров

Дорошевич

«Слава в прихотях вольна», и странны, капризны, часто глумливы и оскорбительны бывают ее прихоти. Вот стою я в раздумье перед близкою мне темою и только головою качаю:

– Сколько было славы и как она прахом пошла! Как он забыт! Бедный Влас Дорошевич! Два года тому назад исполнилось десять лет с его кончины. Никто и не вспомнил и добрым словом не откликнулся. И я промолчал. Потому что – откуда же было знать, когда он приходится, день кончины Власа Дорошевича?

Однажды, летом 1921 года, этот знаменитый и богатый человек очутился нищим и больным в советском доме отдыха на петербургских Островах. Там его навещали и видели Василий Иванович Немирович-Данченко, я, еще два-три старика. В конце августа я бежал из Петербурга в Финляндию. Дорошевича большиевики вскоре переместили с Островов в лучший дом отдыха, кажется, в Осиную рощу, где обычно поправляли свои нервы советские сановники. Там он и умер когда-то в 1922 году.

Вас. И. Немирович-Данченко, выехавший из Петербурга в 1923 году, привез в Берлин известие о смерти Власа как о давнем уже факте. Едва ли не он последним из литературного мира видел Дорошевича живым. Но уже в таком отупелом состоянии, что, по-видимому, совсем утратил представление о времени и обстоятельствах, которые он переживает. Спросил Василия Ивановича:

- Отчего Амфитеатров меня забыл – давно не был?
- Хватились! Его давно нет в Петербурге. Он в Финляндии.
- Так что ж? Взял бы автомобиль, да и приехал.

Когда человек, полжизни занимавшийся политикой, забывает о границах между враждующими государствами, – дело плохо.

Уже на меня в летние посещения Влас Михайлович производил тяжелое впечатление конченого человека. Трудно соображал, затруднялся в речи. К зиме он совсем развалился, так что потерял даже телесную опрятность и сдержанность, чего – при мне – еще не было. Меня он однажды даже довольно далеко проводил по парку дома отдыха, хотя и очень тихим шагом.

Впрочем, ходок он всегда – и в здоровые годы – был плохой. В начале 90-х годов ему случилось однажды, в некоторую шалую ночь, сильно промерзнуть, и с той поры после тяжелой болезни он «пал на ноги», охромел. Хромота эта сделалась в литературных кружках как бы паспортною приметой Власа.

Курьез. Впоследствии, когда Влас Михайлович сделался властным и славным, почти что хозяином «Русского слова», среди московской газетной молодежи взялась мода подражать его хромоте и ходить с палочкой. Сперва Влас смеялся этому дурачеству; потом, когда число хромых «под Дорошевича» стало непомерно возрастать, начал хмуриться; наконец, однажды, когда провинившийся и вызванный им для разноса юный репортер приблизился к нему вприхромку и опираясь на тросточку, Влас не выдержал, – взревел буйтуром Всеволодом:

– Это что такое?! Чтобы я больше не видел в редакции подобных глупостей! Не хромать! убрать палку прочь! выздороветь! в одну минуту!

Выздоровел. Именно этот репортер вывел Дорошевича из терпения и попал под грозу потому, что был похож на Власа лицом и фигурой, так что с хромотой и палочкой получалась довольно схожая карикатура.

Это был С.Н. Ракшанин, усыновленный воспитанник очень известного в свое время московского фельетониста и «бульварного» (но «с психологией») романиста Николая Осиповича Ракшанина и, как твердо держалась молва, натуральный сын Дорошевича.

Я, несмотря на сходство их и твердость молвы, не вполне ей верю.

Потому что мне хорошо известно страстное желание Власа Михайловича в зрелые его годы иметь сына – наследника и продолжателя рода, который Влас, хотя сам был в нем приемным, очень любил.

Едва ли я ошибусь, что обманутые надежды иметь сына играли немалую роль в частых расхождениях Власа с женщинами, с которыми он пробовал устраиваться семейно. Но на выбор подруг он был несчастен – попадал либо на неродих, либо на заводчиц «девчонок». Когда одна из них осчастливила было его мальчиком, судьба злобно посмеялась: ребенок задавился пуповиной. Влас с горя чуть с ума не сошел. Отчаянное письмо его у меня цело. Вот почему я не совсем доверяю [слухам] о Ракшанине. Зачем бы Дорошевичу было так много волноваться чаением сына, если бы имелся налицо готовый, которого стоило лишь признать?

В годы нашей тесной дружбы и полной взаимной доверенности мы с Власом никогда не говорили об этом мальчике, которого я хорошо помню весьма избалованным Сережей у приемных его родителей Ракшаниных.

В бесчисленном полчище репортеров «Русского слова» молодой человек не проявил дарования, которое свидетельствовало бы о наследственности от предполагаемого отца, ниже от бабки «Соколихи»: этой сударыне, при всей ее злокачественности, никак нельзя было отказать в литературном таланте. Короткую, но беспутную жизнь свою «Сережка» кончил скверно. После большевицкого переворота и гибели «Русского слова» снюхался с победителями, напечатал в «Известиях» письмо с отречением от «проклятой буржуазии», получил ответственную командировку в Ростов на пост не то инспектора, не то цензора местной печати. Но там же вскоре пал «жертвою борьбы роковой» – не в поле битвы с белогвардейцами, а в пьяной трактирной драке.

Жизнь Власа Дорошевича очень четко и определенно делится на пять периодов: московский подготовительный (мелкое репортерство и работа в юмористических журналах), московский фельетонно-хроникерский («За день» в «Новостях дня» и «Московском листке»), одесский («Одесский листок» и путешествие на Сахалин), петербургский (моя «Россия») и – самый важный

и длительный – третий московский (создание «Русского слова»). За исключением последнего периода, когда судьба развела нас по разным дорогам (не нарушив, однако, нашей старой дружбы), мы с Дорошевичем были так тесно близки, что мне трудно писать о нем одном иначе, как анекдотически: иначе пойдет автобиография. Анекдотов же о нем достаточно включил я и в «Десятилетников», и в «Закат старого века», и в «Дрогнувшую ночь», и в «Лиляшу», и в «Вчерашних предков», где Влас проходит иногда под собственным именем портрета, иногда в составе сборного типа журналиста Сагайдачного.

Я очень любил Власа. Полагаю, что и он меня не меньше – по крайней мере, в годы совместной работы, как в «России», или хотя бы параллельной, как в его московских периодах. В создании им «Русского слова» я не принимал участия. Но вовсе не потому, будто, как не раз меня пытались уверить, он не хотел впустить меня в газету, опасаясь моего «непомерного» (как любил он выражаться) темперамента и своеволия, которыми я, дескать, «погубил» так блистательно преуспевавшую «Россию». Нет, помогать ему в строительстве «Русского слова» я не мог просто потому, что был в это время сперва ссыльным в Сибири и Вологде, а затем эмигрантом в Париже. А что сношения наши и в этом сроке не прекращались и продолжали быть наисердечнейшими – лучшее доказательство, что все мои «Сибирские этюды» были напечатаны в «Русском слове» Дорошевича и в «С.-Петербургских ведомостях» кн. Эспера Ухтомского: единственных двух редакторов, не убоявшихся помещать статьи литератора, которому «запрещено писать».

Мне только пришлось расстаться с старым привычным моим псевдонимом Old Gentleman. Сперва я подписывался «Борус» (гора в Саянах, видная снежною вершиною из Минусинска, за 270 верст), потом (это уже с 1903 года в «Руси» А.А. Суворина) «Абадонна». А как скоро вырвался за рубеж, в эмиграцию, дал себе слово, что впредь никогда не напечатая ни единой псевдонимной строки. И, слава Богу, слово свое тридцать лет сдержал, отвечая за все, что писал, именем и фамилией.

Дорошевич терпеть не мог писать письма. Однако в Минусинске я то и дело получал от него писульки – крупным энер-

гическим его почерком с сильными черными нажимами, – увещавшие все к одному и тому же: «Пишите, пишите, пишите! Не стесняйтесь размерами! пишите!» – это дословная выписка из одной его цидулки. А в своем «Сахалине», присланном мне в Минусинск, он написал такое «объяснение в любви», что я эту книгу прятал от знакомых, опасаясь, что кто-нибудь, прочитав, скажет с укоризною:

– Ну, знаете, Александр Валентинович, это уж Дорошевич хватил через край! Это вам, голубчик, не по чину!

Теперь эта книга вместе со всею проданною библиотекою у чехов в Праге. Уповаю, что цела.

А когда перевели меня из минусинской ссылки в вологодскую, как Дорошевич встретил меня на перепутье, в Москве на вокзале! «Суровый славянин, он слез не проливал», а тут всего меня исслежил! И я уверен, ни одна из возлюбленных дам его сердца никогда не была так исцелована, как я, мохнатый и бородатый, в сибирской дохе. Что тем замечательнее, что ни он, ни я никогда не были охотниками до изъявления чувств и «телячьих нежностей», а к поцелуйным обрядам между друзьями я чувствую решительное отвращение.

Рано поутру мне надо было следовать дальше в Вологду, и всю-то ночь просидели мы вдвоем в кабинете «Славянского базара», не заметив, как в беседе, полной воспоминаний прошлого и предположений о будущем, пролетели часы. Ну, и что греха таить! Шампанского тоже приняли внутрь предостаточно!

Полтора года спустя, вскоре после убийства Плеве Егором Сазоновым, моя жена при помощи А.А. Столыпина выхлопотала мне у Лопухина замену ссылки «отпуском» за границу. Я приостановился в Москве, чтобы проститься с отцом, родными и Дорошевичем. А он повез меня на Воробьевы горы – прощально поклониться Москве.

Об этой поездке я года два тому назад рассказал в «Сегодня» в этюде «Вербовщица Сатаны»: встретили мы тогда некоторую такую личность на пути к Воробьевке... А там сидели втроем: Влас, Виктор Александрович Гольцев и я, – смотрели через реку на Новодевичий монастырь и говорили о человеке, которого там только что похоронили.

В это время Влас, во главе «Русского слова», был уже очень крупною – «всероссийского значения» – силою, зарабатывал огромные деньги и жил богато. Однако еще далеко не с тою нелепою и неуютною роскошью, в какую впоследствии втянула его «погубительница» Ольга Николаевна Миткевич, с которою он, безумно влюбясь, вступил в законный брак (второй).

Предшествовавшая гражданская его супруга, тоже фарсовая артистка, тоже красавица, была хорошая русская баба-домоводка – умела окружить Власа комфортом, создать подобие семейного уюта. Однажды, проездом из Вологды в Питер, я, не желая предъяснять «проходное свидетельство» в гостинице, ночевал у них и дивился: попал – среди Москвы – в благоустроенный провинциальный помещичий дом, где в хозяйстве – полная чаша, а шикарства – ни малейшего. Не знаю, из-за чего распался этот союз, но, узнав о том, помнится, пожалел. Потому что тогда видел Власа в первый раз устроенным по-человечески – так, что обстановка его не напоминала ни номера в отеле, ни уборной кафешантанной певички, ни театрального фойе, ни «гнездышка» модной львицы. В первый и в последний.

В эпоху «Русской воли», когда пошатнулись отношения Власа с «Русским словом» и он чуть-чуть было не сошелся с С.М. Пропером для «Биржевых ведомостей», мы виделись довольно часто, но неинтересно. Влас в это время сильно втянулся в общество крупных бюрократов и биржевиков. Даже давал какие-то вечера с присутствием посланников, правда, экзотических, но – все же! Скучал он в этом обществе люто. Да и вообще скучал – жизнью уже скучал. Оживлялся только тогда, как, бывало, заведешь речь о Французской революции. Он хотел писать ее историю и собрал великолепную библиотеку по предмету, которая погибла в большевицкую революцию. Не от большевиков, а от нераспорядительности или, наоборот, чересчур уж приткой распорядительности супруги, использовавшей отъезд Власа Михайловича на юг, чтобы спустить его книжные сокровища за бесценно.

В Февральскую революцию Дорошевич был окрылен, но большевицкий октябрь его раздавил. Особенно после ареста, который длился, правда, всего несколько часов, но разбил его больше, чем много год каторги. Много видел я в то время панически испу-

ганных людей, но никого в такой мятущейся, самоубийственной тоске, как терзался Дорошевич. Помню, застал я однажды его, совсем больного, в постели, по которой он катался из стороны в сторону, как зверь, в отчаянии, не находящий места, где дать хоть минутный покой больному сердцу... Насилу-то, насилу его выпроводили на юг.

Возвращение Власа Михайловича с юга в Петербург – такой «зеленый ужас», такое надругательство над большим доверчивым человеком, что не хочется рассказывать.

Тэффи в «Воспоминаниях» немножко намекнула, недосказав до конца. Да вряд ли и все знала: ведь ее в это время уже не было в Петербурге. И я воздержусь. Скажу только, что, возвратясь внезапно, в ночное время, Влас долго не мог быть впущен в свою квартиру и больше часу сидел – больной, в полуобмороке – на лестнице, пока что-то там внутри приводилось в пристойный для глаз хозяина порядок. А назавтра он был препровожден в дом отдыха – без единого рубля в кармане.

Там и застал я его в том жалком состоянии, как было сказано в начале... При помощи некоего г. Фельтена мне удалось хорошо продать тогдашнему эстонскому дипломатическому представителю Альберту Георгиевичу Оргу несколько лекций Власа Михайловича о Французской революции для таллинского издательства «Библиофил».

Любезные миллионы, или, как тогда говорилось, «лимоны», Орга позволили Дорошевичу обойтись на первое время. А от дальнейшего времени его освободила смерть. И – по тем обстоятельствам, в каких она его застала, – слава Богу!

«Сегодня». 1934, № 291, 21 октября

Амфитеатров Александр Валентинович (14 (26) декабря 1862, Калуга – 26 февраля 1938, Леванто, Италия) – прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений (псевдонимы Old Gentleman, Московский Фауст и др.). Окончил юридический факультет Московского университета (1885). С 1882 года сотрудничал в журналах «Будильник», «Осколки», газетах

«Русские ведомости», «Киевская мысль», «Одесские новости».

В марте 1899 года вместе с В.М. Дорошевичем на деньги Мамонтова и Морозова создал газету «Россия» (запрещена в 1902 г. из-за публикации сатиры на царскую семью «Господа Обмановы»).

В 1902-1903 годах в ссылке в Минусинске, в 1904 г. – в Вологде. В ссылке под псевдонимами сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Руси», «Русском слове» и других газетах.

По возвращении из ссылки работал в газете «Русь». В 1904-1916 годах в эмиграции (Франция, Ита-

лия), издавал журнал «Красное знамя».

В 1906-1907 гг. был корреспондентом «Русского слова» и других газет, редактировал журнал «Современник», работал над историческими романами.

В 1916 году вернулся в Россию, возглавил отдел публицистики газеты «Русская воля», сотрудничал в газете «Петербургский листок», журналах «Нива», «Огонек», редактировал журнал «Бич».

В начале 1917 года в административном порядке выслан, благодаря Февральской революции не доехал до места назначения и вернулся в Петроград. В конце 1917 года редактировал газету Совета Союза казачьих войск «Вольность», в 1917-1918 годах печатал статьи, направленные против большевиков, в газетах «Петроградский голос», «Петроградское эхо», «Новые ведомости». С ликвидацией свободной печати преподавал литературу в педагогическом институте, в женской гимназии, переводил с итальянского для издательства «Всемирная литература».

23 августа 1921 года бежал на лодке с семьей из Петрограда в Финляндию.

С ноября 1921 года по весну 1922 года – в Праге, позднее жил в Италии. Сотрудничал во многих периодических изданиях русской эмиграции: «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс); «Руль» и его приложение

бютировал рассказами в «Мирском толке», а затем в «Петербургской газете» и фигурировал однажды в почтовом ящике «Стрекозы» как автор забракованной вещи, которому чуть не советовали бросить писательство. Куприн начал с маленьких очерков в «Киевлянине».

В.М. Дорошевич начал писать в газете и остался ей верен и по днесь. Это отнюдь не помешало ему завоевать себе широкую известность и занять видное место в рядах русских писателей.

Почти все, что выходит из-под пера этого талантливого писателя и блестящего фельетониста, становится достоянием всей читающей России, перепечатывается в сотнях газет, переводится на европейские и даже восточные языки. «Сахалин» Дорошевича имеется в китайском переводе, а его арабские сказки переведены на арабский, турецкий и татарский языки.

Исключительное дарование Дорошевича сделало его одним из самых блестящих русских писателей. Тонкое остроумие, легкая и изящная форма изложения – отличительные свойства этого дарования. Слог Дорошевича можно сравнить с игрою шампанского – такой же искристый и пенистый.

Дорошевич умеет схватить жгучую злобу дня, метко и ярко обрисовать героя дня, ударить его своим сатирическим бичом, набросать мастерскими штришками забавную карикатуру.

Умеет Дорошевич не только язвить, но и заставляет вас содрогаться, плакать, негодовать, восторгаться. Блеск и легкость формы уживаются у него тогда с серьезными общественными и моральными сентенциями.

Дорошевич сумел добиться своим горячим заступничеством за облыжно обвиненных в убийстве братьев Скитских пересмотра их дела. Но безрезультатны были и его филиппики по поводу дел Тальма, Коноваловой и др. И недаром покойный министр юстиции Н.В. Муравьев назвал однажды В. М. – «13-м присяжным заседателем».

Сахалинские очерки Дорошевича, эти потрясающие картины ужасных сахалинских порядков и человеческого озверения, также не прошли бесследно. Автору этих очерков удалось личным заступничеством вынуть из петли сахалинского каторжника, признанного всеми душевнобольным.

Тридцать лет тому назад В. М. дебютировал в захудалом издании «Волна» некоего Руссиянова бульварным рассказом из цирковой жизни о графе, влюбившемся в наездницу, и графине, полюбившей клоуна. Редактор заподозрил дебютанта в том, что он учинил маленький плагиат, сделав позаимствование в иностранной печати. Но это было неосновательно: Дорошевич не знал ни одного иностранного языка.

Как бы то ни было, начинающий автор был несказанно рад, когда вместо ожидаемого им гонорара по 2 коп. за строчку ему уплатили по 3 коп. Гонорар был выдан с маленьким запозданием, когда автор в расчете на него успел прокутить всю свою свободную наличность в сумме 5-6 р.

Самобытное дарование Дорошевича было оценено редактором «Волны», когда он в его присутствии в один присест написал рассказ в самой редакции, помещавшейся в каком-то нотном магазине. Рассказ был навеян только что осмотренной обоими картиной Ярошенко – «Причины неизвестны». Сюжет картины, конечно, многим известен.

Маленькая комната. Серое утро. На столе лампа. Проникающий через окно свет борется с темнотою, и перед вами вырисовывается тело застрелившейся курсистки.

Написанный под впечатлением картины рассказ решил судьбу юного 17-летнего автора. С тех пор Дорошевич стал появляться в «Новостях дня», в «Будильнике» и др.

Вместе с ростом его успеха росла у В. М. потребность в самообразовании. Он приступает к изучению иностранных языков, даже мертвого латинского языка, чтобы иметь возможность читать в подлиннике Ювенала и Марциала.

Он много путешествует и посещает преимущественно места, связанные с какими-нибудь крупными историческими событиями или религиозными движениями. Дорошевич глубоко интересуется религиозным вопросом, вернее – происхождением религий. Он едет в Палестину – колыбель иудаизма и христианства, и на «родину богов» – в Индию. Там, на берегах Ганга, Дорошевич знакомится с местностями, где родился и подвизался Будда. Во Франции он с «Историею Французской революции» в руках обходит все достопримечательные места.

В тиши кабинета своего талантливый фельетонист и публицист, почти не посещающий никаких собраний и театров, окружен всегда книгами. История религий, Французская революция, юридические исследования, посвященные уголовному праву и миру преступников, – таковы настольные книги Дорошевича...

Дорошевич пишет легко, но работает много. Его трудовой день начинается ранним утром с чтения любимых книг.

– Моею любимой книгой, – заявил мне как-то В. М., – является полное собрание «Сказок Шехерезады» – «Тысяча и одна ночь», в классическом французском переводе. И если я не проглатываю двух-трех страничек Шехерезады, то беру другую мою настольную книгу – «Историю Французской революции».

О Дорошевиче, его жизни, встречах и столкновениях с цензорами, с администраторами, вроде покойных Баранова и одесского сатрапа Зеленого, об его «двойниках», не без выгоды для себя эксплуатировавших популярность писателя, циркулирует много рассказов и немало легенд. Сам В. М. не любит рассказывать о себе и своем богатом любопытными эпизодами прошлом. Если он в приятельской беседе и обмолвится личными о себе воспоминаниями, которые просятся в печать, то поспешит предупредить вас:

– Только, Бога ради, это не для печати. Помру – тогда пусть пишут обо мне, что хотят. Я предпочитаю, чтобы не обо мне читали, а меня читали...

Дорошевич не принадлежит к типу писателей новейшей формации, стремящихся увековечивать себя во всевозможных видах и позах и любящих кокетничать пред болтливыми интервьюерами. Иной, поработав в литературе без году неделю, из сил выбивается, чтобы публика узнала всю его биографию. Вошли даже в моду 10-ти и 5-летние юбилеи, которым предшествуют обстоятельнейшие интервью и биографии с описанием первых «проб пера», когда юбиляру было 5-6 лет... О В. М. я не встречал ни одной биографической заметки.

Дорошевичу теперь 47 лет. В 1910 году исполнился некоторым образом его литературный юбилей – 30-летний. И если бы его друзья вздумали сделать его объектом юбилейного

чествования, то, можно поручиться, на таком чествовании отсутствовал бы сам юбиляр. Но зато откликнулись бы многочисленные читатели и почитатели писателя, люди, обязанные его перу своим спасением от каторги и даже виселицы, и соратники по «оружию», для которых он являлся отменным товарищем.

«Солнце России». 1911, № 11

Кауфман Абрам Евгеньевич (1855, Одесса – 1921) – российский журналист и публицист. Учился во 2-й гимназии и коммерческом училище в Одессе. Окончил курс юриспруденции в Санкт-Петербургском университете. Печатался в «Новороссийском телеграфе», «Одесском листке», «Одесских новостях», «Рассвете», «Солнце России», «Всемирной панораме», «Утре России», «Голосе земли», «Историческом вестнике», «Женском альманахе», «Природе и людях», «Южнорусском альманахе», «Турецком сборнике», член редколлегии издания «Русский еврей».

В 1919-1921 гг. – редактор журнала «Вестник литературы».

Автор докладной записки о положении евреев в России, составленной для представления в Комиссию К.И. Палена. Опубликована в 1883 году под заглавием «Еврейский вопрос в России» за подписью П.П. Демидова и Сан-Донатто.

Председатель Общества взаимопомощи литераторов и ученых.

По воспоминаниям современников, именно А. Кауфман подсказал В. Навроцкому пригласить В. Дорошевича в Одессу.

Александр Кугель

Литературные воспоминания

В нашей троице (А. Кугель, А. Амфитеатров, В. Дорошевич. – **Ред.**) отличался тем, что по несравненному своему юмору и по качествам своего дарования, а может быть, и характера, – особенно легко, привольно, и притом до конца своей литературной карьеры, чувствовал себя в этой сфере пустяков и милого вздора. Я не знаю, можно ли про Дорошевича сказать: «кабы да ежели бы...». Он был тем, чем был, и не мог быть иным. Я уже как-то упоминал, что почти все впоследствии известные и даже славные писатели начали с юмористических журналов, и как одна знаменитая французская актриса, указывая на спальню, так большое число литераторов, указывая на редакцию юмористических листков, могли бы сказать: «Il faut passer par là». Но у Дорошевича «Будильник» и «Развлечение» были в крови. Он, прежде всего, сам радовался неожиданностям и скачкам своего остроумия. Человек с хорошими задатками, он был сильно помят жизнью еще в молодости. Свою мать – популярную бульварно-газетную романистку Соколову – он не любил. Об отце его никто, кажется, ничего не знал. Его первый псевдоним – еще до «Дяди Власа» – был «Сын своей матери». Чуть ли не с гимназической скамьи – блестящий успех среди московской полукультурной черни. Москва того времени кишела такой чернью, и таковой же, за ничтожными исключениями, была и московская литературная среда.

Дорошевич был, вообще, истый сын Москвы. Крупного сложения, ширококостный, с большим ртом, мясистым носом, близорукими глазами и раскатистым голосом, он походил несколько на Собакевича. Около каждой церкви мелко-мелко крестился, лю-

бил покушать, отведать хорошего винца, и когда еще мы были почти юношами, хаживал с палочкой и припадал на ногу. Собеседник, на мой взгляд, он был неважный. Он не умел и не любил слушать, а все сам говорил и срывал «эффекты». Когда он, уже тронутый в сильной степени своею печальною болезнью, приехал в Петербург, то поразил какую-то непонятною, упорной молчаливостью – словно молчание было послано ему в наказание судьбою за грех излишней болтливости. Он умел «держаться фасон», обнаруживал редкий апломб, и когда впоследствии бесконтрольно распоряжался редакцией самой распространенной русской газеты – «Русское слово», то завел там дух и порядок чрезвычайно чванный. Я всякий раз испытывал чувство неловкости, попадая в редакцию «Русского слова», – до того атмосфера редакции, созданная Дорошевичем, не походила на обычную нашу русскую редакционную атмосферу: ни признака богемы, беспорядка, панибратства. Чинно, строго, с целым рядом комнат, устроенных по коридорной системе и напминавших дом предварительного заключения, с чрезвычайно разработанной иерархией заведующих, секретарей и чуть ли не экспедиторов. Даже не сразу можно было догадаться, где помещается кнопка, которую нужно нажать, чтобы привести механизм в движение и добиться чаемого результата. Вообще, что-то среднее между большим министерством и большою экспортною конторою, – американское, французское, английское, коли хотите, немецкое, но совсем не русское литературно-издательское дело. Эту печать наложил, несомненно, Дорошевич. Подобно тому, как Дорошевич первый поднял гонорары на небывалую высоту, создав некие легенды о редакционном вознаграждении и т. п., так он же едва ли не первый сумел обуздать московское издательское амикошонство и замоскворецкие нравы, утвердившиеся в прессе. Отношения в этой прессе в большинстве случаев были такие же, как между хозяином и «молодцом» из приказчиков. Я тебе плачу, но ты, мол, чувствуй, – как Ахов и Ипполит у Островского.

Самая богатая московская газета была, бесспорно, «Московский листок», владельцем которой был уже упомянутый Николай Ив. Пастухов. Он иначе с сотрудниками не обращался, как на ты, гонорар любил уплачивать в трактире за парой чая или в бане, куда бесплатно водил сотрудников, и всему предпочитал и всего более лю-

бил, напоминая в этом отношении биографические черты Кузьмы Пруткова – пожары. «Отполировать» такого купца, как Пастухов, заставив его считаться и дорожить сотрудником, было уже много. Дорошевич держал московского купца в «решпекте», вплоть до И.Д. Сытина, этого удивительно талантливого русского самородка, умнейшую коммерческую голову, который, однако, трепетал, если можно выразиться, имени Дорошевича. Чем особенно действовал на издательскую породу Дорошевич – талантом ли, самоуверенностью, верой в свою звезду – право, не знаю, но – действовал. Говорят, он делал тираж газеты. Может быть, в отдельных случаях, но не всегда. Мне известно, например, что его сотрудничество в «Пет. газете» – довольно кратковременное и оборвавшееся вследствие вынужденного отъезда Дорошевича из Петербурга (за статью об употреблении евреями христианской крови) – не отразилось заметным образом на тираже газеты. Но там, где не было газетного ансамбля, где Дорошевич устраивался, так сказать, на правах гастролера, – он, точно, собирал публику и взамен тиража требовал от издателя «уважения и преданности, преданности и уважения» и, конечно, гонорара. Если не ошибаюсь, именно Дорошевич завел систему контрактов, до тех пор совершенно неизвестную в нашем газетном мире. Он писал не просто контракты, а с неустойками, процентными начислениями, обеспечениями на будущее время и пр. О последнем его контракте с И.Д. Сытиным рассказывали чудеса. Тут были и отпуска, и годы отдыха, и какие-то 40.000 р. в год, присвоенные Дорошевичу на «вечные времена». Увы, пришла революция, и «вечность» превратилась в дым. Дорошевич умер в нужде, и жене его приводилось распродавать имущество. Революция спасла И.Д. Сытина от одной крупной неустойки. Он их столько заплатил, что заплатил бы, конечно, и эту. Почти все сотрудники «Русского слова» писали с Сытиным контракты и выговаривали неустойки. Кажется, один я не поднимал вопроса о контракте, чем, вероятно, весьма уронил себя в глазах И.Д. Сытина.

Будучи, так сказать, создателем особой отрасли газетно-гонорарного права, Дорошевич усовершенствовал также институт авансов. Об авансе Дорошевич думал то же самое, что Ф.П. Плевако. Старый анекдот гласит о том, что однажды к московскому «златоусту» явился именитый купец с каким-то весьма неприят-

ным для него делом. Плевако после «оскультации» и ознакомления с делом, во время чего купец сидел ни жив ни мертв, наконец, молвил: «Ну, что же, дело ничего, дело можно и обернуть!» – «Уж будь, Федор Никифорович, отцом-благодетелем! Не оставь!» – «Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аванс!» Купец глаза вылупил: «Это что же такое, Федор Никифорович, аванс?» – «Ах, ты, чудак! Задаток знаешь?» – «Ну, вестимо, знаю!» – «Так вот, аванс вдвое больше!» В таком роде растолковал значение слова «аванс» Дорошевич московским издателям. Аванс взимался строго, неукоснительно, почти с правожом. Аванс соблазнял, увлекал, доводил ум до восторга. И я пал жертвою аванса. Доведенный до отчаяния задержкою денег конторою «Новостей дня», запутавшись в векселях, связанных с издательством «Театра и искусства», я, кажется, в 1902 г., дал себя увлечь в «трактир купца Кубова» (как называл Дорошевич ресторан Кюба), и там Дорошевич, можно сказать, перепродал меня Сытину за 4.000 р. аванса.

Дорошевич умел, вообще, показывать товар лицом. Например, он безмерно растягивал свои фельетоны. Я в наивности своей долго не понимал, зачем он это делает, тем более что вскоре после воцарения своего на троне российских фельетонистов он упразднил для себя построчный гонорар, а завел, так сказать, *liste civile*, по которому контора неукоснительно платила. Но он отлично учел психологию, если позволено так выразиться, читательской обывательщины. Долгое, длинное – значит важное и первостатейное. Смешение количественного и качественно коэффициентов, подмен одного другим – это ведь обычная aberrация толпы. Толпа до сих пор, например, твердо уверена, что если театр ставит, хотя бы прескверно, пятиактовые драмы, то этот театр «серьезный», а если театр ставит небольшие пьесы, – то это уже «театрик». Если издание выходит в лист, то оно – «журнальчик», хотя бы писал в нем Шопенгауэр, а если три листа, то «журнал», хотя бы наполнял его граф Амори. И разве не для этого – не для «волюма», не для престижа, создаваемого пухлостью, многолистностью, растягивали себя, как резину, многие писатели, – ну, хотя бы Леон. Андреев, который всегда был и оставался только новеллистом и автором одноактных скетчей, произвольно им растягиваемых на многие листы и акты? Доро-

шевич располагал для увеличения объема драгоценнейшим оружием – коротенькой строчкой, которая, быть может, больше, чем его блестящее остроумие, содействовала его успеху и, увы, скоропреходящей славе. Эта коротенькая строчка – точно, его, Дорошевича, подлинная собственность. Несомненно, что самый характер его стиля, особенность его темперамента соответствовали этому «staccato», если позволено будет прибегнуть к музыкальному термину. Его отрывистый слог, скачки мысли и игра противоположностей действительно исключали округленность периодической речи, и как «из всех цветочков более розу я люблю», так Дорошевич мог сказать, что из препинанья знаков точку более люблю. Но и любя точку, можно писать в одну строку. А можно сплошь прибегать к абзацам, как делал Дорошевич. В условиях московской печати это, прежде всего, было выгодно. Еще когда я писал в «Новостях дня», там существовали так называемые «чики», – прелюбопытное изобретение издательской прижимистости. «Чиками» назывались неоконченные слова на новой строке, если за ней шел абзац. Эти строчки почему-то гонораром не оплачивались, а набегало таких неоплаченных строк на статью – от 6 до 10. Глядишь, издателю-то оно и на пользу. Но так как сила сопротивления возрастает, как квадрат давления, то ежестрочные абзацы Дорошевича, ухитрявшегося из слов «да», «нет», «о», «увы» и пр. делать особые строки, были достойным возмездием издательской жадности. Из всех свойств и талантов Дорошевича – абзацы и коротенькие строчки всего быстрее распространились по лицу русской печати, особенно провинциальной. Это «краткострочие» всегда производило неприятное впечатление и как-то сразу, в одной внешней манере, единственно типографским штрихом, полагало заметную, ясно видимую грань между тем, что есть литература, и что есть не более, как газетное «распивочно и на вынос».

Кончина В.М. Дорошевича была очень печальная. Он стал угасать с самого начала революции. События – еще с февральских дней – ударили его, словно обухом по затылку. Он растерялся. По свойству своего дарования, он был фельетонистом и писателем повседневности. У французов различают ораторы будничных дней и ораторы больших выступлений – «des grandes occasions». Дорошевич был журналистом «маленьких поводов» – des petites occasions, – и когда

разыгралась грозная стихия, он беспомощно, как малая щепка, закружился в волнах событий. Я не знаю обстоятельств его ухода из редакции «Русского слова», но он ничего уже не писал, если не считать популярных лекций о печати во время Французской революции. Потом я его встречал в Киеве, в Одессе, где еще кипела газетная жизнь, уже затихшая в Петербурге и Москве. Он отмалчивался, глядел робко по сторонам и одиночествовал. Когда он приехал в Петербург, это был живой труп, одержимый, если можно сказать, манией преследования. Умер он совершенно забытый и всеми, кроме близких, покинутый. Ни одного, кажется, представителя литературного мира не было на похоронах. Был прескверный, грязный, серый, снежный и сырой петербургский день, и как я ни гнал извозчика – я не поспел на кладбище. И я вспомнил, как несколько лет назад почти в такой же день на том же Волковом кладбище мы хоронили В.А. Тихонова и во время обедни вышли из церкви покурить, и Дорошевич сказал в ответ на мое шутовское замечание, что вот-де мне придется и его отпевать: «Ну, нет, не вы у меня, а я у вас буду на похоронах». In effigie, впрочем, как говорится в уголовном праве, уже несколько лет как состоялись наши общие похороны.

При всей, однако, ненормальности условий жизни того времени было нечто крайне жестокое в этом забвении литературного мира. И мысленно обозревая блистательную карьеру Дорошевича, я почему-то цитировал про себя обращенные к Зевсу слова гетевского Прометея: «Чьи слезы осушил ты? чье горе успокоил?». Надо сознаться – Дорошевич был холоден: его блеск был холоден, как диск зимнего солнца...

Журнал «Былое». 1923, № 22

Кугель Александр (Авраам) Рафаилович (псевдонимы Ното novus, Негорев) (14/26.08.1864, Мозырь, Минская губ., – 05.10.1928, Ленинград) – театральный и литературный критик, режиссер, драматург, публицист.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1886), в студенческие годы пережил литературно-философские увлечения нигилизмом Д. Писарева, пессимизмом Э. Гартмана. С 1892 начал подрабатывать на жизнь журналистикой: мелкая хроника, небольшие статьи на различные темы, «Санкт-Петербургские ведомости», «Санкт-

Петербургская газета», позднее московские «Новости дня» и др. Весной 1885 г. впервые по заданию редактора написал рецензию на балет в летнем театре сада «Ливадия». В 1897 г. с помощью жены, известной в то время артистки Суворинского театра Зинаиды Холмской, создает журнал «Театр и искусство» и как редактор возглавляет его более 20 лет. Вел

регулярную рубрику «Заметки», «Театральные заметки». Затрагивал все зрелищные искусства, много внимания уделял провинции, вопросам актерского быта, правовым проблемам, не отрывал театр от общих процессов развития искусства и требований жизни. 6 декабря 1908 года вместе с Холмской открывает театр «Кривое зеркало», сперва как кабаре со столиками в Театральном клубе Союза драматических и музыкальных писателей (с 1910 в театральном помещении на Екатерининском канале). Видит задачу «Кривого зеркала» в поисках новых форм, сочетании комического и лирического. Далекий от политики, Кугель принял Октябрьский переворот, по меньшей мере, настороженно. Пришлось расстаться с любимым журналом, немалые трудности переживало и «Кривое зеркало». В новой обстановке Кугель-критик утратил былой авторитет, чувствовал себя никому не нужным, уступив место молодым «горланам, главарям». И все же эмигрировать не захотел, хотя такая возможность представилась во время гастролей театра в Польше в 1925 году (за границей остался Евреинов). До последних дней руководил «Кривым зеркалом», театром, хотя и утратившим прежнюю значимость, но оказавшим влияние на развитие сатирических жанров. В последние годы жизни Кугель много занимался литературной работой, написал и опубликовал мемуары: «Литературные воспоминания» (Пг.; М., 1923); «Листья с дерева» (Л., 1926); книгу «Утверждение театра» (М., 1923); книги-монографии о Ю. Юрьеве, В. Комиссаржевской, В. Качалове и др. Один из создателей Союза драматических писателей и композиторов, организации, защищавшей авторские интересы. Один из членов-учредителей Театрального общества. Инициатор и участник ряда клубных начинаний, в том числе Литературно-художественного кружка, впоследствии «Суворинского».

Корней Чуковский

Дорошевич никогда не импонировал мне как писатель, но в моем сознании он всегда был победителем, хозяином жизни. В Москве, в «Русском слове» это был царь и бог. Доступ к нему был труден, его похвала осчастлививала.* Он очень мило пригласил меня в «Русское слово». Я написал о нем очень ругательный фельетон. Я испугался – мне стало неловко. Мне сказали (Мережковские): это вы непрактично поступили: не бывайте вам в «Русском слове»! Я огорчился. Вдруг получаю от Дорош. приглашение. Иду к нему (на Кирочную) – он ведет меня к себе в кабинет, говорит, говорит, и вынимает из ящика... мой ругательный фельетон. Я испугался – мне стало неловко. Он говорит: вы правы и не правы (и стал разбирать мой отзыв). Потом – пригласил меня в «Рус. слово» и дал 500 р. авансу. Это был счастливейший день моей жизни. Тогда казалось, что «Рус. слово» – а значит, и Дорош. – командует всей русской культурной жизнью: от него зависела слава, карьера, – все эти Мережковские, Леониды Андреевы, Розановы – были у него на откуп, в подчинении. И вот – он покинутый, мертвый, никому не нужный.

Дневниковая запись Чуковского от 22 марта 1922 г.

Корней Иванович Чуковский (настоящее имя Николай Корнейчуков, 19(31).03.1882, Петербург – 20.10.1969, Москва, Переделкино) – журналист, литературный критик, переводчик, детский писатель, поэт, исто-

* Как стремился Маяковский понравиться, угодить Дорошевичу. Он понимал, что тут его карьера. Я все старался, чтобы Дорош. позволил Маяк. написать с себя портрет. Дорош сказал: ну его к черту. – **Прим. авт.**

рик литературы, языковед, текстолог, мемуарист.

Родился 19 (31) марта 1882 г. в Петербурге.

Около 1885 г. с матерью и сестрой переехал в Одессу. Здесь учился во 2-й прогимназии, преобразованной в 1898 г. в 5-ю гимназию. Был исключен из этого учебного заведения, но когда – не установлено. Занимался самообразованием и сдал гимназический курс экстерном.

Первая статья «К вечно юному вопросу» опубликована 27 ноября 1901 года в газете «Одесские

новости». Придуманный к ней псевдоним «Корней Чуковский» вскоре полностью заменил подлинное имя и фамилию.

В 1903 г. уехал корреспондентом «Одесских новостей» в Лондон. В сентябре того же года Чуковский возвращается в Одессу, а весной 1905-го перебирается в Петербург. Лето 1905 г. проводит в Одессе и оказывается свидетелем восстания на броненосце «Потемкин».

С 1907 до 1917 г. живет в Финляндии, в поселке Куоккала, потом – в Петрограде-Ленинграде, а с 1938 г. – в Москве.

Известны четыре его приезда в Одессу за это время: конец июня – первая половина июля 1907 г., апрель 1912 г., сентябрь 1936 г. и апрель 1937 г.

Жанры менял под давлением обстоятельств, но в каждом достигал высочайшего уровня. Начав с литературной критики, очень скоро стал в этой области чуть не главным авторитетом. Если бы он написал одни только детские сказки, то уже этим обеспечил бы своему имени бессмертие. За исследование биографии и творчества Некрасова получил Ленинскую премию...

Его переводческая деятельность началась в Одессе. Освоив по самоучителю английский язык, он стал читать в подлиннике английские книги, а потом и переводить. В результате открыл русскому читателю Уитмена и Уайльда, перевел произведения О'Генри, Дефо, Конан Дой-

ла, Мозма, Честертон, написал теоретический труд о художественном переводе «Высокое искусство».

В 1962 г. Оксфордский университет присвоил Чуковскому почетную степень доктора литературы, которой до него удостоился только Тургенев, а после – Ахматова и Лихачев.

Первое собрание сочинений Чуковского в 6 томах печаталось с 1965 по 1969 г.

В 2009 г. выпущен последний том нового 15-томного собрания. Оно не полное, но в нем наследие Чуковского представлено максимально широко.

Умер 20 октября 1969 г. в Москве.

В Одессе на улице Пантелеймоновской установлена мемориальная доска на доме, где жил К.И. Чуковский.

Георгий Шенгели

Дорошевич*

Где-то у Блока, в «Дневниках» или «Письмах», есть приблизительно такая фраза: «...в то время как бездарный мерзавец Дорошевич зарабатывает по пятидесяти тысяч в год».

Здесь все неверно.

Во-первых, Дорошевич зарабатывал больше.

Во-вторых, он не был ни мерзавцем, ни бездарным.

Это был первоклассный талант, мощный и светлый ум, большое и горячее сердце.

Мне было двадцать пять лет, а ему пятьдесят семь, когда мы познакомились. Два месяца мы провели вместе, и это – одна из самых радостных полос моей жизни.

Через полтора года мы встретились вновь, когда эта светлая голова была уже во власти безумия. В течение трех недель я почти ежедневно бывал у него, и эти три недели – одно из самых горестных моих воспоминаний.

Он был фельетонистом, «только фельетонистом», но равного ему за полтора десятка лет нашей журналистики не было.

Только француза Рошфора можно сравнить с ним по блеску остроумия, по умению «фельетонно» обработать тему.

---

* Незавершенный очерк – печатается по автографу.

Для Шенгели, начавшего в 1909 г. сотрудничать в керченских газетах, в частности, фельетонистом, Дорошевич был кумиром, идеалом, отзвук этого отношения он пронес через всю жизнь: «...мне imponировал ясностью мысли и богатством ее только один: Влас Михайлович Дорошевич... он был именно умным умником, а Белый, Розанов, Вяч. Иванов, Мережковский – всё это глупые умники», – писал он много лет спустя в письме к М.М. Шкапской.

Амфитеатров, в своем романе «Девятидесятники» зарисовавший Дорошевича под именем Сагайдачного, называет его «русским Беранже в прозе».

Это – комплимент. Но не Дорошевичу, а Беранже.

Мне было девять лет, когда я, стащив у брата, прочитал громадную книгу Дорошевича «Сахалин», – и через шестнадцать лет я наизусть цитировал автору многие страницы его произведения.

Пятидесятилетним стариком я перечитал эту книгу, и на тех же страницах меня так же била дрожь, и так же перехватывало мне горло, как и сорок один год назад. Такова сила небрежных зарисовок «фельетониста».

Чехов до него ездил на Сахалин, тщательно изучил и вдумчиво изобразил гигантскую помойку дворянско-купеческой империи, эти «поля орошения», где никому не нужным компостом сгноили миллионы людей.

Умная, глубоко гуманная книга, заставляющая думать.

Но она так же относится к «Сахалину» Дорошевича, как сценарий к цветному фильму.

Дорошевич не ставит ни психологических, ни пенитенциарных, ни колонизационных, ни социальных проблем, рисуя каторгу.

Но он дает такую галерею живых людей и мертвых душ из «Мертвого дома», так нагнетает в читателя ужас, омерзение и жалость, что закрываешь книгу с внутренним воплем: «Так нельзя!».

Максимов интересно писал о каторге. У Толстого в «Воскресении» есть блестящие страницы. Многое хорошо уловил Кеннан. Но лишь Достоевский впечатлял меня с такою же силой, что Дорошевич. Достоевский!..

В 1912 году в мою палатку в прибайкальской тайге дошел номер «Русского слова» с фельетоном Дорошевича о Ленском расстреле.

Я до сих пор помню наизусть его первые строки:

«Когда рассеялся дым от ленских залпов, мы увидели милое лицо г-на Тимирязева.

– Ку-ку!

Вы и здесь?..»

Тимирязев был министром или товарищем министра торговли, связанным золотыми шнурами с обществом «Лена-Голдфилдс».

Именно этому обществу принадлежали ленские прииски, где жандармский алхимик из свинца, полетевшего в грудь голодных рабочих, пытался сделать золото.

Фельетон разоблачал Тимирязева.

Фельетон рисовал бездействие крупного носителя власти, плясавшего под дудочку золотопромышленников, что привело к страшной катастрофе.

Фельетон показывал, как приводилась в движение высокопревосходительная марионетка.

Дорошевич ужасался:

«Как вы испачкались, г-н Тимирязев!

Вы весь... в золоте!

Одеколоном, спиртом это золото!..»

Дорошевич, может быть, и не понимал всего политического смысла и всей социальной глубины события.

Он, может быть, не мог, по условиям царской цензуры, поставить вопрос во весь рост.

Но он видел лужи крови на золотоносных песках Алдана; он видел увешанного орденами продажного карьериста, который мог предотвратить эту кровь – и не предотвратил.

И он дал по нем залп.

Пятьсот строк, из которых каждая была «как кубок смерти, яда полный».

И через несколько дней я читал в том же «Русском слове», что Тимирязев «подал прошение об отставке по расстроенному здоровью».

И получил ее.

Даже Николая Второго пробрало!

Такова сила слова...

Читательская популярность Дорошевича была огромна.

Номер газеты с его фельетоном шел удешевленной розницей.

Когда он по семейным причинам переселился на несколько лет в Петербург и покинул «Русское слово», издатель последнего Сытин (талантливейший «самородок», создавший грандиозное издательство и самую распространенную в дореволюционной России газету) платил ему по сорок восемь тысяч золотых рублей только за то, чтобы Дорошевич не сотрудничал в петербургских газетах, что создало бы неодолимую конкуренцию «Русскому слову».

Сколько раз небрежная заметка Дорошевича буквально спасала жизнь человеку.

Некий полковник совершил «подлог».

У него был внебрачный сын, в дальнейшем усыновленный, «привенчанный», но обреченный, благодаря упоминанию в документах о «добрачном», на фальшивое и трудное положение в лицемерном «обществе».

Полковник, оформляя в полковой канцелярии свой послужной список, приказал не вносить в него соответствующих данных, в силу чего документ стал «подложным».

Это открылось. Полковник попал под суд, был выгнан со службы с лишением прав и очутился на улице с большою семьей.

Все двери перед ним закрылись. Никто не давал работы «замаранному по суду».

Куда ни обращался бедняга, доказывая, что его деяние – не преступление, что приговор к «голодной смерти» чересчур суров, – безуспешно.

Во всех инстанциях его ходатайства были отклонены.

Но в России имелась еще одна инстанция: Дорошевич.

Полковник обратился к нему.

Появился небольшой фельетон, где короткими строками в тоне непринужденной беседы Дорошевич пересказал возмутительную историю.

Буквально на другой день товарищ министра финансов Ковалевский, бывший народник, написал Дорошевичу, предлагая погибающему полковнику место в одном из отделов министерства.

Семья была спасена.

Таких и подобных случаев много.

Стоило Дорошевичу обратиться к общественной благотворительности – и широкая помощь названному им бедняку шла отовсюду, порою полтинниками и гривенниками.

Однажды он объявил подписку в пользу некоей престарелой певицы.

Его упрекали:

«Что вы благотворите такой-то? Она же бывшая кокотка. Два состояния просвистала».

Дорошевич ответил:

«Надо же, чтобы кто-нибудь помог и бывшей кокотке».

И публика согласилась с ним. И помогла.
Он был добрый, широко-добрый человек.
Размашисто живя, не отказывая себе в покупке редчайших книг и гравюр, зная толк в изысканной кухне и тонких винах и уделяя им немало внимания, он значительную долю громадного своего заработка тратил на личную благотворительность.
Сколько гимназистов и студентов обязаны ему взносом платы за право учения! Сколько нищих женщин благодаря ему оказались собственницами швейных машинок!
Сколько чахоточных поехало на его деньги в Ялту и даже в Ментону!
Я думаю, что он предотвратил немало преступлений, щедро давая оборванным и опухшим дипсоманам «на опохмел».
В своей нищей юности он сам хорошо узнал, насколько «горек чужой хлеб» и насколько «круты чужие ступени», – и он понимал бедность.
Но его милостыня не была равнодушными подачками богатого человека.
– Надо давать так, чтобы легко было брать, – сказал он как-то мне.
Он порою замышлял и проводил тонкие стратегические планы, чтобы совестливый и щекотливый бедняк принял помощь «легко».
И в то же время он мог быть беспощадным.
Хамство, грубость, жестокость, фальшь, поза встречали в нем непреклонного и опасного врага.
Сейчас уже забылось имя недоброй памяти Буренина, когда-то человека довольно одаренного, но распылившего свой мелкий талант и ставшего цепной собакой черносотенного «Нового времени».
Озлобленный ругатель, специалист по травлям, Буренин много принес зла.
Его клеветническая ругань ускорила смерть задыхавшегося в чухотке Надсона.
Он страдал «мировой тошнотой», как другие страдают мировой скорбью, – и изрыгал свою ненависть – буквально на все свежее и талантливое.
Гаршин и Чехов, Горький и Ахматова, и сотни других были его мишенями.

С ним ничего нельзя было сделать.
Даже публичный удар шапокляком по лицу, полученный от Дягилева, не охладил злеца.
И вот однажды за него взялся Дорошевич.
Я не знаю личного памфлета более сокрушительного, чем двести строк, написанных Дорошевичем.
Читая их, я думал: «Если бы обо мне было написано такое, мне оставалось бы только самоубийство».
Буренин, конечно, не покончил с собой.
Он даже не присмирел.
Но он был «кончен».
В глазах всего культурного общества он был погашен, как погашают почтовую марку ударом штемпеля.
Гениальный фельетон Дорошевича начинался так:
«В кандалном отделении «Нового времени» я разговорился со старым палачом Бурениным...»
Дальше шел воображаемый разговор, строго выдержанный в стиле подлинных бесед Дорошевича с подлинным сахалинским палачом Комлевым.
Вырисовывался отвратительный жалкий и страшный образ всеми презираемого ничтожества, которому порою доводится стать хозяином чужого страдания и, хмелея от собственной кратковременной власти, смакуя каждый стон, каждую судорогу жертвы, изоцряться в порке.
Виртуоз и художник дранья, Комлев-Буренин тонко понимал все анданте, аллегро и фуриозо сечения, все эти «лозы», «комли», «вполплети», «вполную», «впередерг».
«Зачем же вы так лютуете, Буренин?» – спрашивал Дорошевич.
«А они-то? Они нешто меня не терзают?» – отвечал Комлев-Буренин.
Терзают! Талантом, удачами, славой!
Что может быть мучительнее для завистника, который втайне осознал себя бездарностью?
«А уж плюют-то как! А плюют-то!» – со слезливой надсадой заканчивал свои жалобы Комлев-Буренин.
И нельзя было не согласиться с последними словами Дорошевича: «Он более всего – жалок, этот старый нововременский палач».

С Дорошевичем трудно и небезопасно было полемизировать. Он отбивал аргументы, как теннисные мячи.

Кто-то защищал суровый режим в отношении каторжан, ссылаясь на то, что они сами в своей среде «не знают других наказаний, кроме побоев и убийства».

«Значит, вы хотите, чтобы мы были не выше каторжников?» – сбил оппонента с ног Дорошевич.

Одесский издатель Хейфец*, в газете которого Дорошевич печатал свои наброски под общим заголовком «За день», раздосадованный самостоятельностью и строптивостью своего сотрудника, как-то сказал о нем в присутствии репортеров:

– Знаете, какая разница между проституткой и Дорошевичем? Он получает за день, а она за ночь.

Дорошевичу передали остроу всевластного патрона. Дорошевич спросил:

– А какая разница между проституткой и Хейфецем?

– Не знаем, – сказали присутствующие.

– И я не знаю, – сказал Дорошевич.

Хейфец больше по его адресу не острил.

Кто-то написал, что Дорошевич «меняет убеждения, как белье».

И получил в ответ:

«Кто занасивает белье, от того дурно пахнет».

Но убеждения у Дорошевича были.

И очень твердые.

Он знал, что мерзость есть мерзость, несправедливость есть несправедливость, а жестокость есть жестокость.

И с торжествующей мерзостью, жестокостью и несправедливостью он боролся неустанно.

Когда в третий раз судили братьев Скитских, облыжно обвиненных в убийстве секретаря Полтавской консистории (при первом слушании дела они были оправданы, при втором осуждены, но оба приговора были кассированы), Дорошевич помчался в Полтаву и лично произвел расследование всех обстоятельств дела, проявив блистательные аналитические способности.

* Ошибка мемуариста. В действительности редактор «Одесского листка» – В. Навроцкий. Хейфец – редактор «Одесских новостей». – **Примечание Вадима Перельмутера.**

Одной из улик против Скитских было то, что некая дама видела со своей террасы двух людей, шедших в направлении того места, где после был найден труп, и один из них был одет в белый китель с серебряными пуговицами, сверкавшими на солнце (на эту деталь свидетельница особенно напирала).

Дорошевич скупил в Полтаве все образцы мужских пуговиц, нашивал их на белый китель, и человек в этом кителе в соответственный час проходил в соответственном месте.

А Дорошевич с той же террасы разглядывал идущего.

И оказалось, что серебряные форменные с гербом пуговицы как раз на солнце не сверкают, а сверкают перламутровые.

Этот факт и многие другие, добытые расследованием, позволили Дорошевичу развернуть сильнейшую аргументацию в пользу обвиняемых, что сыграло крупную роль в вынесении оправдательного приговора.

Ему ничего не стоило нажать крупную ссору или властного врага, если надо было за кого-нибудь заступиться или проветрить душный жизненный закоулок.

В своем блистательном памфлете «Дело о людоедстве» он зацепил и высмеял десятки видных деятелей того времени: Суворина и Розанова, Гучкова и Милюкова, сенатора Варварина и адвоката Тесленко и пр., и пр., заставив читателя буквально помирать со смеху при чтении пародий на статьи и выступления этих деятелей.

И в своих убеждениях он был настолько тверд, что, не колеблясь, принимал вызовы на дуэль от лиц, считавших себя оскорбленными его разоблачениями и памфлетами, и несколько раз выходил к барьеру, неуклонно стреляя в воздух.

– Дуэль – собачья чушь, – говорил он мне, – но я иду на дуэль, чтобы доказать, что готов рискнуть жизнью за высказанный взгляд, хотя бы я утверждал только, что папиросы Месаксуди лучше Бостанжогло. Поэтому мне верят. Журналист должен подерживать общественное доверие к нему.

И как он накинудся на меня, когда я рассказал ему о моей глупой мальчишеской ничем не кончившейся дуэли, при которой я «как вызванный» выбрал в качестве оружия шашку (я в юности неплохо владел эспадроном), которую мой противник не умел действовать.

– Вы не имели права это делать! – кипятился Дорошевич, – вы были maître d'armes! Вы получили незаконный шанс против вашего противника!

Он отличался жадным интересом к жизни и к людям, ища все новых встреч и знакомств и порою бурно влюбляясь то в актера, то в поэта, то в бильярдиста.

Иногда он затевал какое-нибудь головокружительное предприятие исключительно «для ощущения»!

Однажды он совершил «путешествие из Петербурга в Москву» на лошадях по старому тракту – так, как езживали Радищев и Пушкин. Он вез с собой комплект «Северной пчелы» за 1828, кажется, год, читая ежедневно по номеру.

А на станциях он реализовывал кулинарную программу пушкинского стихотворения («У Гальяни иль Кольони...» – из письма к Соболевскому): в Твери ел макароны с пармезаном, в Торжке пожарские котлеты, в Яжелбицах форелевую уху, не забыв подлить в варево «стакан шабли», и т. д.

И все это с единственной целью – «перенестись в эпоху».

На Сахалине он «дружил» с убийцами и палачами; в Риме – с блестящим и опасным кардиналом Рамсполлой, стараясь уловить суть воинствующего католицизма; в Париже – с государственными деятелями и «хроникерами», и – опять с палачом, со знаменитым Дейблером, этим «гуманистом гильотины», сумевшим крайне сократить кровавую процедуру и тем облегчить предсмертную тоску жертвы...

Я познакомился с Власом Михайловичем летом 1919 года.

Я приехал в Севастополь, недавно занятый советскими войсками, отправился в наркомат просвещения и через пять минут оказался комиссаром искусств по Севастополю и району.

Расспрашивая о людях, которых можно привлечь к работе, я узнал, что в Севастополе находится Дорошевич.

Я помчался к нему.

Он жил в доме, принадлежавшем его жене, известной опереточной актрисе Ольге Миткевич. Он оправлялся от жестокой болезни печени, вынудившей его покинуть Москву и лечиться на Кавказе; обитал один, почти не имея средств, кроме доходов от дома, покой его оберегала старушка-экономка.

Я послал знаменитому журналисту мою визитную карточку, будучи не вполне уверен, что мое имя ему знакомо. Меня приняли немедленно. Потом я узнал, что Дорошевич не слышал моего имени, что я был для него вполне «человеком с улицы», – но что двери его всегда открыты для любого посетителя:

– Я же не митрополит, чтобы отказывать в приеме, и не лейб-медик, – говорил он мне после.

– Но ведь вам очень должны мешать посетители, – удивлялся я.

– Пусть лучше мне помешают, чем я упущу чужую беду или тему для фельетона; ко мне ходят люди переполненные, – возражал он.

Я вошел в большую безвкусно обставленную комнату со множеством диванчиков, пуфов, бамбуковых столиков, обвешанную фотопортретами пышнотелой красавицы и – окантовками каких-то громадных газетных вырезок. У окна стояло прекрасное кожаное кресло. С кресла поднялся мне навстречу очень высокий массивный человек с бритым лицом, с тяжелой нижней губой и странными рыжими глазами. Одет он был в прекрасные фланелевые штаны и в казенную матросскую блузу «голландку», без тельняшки, позволявшую видеть толстую шею и грудь, покрытую седоватым руном.

– Влас Дорошевич, – сказал он густым басом, протягивая мне маленькую мягкую руку, удивительной, как потом рассмотрел я, красоты, хотя и поросшую рыжим пухом.

Я не помню в подробностях первой нашей беседы, помню лишь то, что она продолжалась часа два, и что очень скоро я превратился в настороженного слушателя, жадно внимавшего рассказу о его, Дорошевича, занятиях и планах. Он в уединении, на вынужденном досуге, готовил цикл лекций о Романовской монархии, об ее важнейших деятелях, начиная с Витте, с которым он хорошо был знаком. Он подчеркивал черты рокового сходства между судьбами Николая II и Людовика XVI, начиная от «ходынки» на Ходынском поле и «ходынки» в тесных проулках Орлеана, где короновался Людовик, и кончая казнью обоих. Он знал множество закулисных подробностей николаевского царствования – в его дворцовом аспекте.

Заняты были его неожиданные сближения: он находил значительным то, что Романовы были призваны на престол из Ипа-

тьевского монастыря, а Николай был расстрелян в доме купца Ипатьева; что первый римский царь был Ромул, первый император – Август, а последний, передавший римский скипетр варвару Одоакру, – Ромул Августул; что такие-то (не помню какие) числа были роковыми для Наполеона III и т. д.

Слушать это было интересно, но казалось странным, что Дорошевич придает значение случайным совпадениям, пригодным разве что для отдела «Смесь» в «Ниве».

«Законы истории»...

Я отважился заметить это моему собеседнику.

– Вам интересно было? – спросил он.

Я подтвердил, что – интересно.

– Ну вот, значит, цель достигнута: писатель вовсе не должен быть прав; он должен быть интересен.

– Но ведь можно сочетать оба начала: быть и правым, и интересным.

Дорошевич исподлобья внимательно посмотрел на меня и сказал глубоким басом:

– А я и прав.

И пустился развивать парадоксальную теорию об историческом ритме, о сериях счастливых и несчастных событий, – независимо от их обусловленности, – сериях, сходствующих с колебаниями показаний рулетки, абсолютно закономерных. Я затрудняюсь сейчас точно сформулировать его концепцию и его аргументы, но у Дорошевича, во всяком случае, – «выходило». Помню, что он утверждал, что большевикам «везет» и «будет везти», и что «опытный игрок» должен теперь «ставить на красное». Я до сих пор не знаю, излагал ли он мне свои подлинные взгляды или, увлеченный любовью к парадоксу, импровизировал неожиданную для самого себя «систему», хмелея собственным остроумием.

Не помню, в какой связи заговорил о Конвенте. Дорошевич спросил:

– А что поразило бы вас в лицах членов Конвента? Что было у них общего?

Я затруднился вообразить, хотя ясно представил себе и картину Давида, правда, относящуюся к эпохе Генеральных штатов («Клятва в зале Jeux de rommes»), и многие портреты деятелей эпохи.

– Они все были рябые, – сказал мрачно Дорошевич, – оспа тогда была, как у нас скарлатина, и девяносто девять процентов людей носили ее следы. Все были рябые...

Я откланялся, и Дорошевич просил меня «бывать». Я ушел, довольный тем, что, видимо, понравился старику. Он же мне понравился чрезвычайно.

Прошло несколько дней. Я сидел под вечер в своей комнате в доме адмирала Коландса, на Садовой (впоследствии в ней жил Константин Паустовский, описавший ее в книге «Черное море»), у окна, и корпел над стиховыми анализами: я тогда усиленно писал мой «Трактат о стихе». Вдруг под окном возникла большая голова Дорошевича в канотье, резко дисгармонизировавшем с тою же матросской блузой, и раздался его глубокий бас:

– К вам можно?

Еще бы нельзя! Я в восторге побежал открывать дверь, ввел Дорошевича, представил его моей молоденькой жене, у которой он тщательно поцеловал обе руки, и усадил его в кресло.

Опять потекла непринужденная беседа. Дорошевич рассказывал о Риме и о Париже, о скачках и рулетке, о Нижегородской ярмарке, где он, оказывается, ежегодно редактировал специальную газету, о каком-то писателе, крайне невкусно описывавшем в подвалах «Московского листка», где фельетонами шел его роман, обеда своих героев, и как он, Дорошевич, с этими фельетонами ходил в трактир Тестова и заказывал «по ним» обед...

Шенгели Георгий Аркадьевич (20 апреля (2 мая) 1894, Темрюк – 15 ноября 1956, Москва) – русский поэт, переводчик, критик, филолог-стиховед.

Родился в 1894 году в Темрюке. В 1898 г. семья переехала в Омск. После смерти родителей Шенгели с сестрой был взят на попечение бабушкой со стороны матери и жил у нее в Керчи. Учился в Александровской гимназии, где с третьего класса стал подрабатывать репетиторством. С 1909 г. сотрудничал в газетах «Керчь-Феодосийский курьер», «Керченское слово» и др., писал хронику, фельетоны, статьи по авиации.

В 1912 г. начал писать стихи, заинтересовался стиховедением, приобрел к французской поэзии. В конце 1913 г. опубликовал в газете (ано-

нимно или под псевдонимом) первые стихи.

В январе 1914 г. познакомился с приехавшими в Керчь на «олимпиаду футуризма» И. Северяниным, Д. Бурлюком, В. Баяном и В. Маяковским. Сильным влиянием Северянина отмечен дебютный сборник стихов Шенгели «Розы с кладбища» (1914), в котором автор вскоре разочаровался и уничтожил все доступные ему экземпляры. В том же году выступил с первой публичной лекцией «Символизм и футуризм».

Летом 1914 г. поступил на юридический факультет Московского

университета; несколько месяцев жил в Москве, гостил у Д. Бурлюка на хуторе под Москвой. Поздней осенью перевелся в Харьковский университет, где служил его дядя – профессор химии Владимир Андреевич Дыбский, чья дочь Юлия стала первой женой Шенгели. В 1916 г. совершил два всероссийских турне с И. Северяниным, выпустил сборник стихотворений «Гонг», отмеченный Ю. Айхенвальдом в петербургской газете «Речь». В 1918 г. окончил университет, в том же году вышел сборник его стихотворений «Раковина», знаменующий переход к более аскетической стилистике и демонстрирующий отточенную технику и литературную эрудицию.

Весной 1919 г. был командирован в Крым, получил назначение «комиссаром искусств» в Севастополь. Летом, после эвакуации Крыма, вынужден был скрываться; с фальшивым паспортом, выданным севастопольской парторганизацией, пробрался в Керчь, а осенью – в Одессу.

Два года в Одессе были для Г.А. Шенгели (жил он на Пушкинской, 7) особо плодотворными. Здесь он издал шесть книг: «Еврейские поэмы» (1920), «Нечаев» (1920), «1871» (1921), «Изразец» (1921), «Трактат о русском стихе. Ч. 1» (1921), «Эредиа: избранные сонеты. В пер. Г. Шенгели» (1920).

Осенью 1921 г. вернулся в Харьков, а в конце марта 1922 г. переехал в Москву, где познакомился с поэтессой Ниной Манухиной, ставшей че-

рез два года его второй женой. За «Трактат о русском стихе» избран действительным членом ГАХН. В 1925-1927 председатель Всероссийского союза поэтов. Преподавал в ВЛХИ.

С середины 1930-х гг. оригинальных стихов практически не публиковал, но занимался активной переводческой и организаторской деятельностью (в 1930-е гг. заведовал переводами «литературы народов СССР» в Госиздате).

Известны его теоретические работы по стиховедению «Трактат о русском стихе» (1921, 2 изд. – 1923) и изданная посмертно «Техника стиха» (1960), сыгравшие важную роль в изучении русского стиха (в частности, Шенгели одним из первых, вслед за Брюсовым, обратил внимание на дольник в русской поэзии).

В истории русской литературы известна также его острая полемика с Маяковским (памфлет «Маяковский во весь рост», 1927).

До сих пор не издано все наследие Г.А. Шенгели. В. Перельмутер подготовил большой том крымско-одесского творчества Г. Шенгели, куда войдут повесть «Черный погон» и очерк, печатающийся в этой книге.

Надежда Тэффи

Он оглянулся на меня

Видела несколько раз Дорошевича.

Жил Дорошевич в какой-то огромной квартире, хворал, очень осунулся, постарел и, видимо, нестерпимо тосковал по своей жене, оставшейся в Петербурге, – хорошенькой легкомысленной актрисе.

Дорошевич ходил большими шагами вдоль и поперек своего огромного кабинета и говорил делано равнодушным голосом:

– Да, да, Леля должна приехать дней через десять...

Всегда эти «десять дней». Они тянулись до самой его смерти. Он, кажется, так и не узнал, что его Леля давно вышла замуж за обшитого телячьей кожей «роскошного мужчину» – большевистского комиссара.

Он, вероятно, сам поехал бы за ней в Петербург, если бы не боялся большевиков до ужаса, до судорог.

Он умер в больнице, одинокий, во власти большевиков.

А в эти киевские дни он, худой, длинный, ослабевший от болезни, все шагал по своему кабинету, шагал, словно из последних сил шел навстречу горькой своей смерти.

Работая в «Русском слове», я мало встречалась с Дорошевичем. Я жила в Петербурге, редакция была в Москве. Но два раза в моей жизни он «оглянулся на меня».

В первый раз – в самом начале моей газетной работы. Редакция очень хотела засадить меня на злободневный фельетон. Тогда была мода на такие «злободневные фельетоны», бичующие «отцов города» за антисанитарное состояние извозничьих дворов и проливающие слезу над «тяжелым положением современ-

ной прачки». Злободневный фельетон мог касаться и политики, но только в самых легких и безобидных тонах, чтобы редактору не влетело от цензора.

И вот тогда Дорошевич заступился за меня:

– Оставьте ее в покое. Пусть пишет о чем хочет и как хочет.

И прибавил милые слова:

– Нельзя на арабском коне воду возить.

Второй раз оглянулся он на меня в очень тяжелый и сложный момент моей жизни.

В такие тяжелые и сложные моменты человек всегда остается один. Самые близкие друзья считают, что «неделикатно лезть, когда, конечно, не до них».

В результате от этих деликатностей получается впечатление полнейшего равнодушия.

«Почему все отвернулись от меня? Разве меня считают виноватым?»

Потом оказывается, что все были сердцем с нами, все болели душой и все не смели подойти.

Но вот Дорошевич решил иначе. Приехал из Москвы. Совершенно неожиданно.

– Жена мне написала, что вы, по-видимому, очень удручены. Я решил непременно повидать вас. Сегодня вечером уеду, так что давайте говорить. Скверно, что вы так изводитесь.

Он говорил долго, сердечно, ласково, предлагал даже драться на дуэли, если я найду это для себя полезным.

– Только этого не хватало для пущего трезвона!

Взял с меня слово, что, если нужна будет помощь, совет, дружба, чтобы я немедленно телеграфировала ему в Москву, и он сейчас же приедет.

Я знала, что не позову, и даже не вполне верила, что он приедет, но ласковые слова очень утешили и поддержали меня – пробили щелочку в черной стене.

Этот неожиданный рыцарский жест так не вязался с его репутацией самовлюбленного, самоудовлетворенного и далеко не сентиментального человека, что очень удивил и растрогал меня. И так больно было видеть, как он еще хорохорился перед судьбой, шагал, говорил:

– Через несколько дней должна приехать Леля. Во всяком случае, падение большевиков – это вопрос нескольких недель, если не нескольких дней. Может быть, ей даже не стоит выезжать. Сейчас ехать небезопасно. Какие-то банды...

«Банды» был Петлюра.

Тэффи (Лохвицкая Надежда Александровна, 27.IV(9.V).1872 – 6.X.1952) – русская писательница.

Родилась в родовитой дворянской семье в Петербурге. Получила прекрасное домашнее образование.

Начала публиковаться с 1901 года.

В 1905-1907 годах сотрудничала в различных сатирических журналах и газетах, публикуя стихотворения, юмористические рассказы, фельетоны, пользовавшиеся

большой популярностью у массового читателя.

В 1908 г. с момента основания А. Аверченко журнала «Сатирикон» Тэффи становится вместе с Сашей Черным постоянным и одним из самых известных сотрудников журнала. Была постоянным сотрудником газет «Биржевые ведомости», «Русское слово» и других изданий.

В 1910 выходят два тома «Юмористических рассказов» Тэффи, имевшие большой успех у читателей и вызвавшие положительные отклики в печати. Затем последовали сборники «И стало так...» (1912); «Карусель» и «Восемь миниатюр» (1913); «Дым без огня» (1914); «Миниатюры и монологи» (1915); «Житье-бытье» и «Неживой зверь» (1916). Писала критические статьи и пьесы.

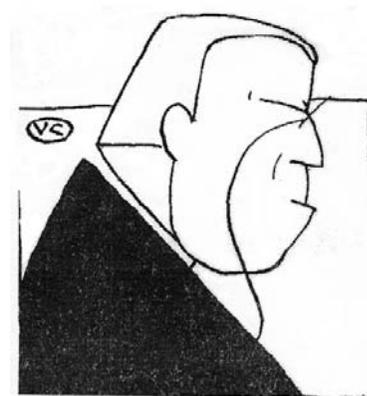
Октябрьской революции не приняла, в 1919 году жила, писала фельетоны в Одессе, в 1920 эмигрировала, поселившись в Париже. Сотрудничала в газетах «Последние новости», «Возрождение». Тэффи не выказывала враждебного отношения к Советскому Союзу, но на родину не вернулась. Последние годы провела в нужде и одиночестве. Умерла 6 октября 1952 в Париже.

Владимир Нарбут

Король в тени

Воспоминания о В.М. Дорошевиче

Бухты, спокойные и домашние, – может быть, потому, что горла их слишком узки, на выщербленных берегах уютятся белые домики, а вода густая и зеленоватая, как олеонафт; кривые,

В.М. Дорошевич. Шарж В. Каррика

взбегающие ящерицами в гору и скатывающиеся вдруг к базару улицы; известковые террасы, пересеченные ступенями и ступеньками, а по бокам в молочном тумане важные лысые горы; сырой, отяжелевший от тумана ветер, лениво перебирающий оборванные провода и глядящий ткнувшееся мордой в выбоину мостовой орудие; шныряют шинели с красными бантами во всю грудь, глазают, торопясь, прохожие, в еще открытых магазинах на Морской и Екатерининской

идет скупка и продажа за бесценок, за советские деньги (валюта!) разной завали, уцелевшей от врангелевского погрома, в ревкоме – суетня, расквартировываются штабы, и уже появились цветные агитационные плакаты – «царь, поп и кулак».

Изредка треснет выстрел, один-другой, но вообще, если что и может пугать мир уходящего или нарождающегося, безразлич-

но, быта, так это – таинственное, заволоченное пленкой море, где, по слухам, все шатаются и рыщут неприкаянные пираты. Пароход «Димитрий», притащивший нас из Одессы, посапывает у пристани, а мы размещаемся в лучшей гостинице города.

И тут же, в гостинице, узнаю, что в городе остался Дорошевич: не пожелал уехать.

Это было в Севастополе, в ноябре 1920 года, на четвертый или пятый день по уходе из него белых.

Моросила небесная пакость, курилась вечерняя мгла, когда мы, я и поэт Шенгели, постучались у двери квартиры Дорошевича. Выснулась женская голова, посветила свечой и, узнав Шенгели, ласково закивала: «Влас Михайлович вас ждет. И давно». Большая темная комната глотает нас, и вскоре из бокового входа шаркающей медвежьей поступью, покачиваясь, выбирается высокий и сутулый грузный старик с обрюзгшим вялым лицом в плотных складках, с медленным взглядом, с некой окоченелостью в движениях.

– Здравствуйте, Георгий Аркадьевич, – здороваается, гудя торжественным баском, Дорошевич с Шенгели – затем деревянно протягивает руку мне и совсем неожиданно, старчески покашливая, неуклюже, как мешок, опускается в кресло. Тягостное молчание, нарушаемое лишь дряблым и тоже старческим (так пожевывал, очевидно, Плюшкин) пожевыванием да шепотком в соседней комнате.

Я беру «интервью». Задаю вопросы – их ворох: как относится В. М. к Врангелю, к советской власти, как он смотрит на нынешнее внутреннее и международное положение России, каково, по его мнению, будущее ее, – касаюсь местной, крымской журналистики, желаний самого В. М. Но уже предупрежденный Шенгели вынужден наталкивать, наводить Дорошевича на ответы. Да и ответы-то: что бы я ни сказал, подтверждение или отрицание (смотря по моему тону) получал только конец моей фразы, – кратко, по-детски, несложно. «Как вы, В. М., полагаете: действительно ли советская власть является властью трудящихся?» – «Я полагаю, советская власть является властью трудящихся», – как глухое эхо, утвердительно отвечает Дорошевич. И видно было, что в кресле покоит свои телеса человек, у которого страшная болезнь (lues), как моль, распылила и выскребла здоровое мышление, пересыпа-

ла трухой случайно уцелевшие мозговые нервы. Так же случайно, второпях пробежал по одной из этих ниточек солнечный луч: Дорошевич нескладно и наивно поведал, как кто-то из ворвавшихся в Севастополь партизан заглянул и в его квартиру, привязался к В. М. с требованием выдать будто бы имеющийся у Дорошевича наган и исчез, удовлетвовавшись скромной премией в виде золотых часов. В.М. Дорошевич на минуту засиял, заулыбался и ничуть не обиженный, не шокированный, добавил: «А матросы – мои защитники: они уже никого не пускают ко мне». Это была правда: матросы, заняв квартиру напротив, установили добровольную охрану писателя от всяких посягательств со стороны. И вторично запрыгал в глазах В. М. тот же лучик: речь зашла о Петербурге, о жене В. М., о Горьком. Дорошевич забеспокоился: как, что, – там, на севере? Высказал даже желание: возможно, вот только потеплеет, – обязательно перекочевать в Петербург. Но едва беседа сползла на политические рельсы, – снова сонная животная жвачка, снова урчащее старческое покашливание. А из соседней комнаты, хромая, вынырнула родственница В. М., пожилая женщина с ясными глазами, и за ней – всегдашний спутник фельетониста, экономка, – та самая, что впустила нас. Принесли чай, и Влас Михайлович окончательно погрузился в «растительный процесс». Женщины дипломатически намекнули нам, что уже не рано, и при-совокупили, что живется Дорошевичу плохо, очень плохо, дороговизна растет и проч. Я обещал похлопотать в ревком (дня через два ревком прислал Дорошевичу костюм, обувь, продукты), пожал деревянную ладонь В. М. и – подумал: «Ему уже ни физически, ни душевно не встать. Кончено. Он – только манекен». Правда, несколько дней спустя Дорошевич зачислился сотрудником КрымРоста, дал даже, – кажется, не свой, – несуразный фельетон, но все это было тяжелым самоиздевательским процессом той же тупой жвачки.

В.М. Дорошевич. Шарж Н. Ремизова

* * *

Встречался с В.М. Дорошевичем я трижды: в Москве, Петербурге и здесь, в Севастополе. Но по-настоящему было два Дорошевича: один – сверкающий афоризмами и парадоксами, король фельетона, министр от публицистики, исколесивший на автомобиле Европу, Америку и Азию, избороздивший все океаны и моря, король и министр, пред которым распахивались двери недоступных буржуазных кабинетов, человек, который не знал пределов исполнения своих писательских стремлений и чаяний, ибо вместо пера у него было жало; и – другой: одряхлевший, как старый мир, бытобичевателем и в то же время невольным апологетом которого он был, гальванизированный труп, угорь в высыхающем бассейне. И когда я прочитал о том, что Дорошевич – «сменовеховец», что он якобы собирается редактировать неинтеллигентский журнал «Новая Россия», я до боли четко ощутил в себе холодок естественной смерти В. М., плоть которого уже превратилась в протоплазму для размножения клеточек тления. Я вспомнил знаменитое «при особом мнении» Дорошевича и – понял, что именно тогда пролегла в его жизни роковая непреодолимая грань.

Нарбут Владимир Иванович (2(14).IV.1888 – 14.IV.1938). Родился на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда Черниговской губернии в семье мелкого помещика. Происходил из старинного литовского дворянского рода, переселившегося в Украину в XVII в. Окончил с золотой медалью Глуховскую классическую гимназию.

С 1906 г. вместе с братом Георгием жил в Петербурге на квартире И. Билибина, оказавшего на братьев большое влияние. Учился в Петербургском университете последовательно на трех факультетах – математическом, восточных языков и филологическом; курса не окончил.

Печататься начал в 1908 году (очерк «Соловецкий монастырь» в петербургском журнале «Бог – помочь!»), в декабре того же года опубликовал первые стихи (журнал «Светлый луч»). В 1910 г. в Петербурге вышел его первый сборник пейзажной лирики «Стихи. (Год творчества первый)» (обложка работы Г. Нарбута), замеченный критикой.

С начала 1911 г. сотрудничал как поэт и критик в студенческом журнале «Gaudeamus», где также руководил отделом поэзии. Осенью 1911 г.

вступил в члены поэтического новообразования – Цех поэтов. Стал адептом зарождающихся идей «адамизма» и «акмеизма».

Второй сборник поэта, «Аллилуйя» (СПб, 1912, обложка работы Г. Нарбута и И. Билибина), набранный церковнославянским шрифтом и состоявший из 12 стихотворений, был признан судом порнографическим. Чтобы избежать наказания, Нарбут при содействии Гумилева присоединился к пятимесячной этнографической экспедиции в Сомали и Абиссинию. Вернувшись в марте 1913 г. после амнистии по случаю 300-летия дома Романовых, взялся за издание и редактирование «Нового журнала для всех», но через два месяца, запутавшись в финансовых делах, продал права на журнал и вскоре уехал на родину. В годы войны время от времени печатался в столичной и местной периодике.

В 1917 г. примкнул к левым эсерам, после Февральской революции вошел в Глуховский совет, склоняясь к большевикам.

Весной 1918 г. отправлен в Воронеж для организации большевистской печати; помимо этого в 1918-1919 гг. издавал «беспартийный» журнал «Сирена». В 1919 г. жил в Киеве, где участвовал в издании журналов «Зори», «Красный офицер», «Солнце труда». 8 октября 1919 г., попав в занятый белыми Ростов-на-Дону, был арестован контрразведкой как коммунистический редактор и член Воронежского губисполкома.

В 1920 году возглавил одесское отделение РОСТА, редактировал журналы «Лава» и «Облава»; подружился с Э. Багрицким, Ю. Олешей, В. Катаевым, который позднее вывел Нарбута в романе «Алмазный мой венец» под прозвищем «колченогий». В Одессе были изданы поэтические сборники «Плоть» (1920), «В огненных столбах» (1920), «Александр-

ра Павловна» (1922), переиздан сборник «Аллилуйя» (1922). В 1921-1922 был заведующий УкрОСТА в Харькове.

В 1922 году переселился в Москву, работал в Наркомпросе; от поэзии отошел. В 1924-1927 – заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б), в 1927-1928 один из руководителей ВАПП. Основал и возглавил издательство «Земля и фабрика» (ЗиФ). В 1925 году основал ежемесячник «Тридцать дней».

В 1928 году был исключен из партии за сокрытие обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время гражданской войны, одновременно уволен с редакторских постов. Жил литературной поденщиной. В 1933 г. вернулся к поэзии.

26 октября 1936 года арестован НКВД по обвинению в пропаганде «украинского буржуазного национализма». Причислен следствием к членам «группы украинских националистов – литературных работников», которая якобы занималась антисоветской агитацией. 23 июля 1937 года постановлением Особого совещания НКВД СССР был осужден на пять лет лишения свободы. Осенью Нарбут был этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком, а в ноябре – в Магадан.

2 апреля 1938 года во время кампании массового террора в колымских лагерях (декабрь 1937 – сентябрь 1938), вошедшего в историю под названием «гаранинщина», против Нарбута было возбуждено новое уголовное дело по обвинению в контрреволюционном саботаже. 4 апреля он был допрошен, 7 апреля было составлено обвинительное заключение и постановление тройки НКВД. 14 апреля Нарбут был расстрелян в карантинно-пересыльном пункте № 2 треста «Дальстрой».

В 1960-е годы широкое распространение получила легенда, согласно которой Нарбут вместе с несколькими сотнями эков-инвалидов был утоплен на барже в Нагаевской бухте. На протяжении длительного времени эта информация не могла быть проверена вследствие того, что при реабилитации в октябре 1956 года родственникам Нарбута была выдана справка с намеренно сфальсифицированной датой смерти – 15 ноября 1944 года. Подлинные обстоятельства его гибели были установлены только в конце 1980-х годов. Первое посмертное собрание стихов, подготовленное Л. Чертковым, вышло в Париже в 1983 году.

Король фельетонистов как экспонат Одесского литературного музея

Зал журналистики в Одесском литературном музее

Анна Божко

Свита делает короля

Влас Дорошевич приехал в Одессу в 1893 году начинающим журналистом, а уезжал из Одессы в 1898 году с титулом «Король фельетона». За что же короновали его одесситы? Ведь одесские читатели имели особый вкус к газетному слову, который начал воспитываться еще с 1827 года – с начала выхода «Журналь д'Одесса», в скором времени переименованного в «Одесский вестник».

В конце XIX века печатный маховик Одессы раскручивается. Журналистика вкупе с обилием рекламы становится делом прибыльным. В Одессе в то время выходят кроме «Одесского листка», «Одесских новостей», «Новороссийского телеграфа» еще четыре крупных газеты: «Одесский вестник», «Одесская газета», «Южное обозрение» и «Театр». В 1894 г. «Одесский вестник» прекратил свое существование. Основная конкуренция за душу и кошелек одесского обывателя в это время развернулась между тремя одесскими газетами: «Новороссийский телеграф», «Одесский листок» и «Одесские новости». Каждая из этих трех газет метила в передовые органы края, добиваясь этого всеми возможными средствами.

«Одесский листок» вырос из незначительного «Одесского листка объявлений», который был основан в 1872 г. А. Серебрянниковым. В 1874 году газету приобрел Василий Васильевич Навроцкий и в 1880 г. сменил ее название на «Одесский листок». Газета выходила ежедневно, имела иллюстрированное приложение, пользовалась в городе большой популярностью. Освещая местную и общероссийскую жизнь, «Одесский листок», будучи изданием либеральным по духу, время от времени позволял себе помещать большие критические статьи на политические темы.

«На огонек!»

в отделении Литературно-Артистического Общества.

Куда кружишь, светлая, неслышно,
Во тьме ночной, непроглядной
Блуждай вперед, — лишь отойди
Вдаль уйдешь отсюда?
Среди шумных толп
Путь твой, суровый путь —
Сила блещет там, прелесть смугла,
Липа черной стелется асфальт...
И само небо, словно, чье,
Висит тучи — багряные брызги...
Пусть лопнет кура, во тьме брызги,
Улы блещет светлый путь!
— Не впадай! — Нам будет светче,
Возвращая тучи, и светлый
Путь твой неслышно
Во тьме ночной, непроглядной,
Блуждай вперед, — лишь отойди
Вдаль уйдешь отсюда?
Вдаль уйдешь отсюда?

Генерал Лебедев В. В. Сказав, по Высочайшему повелению 19 января 95 г. назначенный начальником Главного Штаба.

Для получения этой статьи необходимо заплатить за нее в редакцию...
Въ усадьбѣ пастора.
(Рассказъ А. Коллонтай.)

Въ усадьбѣ пастора, какъ будто неслышно и тихо было наступать. Пасторъ сидѣлъ въ креслѣ у камина, и только слышалъ тихий шелестъ страницъ, и только слышалъ тихий шелестъ страницъ, и только слышалъ тихий шелестъ страницъ...

Мы ждем тебя, мой друг, —
И сердце, и душа, и плоть,
И все, что в нас живет,
И все, что в нас живет...

Привлечение Литературно-Артистического Общества в Одессу.

Чайка Прогласения: Сергей Владим. Лепетинский, Павел Макс. Державичев.

Игнатий Иванович Кабанов.

Игнатий Иванович Кабанов.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Николай Степанович Прогласения: Евгений Макс. Петровичев.

Литературно-Артистическое Общество в Одессе.

Великая потребность представляется...
Литературно-Артистическое Общество...
Великая потребность представляется...
Литературно-Артистическое Общество...

Артисты были рады...
Артисты были рады...
Артисты были рады...
Артисты были рады...

Редактор-издатель «Одесского листка» Василий Васильевич Навроцкий был «самородком в полном смысле этого слова», — как назвал его одесский писатель Игнатий Потапенко в посвященном ему очерке, — никогда ничему не учился, не умел грамотно писать, но зато обладал необходимыми энергией и издательской сноровкой. Около 40 лет он издавал газету и был ее руководителем и вдохновителем.

Навроцкий был первым одесским автолюбителем. Еще в 1891 г. он удивил всех, выехав на улицу на первом французском автомобиле «Панар-Левассор».

Редактор «Одесского листка» был очень предан своему делу и такой же преданности требовал от своих сотрудников. О неграмотности Навроцкого ходили легенды, которые приводят в своих воспоминаниях его современники. Вот несколько из них. Василий Васильевич, находя в газете неверное сообщение, делал на ней собственноручную отметку: — «чипуха и юрунда, штраф в три рубля». Одесский генерал-губернатор полюбил потытствовать, где учились редакторы одесских газет. Редактор «Одесского вестника» сказал, что он окончил университет, редактор «Новороссийского телеграфа» сказал, что окончил строительное училище.

— А вы? — обратился генерал-губернатор к Навроцкому, — где кончили? — В Полтавской губернии, — был ответ.

Одному из своих фельетонистов он рекомендовал однажды отметить заслуги старейшего присяжного поверенного, спутав слова «ветеран» и «ветеринар»:

— Вы так и пишете: он был «ветеринаром» сословия присяжных поверенных.

Ко времени приезда в 1893 г. столичного журналиста 29-летнего Власа Дорошевича Одесса представляла собой крупный капиталистический город — одесситы без доли сомнения считали, что живут в столице России и даже всего мира. «Маленький Париж» — так называли они свой город. Главным девизом Одессы было: «Деньги могут все!». И сама она была «городом-маклером», занимавшимся главным образом экспортом пшеницы.

Развитие капиталистического хозяйства требовало развития службы информации в виде торгово-промышленной рекламы, вследствие чего укреплялось материальное положение хилых местных изданий. Становится обязательным подзаголовок «Общественная, политическая и литературная».

Сотрудники „Южно-русского Альманаха“

1) А. Н. Гермониусъ (Финнг.).

2) А. С. Попандуло.

3) С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ).

4) И. В. Шиловскій (Діонео).

5) А. В. Будищевъ.

6) С. И. Плассинъ.

7) С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь).

8) В. М. Дорошевичъ.

9) В. С. Лapidусъ [Laris].

10) А. М. Федоровъ.

11) П. И. Роттенштернъ (Звѣдичъ).

1, 3, 6, 8, 9—автор. АНГЕРЕРЪ И ГЕНШЕ, въ ВЕНѢ; 5, 7, 10, 11—М. НИКОВСКАГО, въ ОДЕССѢ; 2 и 4—ШЕЛТЕРЪ И ГИЗЕЛЬ, въ ЛЕЙПЦИГѢ.

Мелкую хронику начинают теснить большие экономические, политические и литературные «обозрения». Заветной мечтой издателя провинциальной газеты было, как уже говорилось выше, подмяв конкурентов, сделать ее «органом края». Во имя этой мечты издатель мог пойти на многое, вплоть до приглашения известного столичного фельетониста, которому помимо твердого гонорара обещалась определенная творческая свобода. Именно так и поступил В.В. Навроцкий, пригласив в «Одесский листок» Власа Дорошевича.

«Одесский листок» по своему культурному уровню был выше остальных одесских изданий. Газета позволяла себе критику грабительской экономической деятельности иностранных и русских промышленников на Юге. К моменту прихода Дорошевича газета издавалась уже 13-й год и завоевала определенную популярность не только в Одессе, но и на всем Юге России. Воскресный фельетон вел блестящий журналист Семен Титович Герцо-Виноградский (Барон Икс), печатались стихи Л. Ратгауза и рассказы С. Юшкевича, статьи известного музыковеда В. Ребикова и популярного одесского адвоката Л. Куперника. В 1890-е гг. в газете сотрудничали такие столичные литераторы, как: А. Амфитеатров, Л. Оболенский, В. Минаев, В. Чуйко, Г. Градовский, И. Василевский (Буква).

Буква (И.Ф. Василевский), как и Дорошевич, был московским журналистом, редактором журнала «Стрекоза». В газете «Одесский листок» он вел провинциальное обозрение. Иван Василевский был большим знатоком провинции. «И провинция хорошо знала Букву и зело его побаивалась», – вспоминал А.Е. Кауфман.

Но газета получила небывалый успех, когда в ней ежедневно начали печататься фельетоны Власа Дорошевича. Барон Икс (Герцо-Виноградский) – признанный патриарх одесских фельетонистов – заявил: «Вот это мой наследник. Только я был барон, а он станет королем».

Барон Икс был широко известен в одесской культурной жизни конца XIX века как журналист, литературный и театальный критик. Двадцать пять лет он отдал своему делу, проработав все эти годы в различных одесских периодических изданиях: «Одесском вестнике», «Новороссийском телеграфе», «Правде», «Одесских новостях», «Одесском листке», сатирическом журнале «Пчелка» и др.

Для одесской читающей публики того времени фельетоны Барона Икса были в газете «основным блюдом», которое придавало всему из-

данию необходимые вкус и остроту. Вот почему за Семеном Титовичем так гнались газетные издатели. Переманить Барона Икса – это была *idée fixe* каждого издателя.

Пожалуй, не было в Одессе человека, который не хранил бы у себя дома газетных вырезок с его фельетонами. Ежедневно он получал массу писем. У него искал защиты простой народ, обращаясь к нему с жалобами. На конвертах чаще всего было написано: «Его сиятельству барону Герцо-Виноградскому». В свое время вокруг него группировалась вся передовая одесская интеллигенция. На его фельетонах воспитывалась молодежь, для которой он был кумиром.

«Он был «Иеремией» Одессы. Его «развратная Ниневия», – «пшеничный город», где все продается и все покупается, где высшая похвала: – Второй Эфрусси!..

...В жизни этой «Ниневии» облитые желчью, написанные огненным стилем пророков статьи – «плач» ее «Иеремии» – играли большую роль.

Его фельетоны были набатом, который будил город, погруженный в глубокую умственную и нравственную спячку.

Он поднимал «высокие вопросы», указывал на высшие интересы, один только кричал о нравственности, о справедливости, когда кругом думали только о выгоде или убытке», – так писал о нем Дорошевич в своем очерке «Барон Икс».

Дом Барона Икса в конце Херсонской улицы, напротив городской больницы, всегда был полон народом: друзей и поклонников, к нему за советом обращались молодые журналисты, у него искали защиты обиженные.

Известно, что в конце 1870-х гг. Герцо-Виноградский был обвинен в связях с народниками. Его даже выслали из Одессы, и какое-то время он сидел в Мценской тюрьме. В 1881 г. журналист вернулся в Одессу и продолжил свою работу в одесских печатных изданиях.

В 1870-80-х гг. Герцо-Виноградский не имел себе соперников в провинции, «да и в столицах, – пишет А.Е. Кауфман, – мало было подобных ему: легкость пера, редкое остроумие, язвительность делали то, что Барон Икс мог или поставить на пьедестал, или убить и лишить гражданства. Одни его боялись, другие раболепствовали, многие ненавидели. Не было такой театральной труппы, представители которой, прежде чем начать представление, не явились бы к Гер-

Зал журналистики в Одесском литературном музее

цо-Виноградскому и не предложили бы в его распоряжение лучшие места в театре».

Более всего Барон Икс боялся умереть от паралича, но умер он именно от него, тяжело заболев в начале 1890-х гг. Постепенно отказывал мозг, и к концу жизни журналист не мог написать даже коротенькой заметки в несколько строк. Свою литературную деятельность Барон Икс окончил в «Одесском листке», уйдя из газеты в 1897 году.

Его уход из «Одесского листка» является иллюстрацией вопиющей несправедливости судьбы. Он заложил фундамент материального успеха «Одесского листка», но затем оказался лишним человеком в возведенном им же здании.

Отношение читателей к его личности выразили наборщики «Одесского листка» в адресе по случаю 25-летнего юбилея журналистской деятельности Барона Икса: «Сеятель на литературной ниве правды, добра и любви к малым сим». А на праздновании юбилея звучали стихи:

Рыцарь дела, рыцарь слова
и борец за идеал!
Много честного, святого
в четверть века ты создал.

Не менее известным в Одессе был младший брат Семена Титовича – Петр Титович Герцо-Виноградский, писавший под псевдонимом Лоэнгрин. Дебютировал в печати как фельетонист в 1889 г. в газете «Одесские новости», затем регулярно печатался в «Одесском вестнике» и «Южном обозрении».

«В «Одесских новостях» начинали свою литературную карьеру Корней Чуковский, К.В. Мочульский, Петр Пильский, В.Е. Жаботинский, явивший весь свой искрометный и иронический блеск в легких, в совершенно новой манере поданных фельетонах, за подписью Altalena» (Дон-Аминадо, «Поезд на третьем пути»).

В «Одесских новостях» Лоэнгрин со временем вошел как бы в «совет старейшин», в котором кроме него были еще С. Соколовский (Седой) и О.А. Инбер, и который сплотился вокруг «деспота-редактора» И. Хейфеца. О Лоэнгрине его современник Дон-Аминадо писал так: «Избравший себе совершенно немислимый в наше время псевдоним – Лоэнгрин, и писавший длинные ежедневные многоуважаемые фельетоны в совер-

шенно забытой теперь форме нравоучительной публицистики и якобы ядовитого, дозволенного цензурой радикализма».

Впрочем, многие журналисты имели подобные псевдонимы: «Лоэнгрин, Барон Икс, Железная Маска, Незнакомец, Старый Театрал, Седой, Некто в сером, Иван Непомнящий, Иван Колючий, Саша Чёрный, Лоло, О. Л. д'Ор, Турист, Иванов-Классик, Буква-Василевский, Василевский-Небуква, Ленский, Линский, Ядов, список этот можно было бы продолжить без конца, – все это тоже было данью времени, эпохе, условным требованиям литературной моды и тогдашним российским нравам» (Дон-Аминадо, «Поезд на третьем пути»).

Лоэнгрин в популярности среди одесситов, конечно же, уступал своему старшему брату – Барону Иксу, но все же мы можем утверждать, что Петр Титович Герцо-Виноградский занимал заметное место в одесской журналистике того времени.

Высоко отзывался о братьях Герцо-Виноградских их современник журналист Петр Пильский: «...Как было бы хорошо, если бы Одессе когда-нибудь впоследствии судьба послала бы нового Де-Рибаса! Этот новый летописец сумел бы написать страницу одесской истории, чтобы озаглавить ее «Герцо-Виноградские».

В России есть такие фамилии, есть имена, с которыми связано красивое представление о смелости, о защите, об огне, о готовности на смерть... В журналистике, в частности одесской, есть Герцо-Виноградские. Барон Икс и Лоэнгрин...»

Дон-Аминадо называл Лоэнгрин «прелестным, душевным, сильно напоминающим чеховского Гаева» человеком и отмечал, что он пользовался популярностью: «Близорукий, изящный, какой-то особой повадкой походивший на уездного предводителя дворянства из обрусевших поляков, всегда в безукоризненно накрахмаленных воротничках, с густыми мягкими мопасановскими усами, Герцо-Виноградский пользовался большой популярностью и любовью».

Петр Титович обладал прекрасной памятью и страстью к цитированию и, как говорил Бунин, знал наизусть, «где какие люди живут и за какие идеалы страдают». Лоэнгрину патетически писали курсистки высших женских курсов: «Научите, как жить...». Самым популярным в Одессе журналистом после Дорошевича назвал его О.Л. д'Ор. (О.Л. д'Ор – псевдоним Иосифа Львовича Оршера. Родился на Полтавщине. Печатался в петербургских газетах и журналах,

Открытка из коллекции А. Дроздовского

но известность ему принесли рассказы, фельетоны и пародии, опубликованные в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе».)

Влас Дорошевич оказал несомненное влияние на Лознгрину. Его фельетоны, написанные «короткими рублеными строками, односложными абзацами а-ля Влас Дорошевич», упоминает В.П. Катаев в «Траве забвения».

Примерно таким был мир одесской журналистики, в то время как Влас Дорошевич зарабатывал здесь свою «корону».

В мае 1899 г. Влас Михайлович уехал из Одессы. Официально – «в отпуск». О том, что он покидает наш город навсегда, знали лишь два ближайших его друга.

Имя Дорошевича навсегда осталось в одесской журналистике символом смелости и принципиальности.

Наш город сыграл огромную роль в становлении Дорошевича-журналиста. Город, где раскрылся и расцвел его яркий, оригинальный талант, где открыл он «короткую строку», язык улиц и бульваров которого он переносил в свои фельетоны. Уезжал он отсюда «Королем фельетонистов».

Галина Закипная

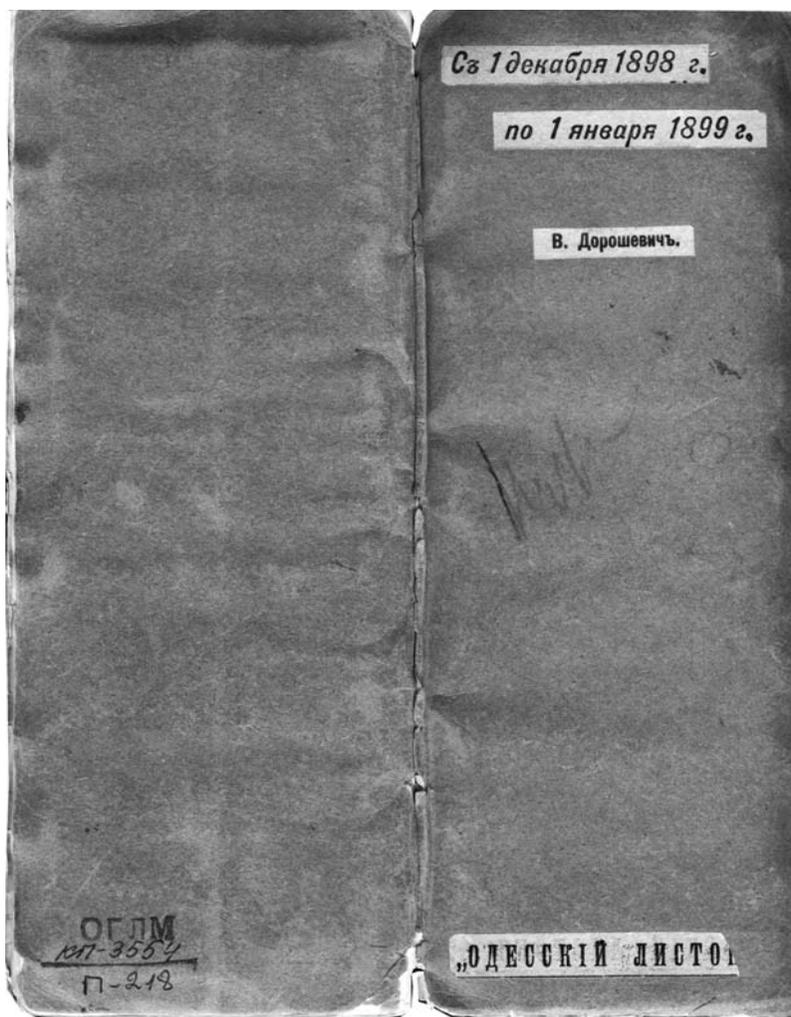
Наследство Короля фельетонов

Влас Дорошевич написал книгу об Одессе и своеобразных ее жителях, особенностях их характера, оригинальных привычках и бытовых причудах. Одесса и одесситы ответили благодарностью, поместив свидетельства жизни Короля фельетонов в Зале журналистики Одесского литературного музея.

Одной из первых одесситок, через сто лет пылко полюбивших знаменитого журналиста, стала юная сотрудница новосозданного Литературного музея Наталья Владимировна Гупало. Следует отметить, что в те далекие времена (конец 1970-х – начало 1980-х) означенный музей был полон юными представительницами одесской интеллигенции, в хорошенькие головки которых создатель музея Никита Алексеевич Брыгин прочно вложил мысль о великом будущем их детища. Девам юным стоило только приложить некоторые усилия и убедить скучных коллекционеров и наследников писателей пожертвовать в сокровищницу будущей прекрасной экспозиции

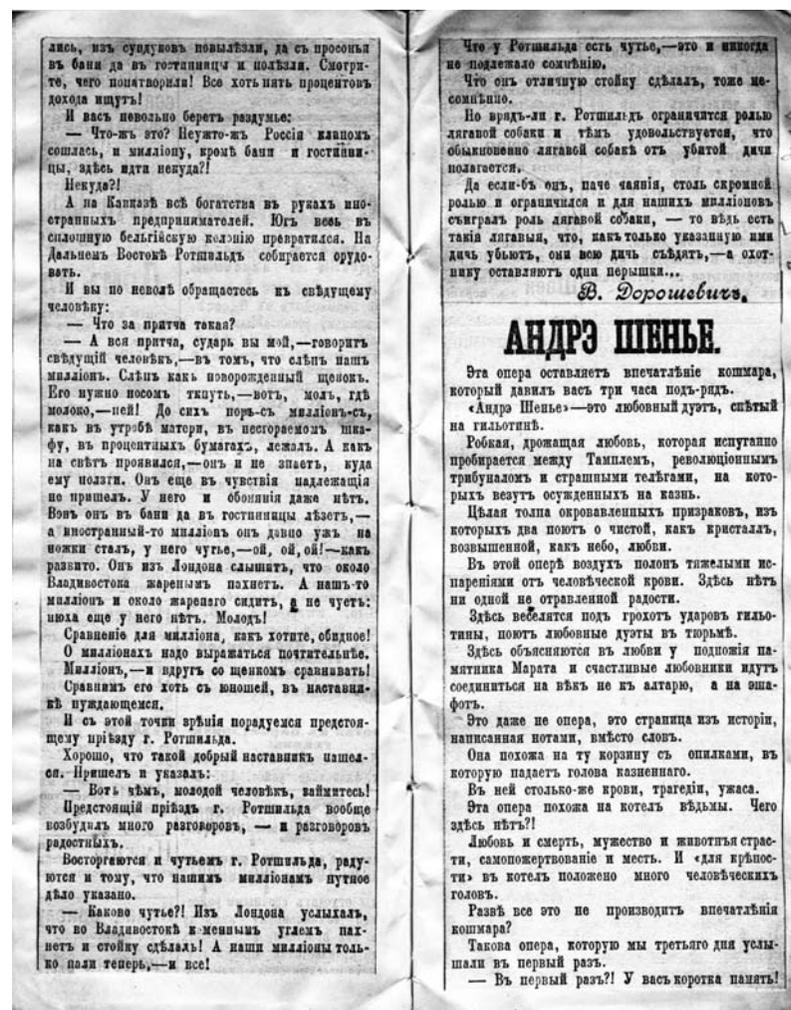

Шарж на В. Дорошевича. Худ. Денин (В. Денисов)

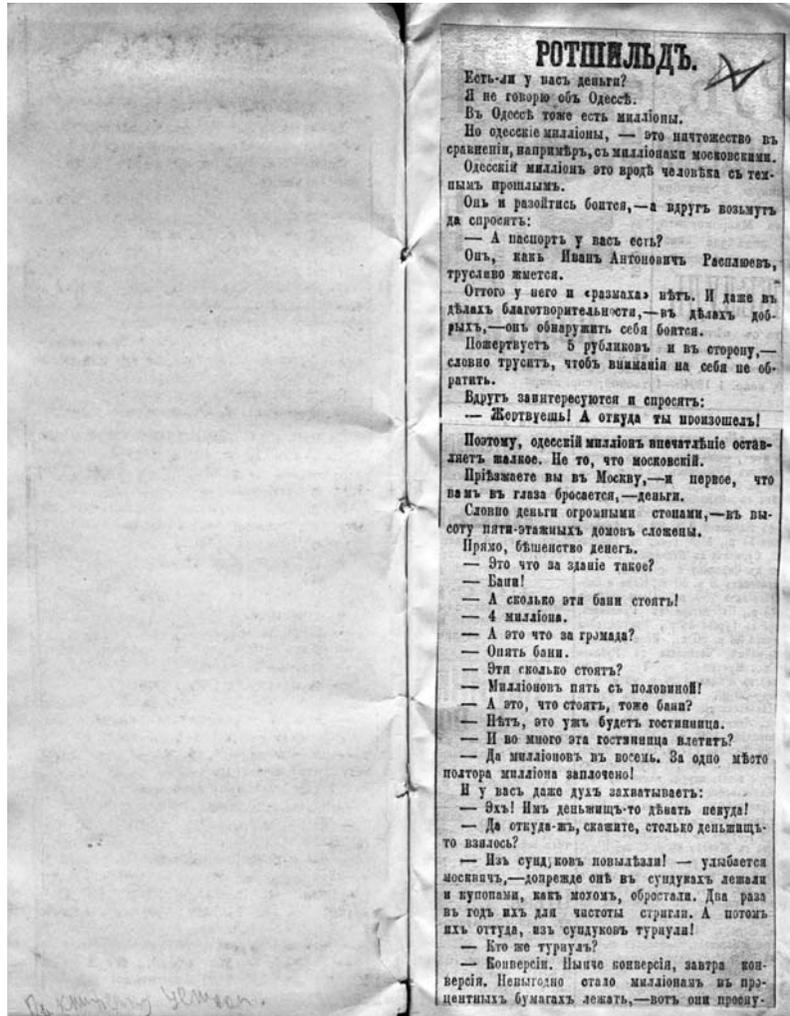
Записная книжка В. Дорошевича с вклеенными публикациями его фельетонов

малую толику их коллекции или же наследия знаменитого родственника. Никита Алексеевич обладал даром убеждения и, наслушавшись его напутствий, молодые и прехорошенькие научные сотрудницы от-

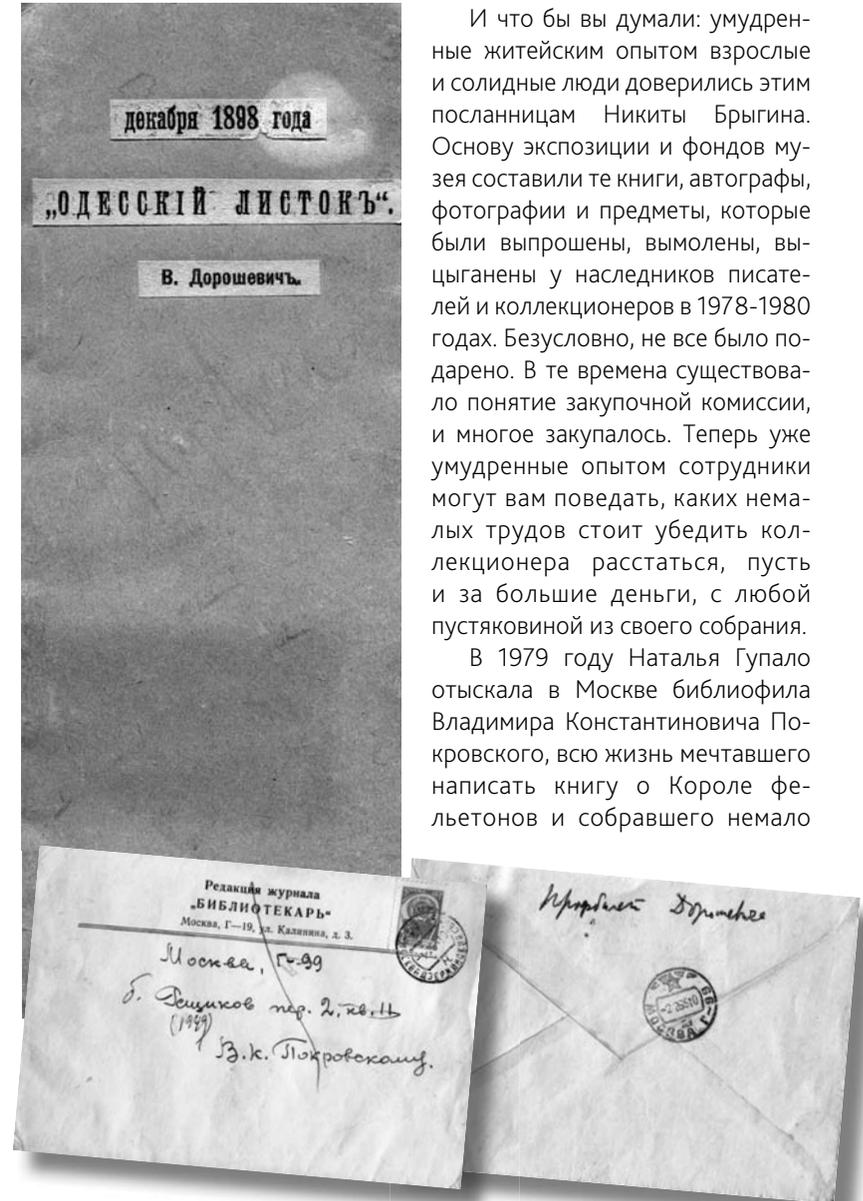
Записная книжка В. Дорошевича с вклеенными публикациями его фельетонов

правились в Москву, Ленинград, Киев. По всему по белу свету несли они весть о создании в Одессе небывалого, уникального литературного музея, который не сегодня-завтра распахнет двери и явит миру

Записная книжка В. Дорошевича с вклеенными публикациями его фельетонов

дивную экспозицию, жемчужиной которой станут те рукописи, фотографии, мемориалии, что нынче погребены в семейных архивах и частных коллекциях.

И что бы вы думали: умудренные житейским опытом взрослые и солидные люди доверились этим посланницам Никиты Брыгина. Основу экспозиции и фондов музея составили те книги, автографы, фотографии и предметы, которые были выпрошены, вымолены, выцыганены у наследников писателей и коллекционеров в 1978-1980 годах. Безусловно, не все было подарено. В те времена существовало понятие закупочной комиссии, и многое закупалось. Теперь уже умудренные опытом сотрудники могут вам поведать, каких немалых трудов стоит убедить коллекционера расстаться, пусть и за большие деньги, с любой пустаковиной из своего собрания.

В 1979 году Наталья Гупало отыскала в Москве библиофила Владимира Константиновича Покровского, всю жизнь мечтавшего написать книгу о Короле феллетонов и собравшего немало

В. Дорошевич в своем кабинете

Журналистское удостоверение В. Дорошевича

документов о жизни и творчестве своего любимца. Однако у Короля фельетонов сложились скверные отношения с советской властью, он был официально признан журналистом буржуазного толка, и Покровскому удалось опубликовать лишь очерк о жизни и творчестве Дорошевича в журнале «Москва», 1965, № 12. Гупало упростила продать в музей часть коллекции, которая стала основой экспозиции, посвященной Власу Дорошевичу. В 1980-1981 годах музей закупил у Покровского два шаржа на Дорошевича работы известного карикатуриста Дени (Виктора Николаевича Денисова) и театрального художника Ре-Ми (Николая Владимировича Ремизова-Васильева), несколько оригинальных фотографий Дорошевича, его письма из Ниццы и Парижа, три тетради с вырезками его фельетонов из «Одесского листка», записную книжку дорожных и прочих впечатлений от путешествия на остров Сахалин, удостоверение, членский билет журналиста и бронзовую дверную табличку Дорошевича!

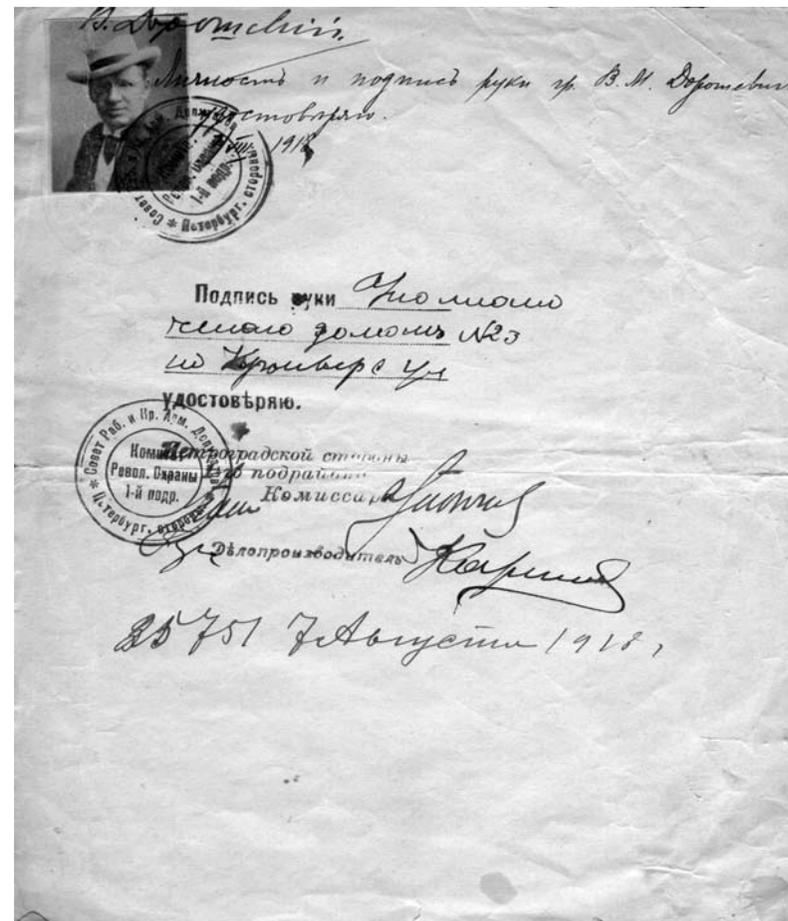
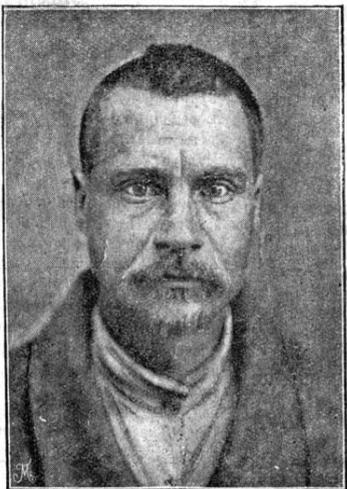
Интересно, что коллекция экспонатов Дорошевича подобрана таким образом, что способна проиллюстрировать грани его многообразных творческих интересов и любопытных жизненных перипетий.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ

(Изъ коллекции В. М. Дорошевича).

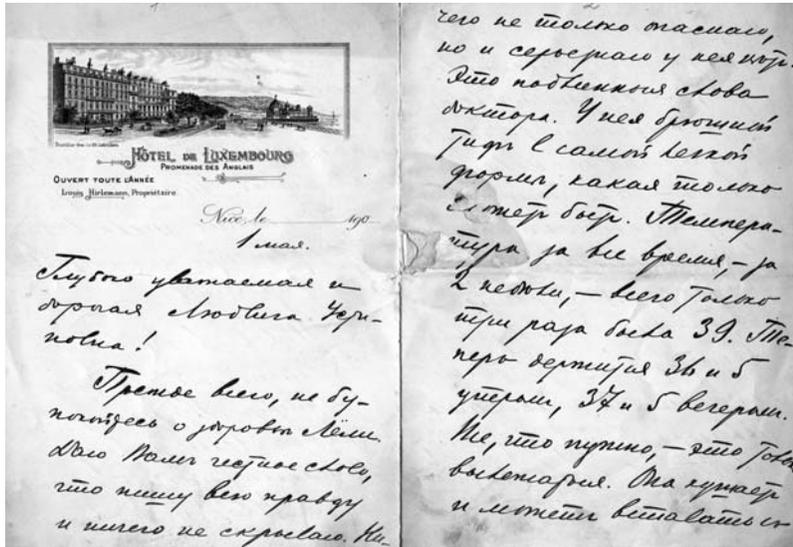

Онъ-же въ профиль.

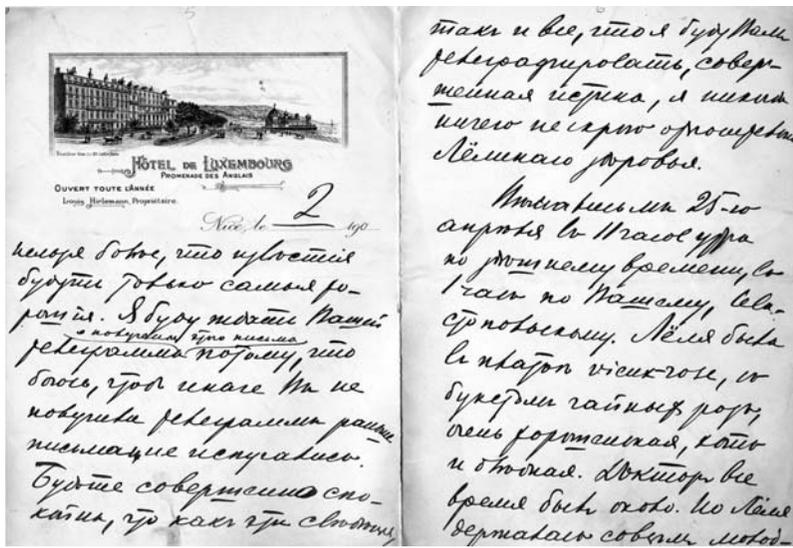

Удостоверение личности В. Дорошевича

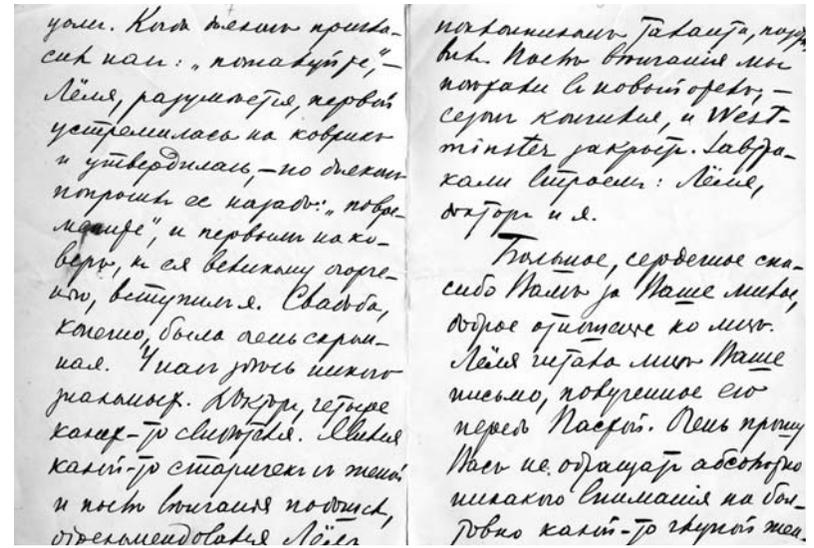
Доказательствами знаменитой поездки на остров каторжан «Сахалин» являются не только объемистые издания, но и записная книжка журналиста. К этой же теме можно присовокупить и письмо Дорошевича неизвестной даме относительно убийства некой Любови Христиановны Жолтковой, расследованием которой эта дама занималась. В письме Дорошевич просит ее продолжить розыск и прилагает 100 рублей

Письмо В. Дорошевича г-же Миткевич

Письмо В. Дорошевича г-же Миткевич

Письмо В. Дорошевича неизвестному адресату

послали. Доктор у нас
 пель хорший, русский, Ми-
 тер, превосходный человек
 и превосходный врач. На
 какой по тосковому рар
 е вещь — там — это она кон-
 постреливаем надвоев-
 сии. Никаких лекарств
 ей доктор не пропис-
 вает. На отина ртуть
 кетар и цинк — это меду
 камиде для гаса. Самые
 ভালোরাদিশ, я думаю,
 будет ей не выкоут сур
 невоки для. Ну что обра-

вляя совершили. Но, го-
 немо, тельея выкоут
 ральне, — но, как скажи
 индур, рая и будей. От-
 носительо это не бу-
 похитее. Мы похитее
 зий ииемо гела 8-го.
 Но похитее проку теле-
 графировали:

Hotel d'Alexandrie
 Я сейчас же теле-
 графировал Вам о ро-
 ровом Лейм и Буру
 телеграфировали камиде
 всеи. Утром вножи и ка-

всуге, или нагати сен-
 тедия ирводем с Крши.

Утром, зий привел
 ко Наме Лейм доктори,
 удручей. Нога до сли-
 дине, чтобы Наши руки
 проку Нам не берикафе
 о ровом Лейм, совер-
 шисмо вприт всеи, что
 я буду сообщать Нам
 о в е здоровье, и сур
 рар проку не обрачат
 ни матиного внимания

на вдриние и кетонид
 роделари и индур.

Удубоко и иедреши-
 вий дурой иредешмай
 Наме

В. Доросевича

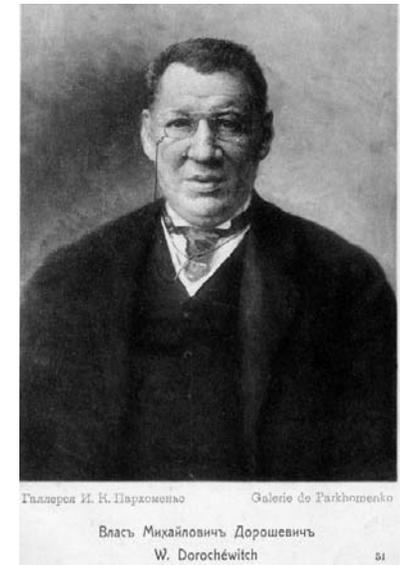
Письмо В. Дорошевича неизвестному адресату

на расходы. Самых 100 рублей, по-
 нятное дело, нету, ушли на сыск-
 ные затраты, а послание, писанное
 на фирменной бумаге «Grand hôtel
 du Louvre», в музее сохранилось.

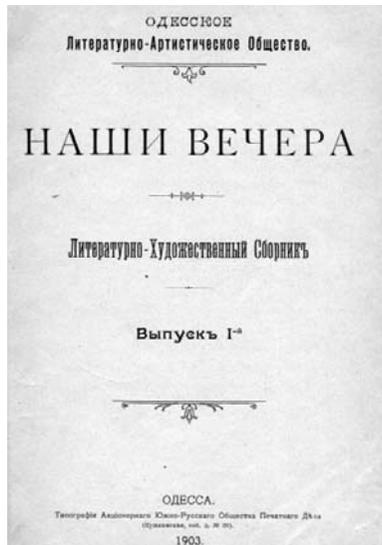
Или договор С.-Петербург-
 ского товарищества Сытина с До-
 рошевичем, в котором последнего
 приглашают на должность одного
 из двух ответственных редакторов
 ежедневной газеты «Русское сло-
 во». Да об этом договоре Дороше-
 вича с Сытиным легенды ходили!
 Все предусмотрел многоопытный
 журналист, вот только революцию
 никак не мог предугадать. И пра-
 хом пошли все договора и честно
 заработанные гонорары. В послед-
 ние голодные годы жизни, чтобы
 как-то просуществовать, читал
 лекции, свидетельством чему про-
 грамма выступления на тему «Ве-
 ликая Французская революция
 и ее журналисты».

Музей обладает достойным
 книжным фондом Дорошевича,
 в котором около тома из собра-
 ния его сочинений и отдельные
 издания, несколько публикаций
 «Сахалина», в том числе и современные переиздания, публицистика,
 юмористические книги, сказки Востока. Журналист любил путешество-
 вать, странствия подпитывали его воображение, и он щедро делился
 с читателями увиденным и придуманным в дальних краях.

В 1975 году вышло первое основательное исследование Семена
 Владимировича Букчина «Судьба фельетониста», посвященное жиз-
 ни и творчеству Власа Дорошевича. В существенно дополненном виде
 этот труд был переиздан в 2010 году. Книги Букчина надежно хранятся

Портрет В. Дорошевича худ. И. Пархоменко
 и оборотная сторона открытки с портретом
 Из коллекции Т. Максимиюка

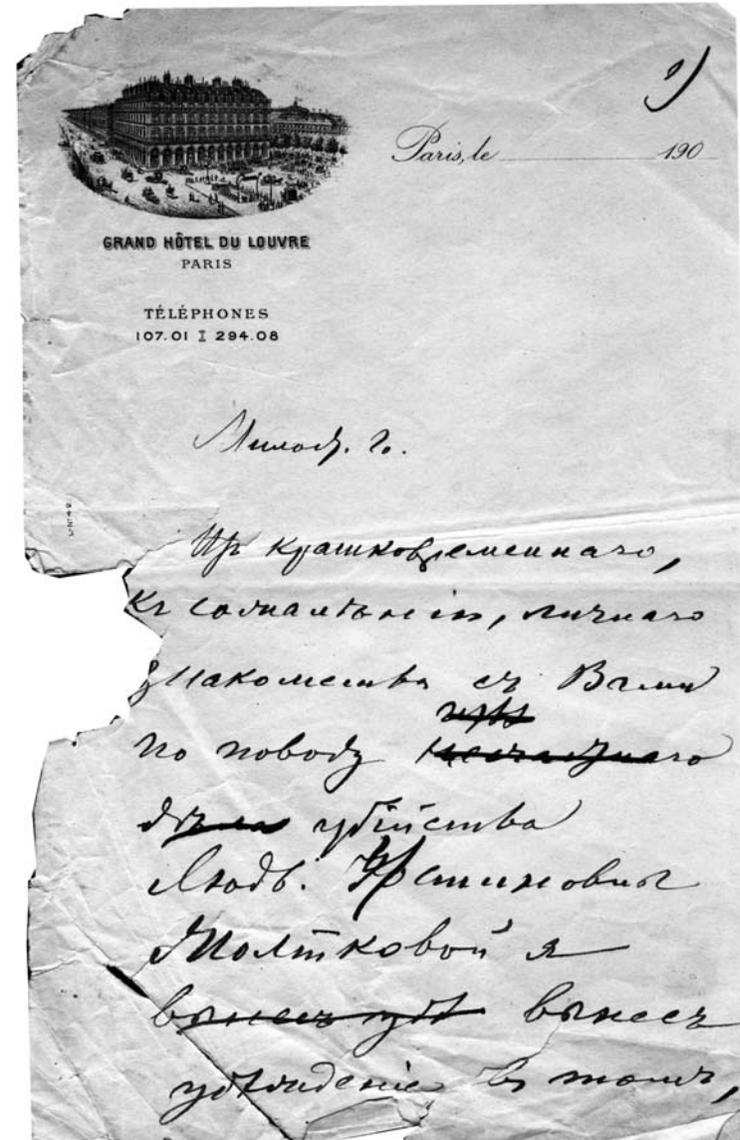

Издание материалов Одесского литературно-артистического общества

в фондах музея, особую ценность представляет первое издание, подаренное автором в 1979 году, о чем свидетельствует его автограф.

Газетный фонд музея хранит около полутысячи номеров «Одесского листка» разных годов издания, однако при этом богатстве публикаций Дорошевича не более десяти. Но! Среди этого десятка «Одесский листок» с фото-портретами основателей Одесского литературно-артистического общества, в центре – благородное лицо Власа Дорошевича. Это было замечательным начинанием: создать общество людей разных профессий и сословий, которых объединяла бы любовь к искусству – литературе, живописи, музыке. И то, что эти одесситы в конце XIX века пришли читать свои доклады о литературе и искусстве, музицировать, обмениваться впечатлениями от прочитанного в Дом князя Гагарина на Ланжероновской, а потом спустя восемьдесят лет другое поколение одесситов пришло туда же, чтобы создать в этом здании музей, – конечно же, это не случайность, это предопределенность людского бытия, выходящая за пределы обыденности.

Влас Дорошевич пришел в Дом князя Гагарина в 1899 году основателем Одесского литературно-артистического общества, а в 1978

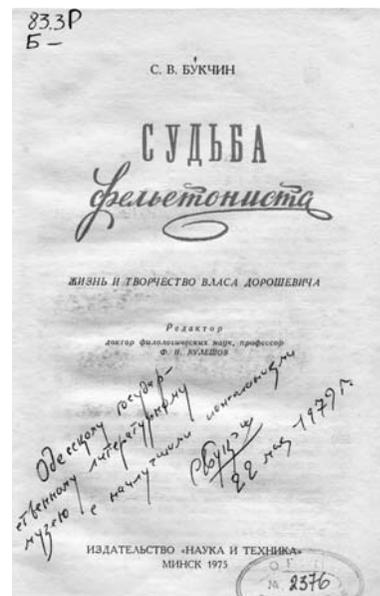

Письмо В. Дорошевича из Парижа неизвестному адресату

Шарж на В. Дорошевича. Худ. Ре-Ми (Н. Ремизов-Васильев)

Титул книги С. Букчина «Судьба фельетониста» с дарственной надписью автора в адрес ОЛМ

Рабочая тетрадь В. Дорошевича

году вернулся в этот дворец в качестве экспоната Одесского литературного музея.

В первоначальном замысле Зала журналистики в экспозиции нашего музея не было. Его придумала блистательный экспозиционер Светлана Тимофеевна Выскребенцева, замысел воплотил неумный фантазер художник Аркадий Борин.

Уникальным экспонатом Зала журналистики стала книга Дорошевича «Одесса, одесситы и одесситки». В год своего издания – 1895-й – она стоила 80 копеек (цена напечатана на нижнем листе обложки), штамп букинистического магазина свидетельствует, что в 1973 году книга была продана за 200 рублей (сумма по тем временам немаленькая). Музей закупил это издание за 250 рублей в 1979 году у одесского библиофила, артиста ТЮЗа Бориса Федоровича Цудзановского, судя по всему, стараниями первого директора Никиты Алексеевича Брыгина.

Очевидно, что в свое время книга эта пользовалась большой популярностью и зачитывалась основательно, вследствие чего в библиотеках не сохранилась. В частных коллекциях она тоже отсутствовала. Начиная с открытия Одесского литературного музея, книга Дорошевича «Одесса,

Название	№	Стр.
История (1996 - 1998 - 1999)	1	1, 2
Мурлы (или то, что там было)	2	3, 4
Возвращение (или то, что там было)	3	5, 6
Возвращение (или то, что там было)	4	7, 8
Возвращение (или то, что там было)	5	9, 10
Возвращение (или то, что там было)	6	11, 12
Возвращение (или то, что там было)	7	13, 14
Возвращение (или то, что там было)	8	15, 16
Возвращение (или то, что там было)	9	17, 18
Возвращение (или то, что там было)	10	19, 20
Возвращение (или то, что там было)	11	21, 22
Возвращение (или то, что там было)	12	23, 24
Возвращение (или то, что там было)	13	25, 26
Возвращение (или то, что там было)	14	27, 28
Возвращение (или то, что там было)	15	29, 30
Возвращение (или то, что там было)	16	31, 32
Возвращение (или то, что там было)	17	33, 34
Возвращение (или то, что там было)	18	35, 36
Возвращение (или то, что там было)	19	37, 38
Возвращение (или то, что там было)	20	39, 40
Возвращение (или то, что там было)	21	41, 42
Возвращение (или то, что там было)	22	43, 44
Возвращение (или то, что там было)	23	45, 46
Возвращение (или то, что там было)	24	47, 48
Возвращение (или то, что там было)	25	49, 50
Возвращение (или то, что там было)	26	51, 52
Возвращение (или то, что там было)	27	53, 54
Возвращение (или то, что там было)	28	55, 56
Возвращение (или то, что там было)	29	57, 58
Возвращение (или то, что там было)	30	59, 60

Список названий фельетонов В. Дорошевича. Автограф.

Визитка В. Дорошевича

одесситы и одесситки» стала экспонатом-дразнилкой: вот она перед вами на стеночке висит рядом с тросточкой Дорошевича, но как с тросточкой этой прогуляться по Дерibasовской вы не можете, так и книгу эту прочесть тоже нет никакой возможности. А открыта книга на содержании, и ужасно любопытно узнать, что там говорили одесситы об одесситках и соответственно одесские дамы об одесситах, и как виделась Власу Дорошевичу наша одесская жизнь через сто лет. Но книга была недоступной в своей экспозиционной крепости.

Музейщики долго хранили интригу, но в сокрушительный век Интернета необходимость переиздания стала очевидной. Теперь музейный фонд Дорошевича пополнится новым изданием, а одесситы наконец смогут узнать, что думал о них этот улыбочивый журналист в пенсне, которого они нарекли королем фельетона.

Содержание

Евгений Голубовский	
Король умер? Да здравствует король!	5

Одесса, одесситы и одесситки

Одесситки об одесситах	21
Одесситки	45
Одесский язык	59
Одесса через сто лет	69
Строгановский мост	91
Вандербильд	107
Велосипедисты	119
Призовая горячка	129
Винт	141
В гостинной Фамусова	153

Pour la bonne bouche

Собрание сочинений великих писателей	166
Успех у женщин	176
Свадьба по объявлению	181
На праздниках	186
Через сто лет после смерти	190
Одесский альманах	195

Фельетоны

Американский рассказ	203
Барон Икс	209
Трагедия	217
Южные журналисты	218
Опера, или Искусство сделаться в один год знаменитым тенором	232
Летний тенор	237
Бас	242

Легенда об одесситке 251

Воспоминания о В.М. Дорошевиче

Дон Аминадо
Поезд на третьем пути 261

Александр Амфитеатров
Дорошевич..... 268

Абрам Кауфман
Король фельетонистов.....277

Александр Кугель
Литературные воспоминания 282

Корней Чуковский
Из дневников 289

Георгий Шенгели
Дорошевич.....292

Надежда Тэффи
Он оглянулся на меня..... 306

Владимир Нарбут
Король в тени 309

Король фельетонистов как экспонат Одесского литературного музея

Анна Божко
Свита делает короля.....317

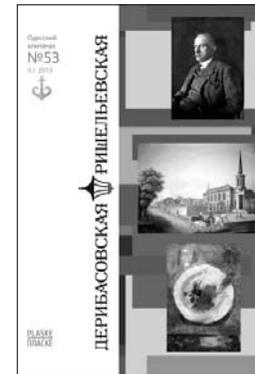
Галина Закипная
Наследство Короля фельетонов 327

«Одесская библиотека»

В 2012-2013 годах вышли выпуски альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» – № 50, 51, 52, 53.

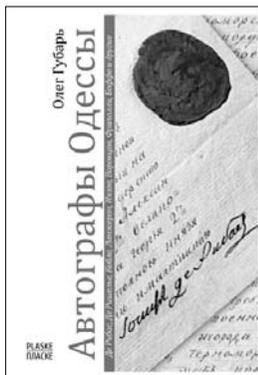
Альманах «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 53

Значительное место в этом выпуске занимают произведения разного жанра, созданные авторами журнала «Октябрь», а также одесситами, львовскими и киевскими писателями и поэтами. Они стали участниками традиционного международного литературного фестиваля, организаторами которого являются этот московский журнал и Одесский литературный музей. В его залах и на его площадках прошли заседания круглых столов, дискуссии, творческие встречи, просмотры кинофильмов, выставки. Фестиваль был посвящен юбилеям – 120-летию Владимира Маяковского и 85-летию выхода знаковых книг классиков Юго-Западной (Одесской) школы – романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев» и сказки Юрия Олеши «Три толстяка».

Среди публикаций выпуска – рассказ об улице Новосельского, названной в честь одного из самых успешных городских голов Южной Пальмиры середины XIX века. Этой улице посвящен ежегодный «Одесский календарь», который ко Дню города выпускают Литературный музей и АО «ПЛАСКЕ».

Олег Губарь «Автографы Одессы»

Замечательный писатель, признанный знаток истории и тайн Одессы собрал под одной обложкой уникальные документы: автографы наших земляков – создателей молодого города на берегу Черного моря, и ярких представителей самых разных социальных слоев и этносов, населявших ее в старые годы. Здесь и выдающиеся государственные деятели, и военачальники, и талантливые архитекторы, и самоотверженные врачи, но не забыты и лихие корсары, и «милые, но падшие создания», и изобретательные авантюристы... Все они – составляющие неповторимого одесского этноса.

В отзыве на эту книгу Михаил Жванецкий пишет: «Олег Губарь. Мой любимый писатель. В его книгах Одесса, перевернутая прошлым вверх».

Яков Майстровой «История Одессы в названиях улиц»

Более 10 лет назад краевед Яков Майстровой опубликовал топонимический справочник, который сразу же стал библиографической редкостью. Это было, по сути, первое профессиональное издание, в основу которого легли сведения, добытые автором в архивах и бесчисленных хождениях по улицам нашего города. Та книга охватывала лишь центр Одессы, и от Майстрового ждали продолжения. И вот вышел внушительный том, снабженный планами города разных лет и старинными фото и рисунками, – «История Одессы в названиях улиц», высоко оцененный специалистами. Профессор

Андрей Добролюбский: «Книга Я. Майстрового уникальна. Этот энциклопедический топонимический справочник поражает своей исключительной полнотой, добротностью, скрупулезной выверенностью».

Если вас заинтересовали издания «Одесской библиотеки» и вы захотели их купить, обращайтесь на сайт АО «ПЛАСКЕ»:
www.plaske.ua/publishing

Книги альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», выходявшие с 2000 по 2013 год, можно найти на сайте Всемирного клуба одесситов:
www.odessitclub.org

Литературно-художественное издание

Дорошевич Влас Михайлович
Одесса, одесситы и одесситки
Фельетоны. Воспоминания о В.М. Дорошевиче

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

*Редактор Феликс Кохрихт
Верстка, корректура Татьяна Коцевская*

Подписано в печать 23.07.2013
Бумага офсетная MUNKEN PURE 90 г/м.

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60x84/16

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «ВМВ»
Зак. № ___ Тираж 1000 экз.

www.odessitclub.org

PLASKE
ПЛАСКЕ

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, г. Одесса, 65001, Украина
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua